

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Паротькин И., подполковник. — Великая битва под Сталинградом	3
Раимов Р., секретарь Башкирского обкома ВКП(б). — 25 лет Башкирской АССР	18
Шульгин В., проф. — К. Маркс и Ф. Энгельс и передовая общественная и научная мысль России 70—80-х годов	26
Воронин Н., проф. — Культура Владимиро-Суздальской земли XI—XIII веков	35
Перцев В., действ. чл. Белорусской академии наук. — Пруссия до её завоевания немцами	44
Войтинский Г., проф. — Международные отношения на Дальнем Востоке в годы первой мировой войны	53
Манусевич А. — К дипломатической истории вопроса о восточных границах послеверсальской Польши	62

ПАМЯТИ Е. М. ЯРОСЛАВСКОГО

Ярославский Е. м. , акад. — Изучение истории ВКП(б) в условиях Великой отечественной войны	70
Панкратова А., чл.-корр. АН СССР. — Большевикский историк Е. М. Ярославский	77

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Валк С., проф. — Советские издания документов по истории СССР до XIX века.	89
Ильин С. — Селигерский путь Батые к Новгороду в 1238 году	96
Лунин Б. — К истории города Термеза	100

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Н. В. — «Труды Государственного Исторического музея». Вып. XIII. Гофман Ц. — Третьякова «Уральцы в отечественной войне против германских захватчиков в 1918 г.»	104
Шубников А. — Библиографические заметки	107

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Горянов Б. — Группа византиноведения Института истории Академии наук СССР.	
Китушин А. — На историческом факультете Азербайджанского университета	110

ПОПРАВКА

Автор статьи «Об одной фашистской фальсификации истории осетин», помещённой в № 2—3 — проф. Г. А. Кокнев.

Е. м. Ярославский

Редакционная коллегия:

Б. М. Волин
И. А. Кудрявцев
И. И. Минц.
А. М. Панкратова
С. И. Гопнер

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Д 3-31-04, Д 3-36-50.

A5148 Изд. № 233. Зак. № 433. Тираж 20.000.

Подписано к печати 28/IV 1944 г. 68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СТАТЬИ

ВЕЛИКАЯ БИТВА ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Подполковник И. Паротькин

Сталинградская битва, развернувшаяся летом 1942 г., является величайшей битвой не только современной эпохи, но всех битв, какие знает военная история. Она охватила обширную территорию — до 50 тыс. квадратных километров, в неё были вовлечены громадное число войск и колоссальное количество боевой техники. На отдельных этапах этой битвы в боях участвовало одновременно свыше 2 тыс. танков и 20 тыс. орудий и миномётов и около 2 тыс. самолётов.

Эта битва, начавшаяся 17 июля 1942 г., длилась непрерывно и с невиданным напряжением сил обеих сторон в течение шести с половиной месяцев. Заключительные залпы, завершившие последний этап этого величайшего сражения, прозвучали 2 февраля 1943 года.

Немецкое командование, планируя летнюю кампанию 1942 г., ставило перед собой ту же задачу, которую оно не смогло выполнить в первый год войны, — разгромить основные силы Красной Армии, захватить Москву и вывести Советский Союз из войны. Однако вследствие огромных потерь, понесённых немецкими армиями в 1941 г., гитлеровское командование вынуждено было на 1942 г. значительно сократить фронт предстоящих действий.

На этот раз немецкое командование рассчитывало нанести главный удар на юго-западном стратегическом направлении, с тем чтобы прорваться к Волге в районе Сталинграда, разорвать фронт Красной Армии на две изолированные части и, развивая наступление на север, выйти в тыл московскому стратегическому району, а затем ударить на Москву и во взаимодействии с войсками, наступавшими с запада, разгромить основные силы Красной Армии.

Гитлеровское командование предполагало нанести вспомогательный удар в южном направлении — на Баку, с тем чтобы отвлечь часть наших сил с Центрального фронта и захватить нефтеносные районы Закавказья. При успешном осуществлении этого вспомогательного удара перед фашистской Германией открывались весьма выгодные перспективы для активизации действий на Ближнем Востоке.

Общая обстановка, сложившаяся к лету 1942 г., благоприятствовала развёртыванию немцами летней кампании на восточном фронте. Отсутствие второго фронта в Европе позволило немцам ещё раз направить все свои силы против Советского Союза, сосредоточить на советско-германском фронте

240 дивизий, в том числе 179 дивизий немецких.

Большая группа этих войск находилась на юго-западном направлении. Главная же группировка немецких войск, которая должна была решить судьбу всей летней кампании 1942 г., а значит и выиграть войну, была сосредоточена на трёхсоткилометровом фронте между Орлом и Харьковом.

Всё это дало немецкому командованию на этом участке фронта большой перевес в силах. Немецкое командование, рассчитывая на громадную ударную силу созданной им группировки, планировало провести предстоящую летнюю кампанию в кратчайший срок, в темпах молниеносной войны.

В стратегических расчётах германского командования Сталинград занимал решающее место. Это видно из последующего хода развития боевых действий, а также из писем и документов немцев.

«Сталинград имеет для нас решающее значение, — заявил в своей речи Гитлер 8 ноября 1942 года. — То, что мы против ожидания атаковали не на центральном фронте, а у Сталинграда, объясняется тем, что я хотел в определённом месте, у определённого города достигнуть Волги. Это гигантский путь, и мы хотим им располагать».

Без овладения Сталинградом, этим важнейшим стратегическим пунктом, немцы не могли обеспечить успех удара главной группировки на Москву и действия своей группировки, наступавшей на Кавказ.

Битва под Сталинградом по характеру боевых действий распадается на четыре основных этапа:

1. Оборонительное сражение, длившееся с 17 июля по 19 ноября 1942 года.
2. Наступление Красной Армии и окружение немецких армий под Сталинградом в период с 19 по 30 ноября 1942 года.
3. Ликвидация попыток немецкого командования освободить окружённые под Сталинградом армии — декабрь 1942 года.
4. Операция по ликвидации окружённых под Сталинградом армий в период с 10 января по 2 февраля 1943 года.

I

Наступление гитлеровское командование начало в двух направлениях: из района Курска на Старый Оскол — Воронеж и из района Волчанска на Новый Оскол. Стремясь добиться максимального выигрыша времени, которое для немецкой армии имело решающее значение, первоначально немецкое командование направило главные

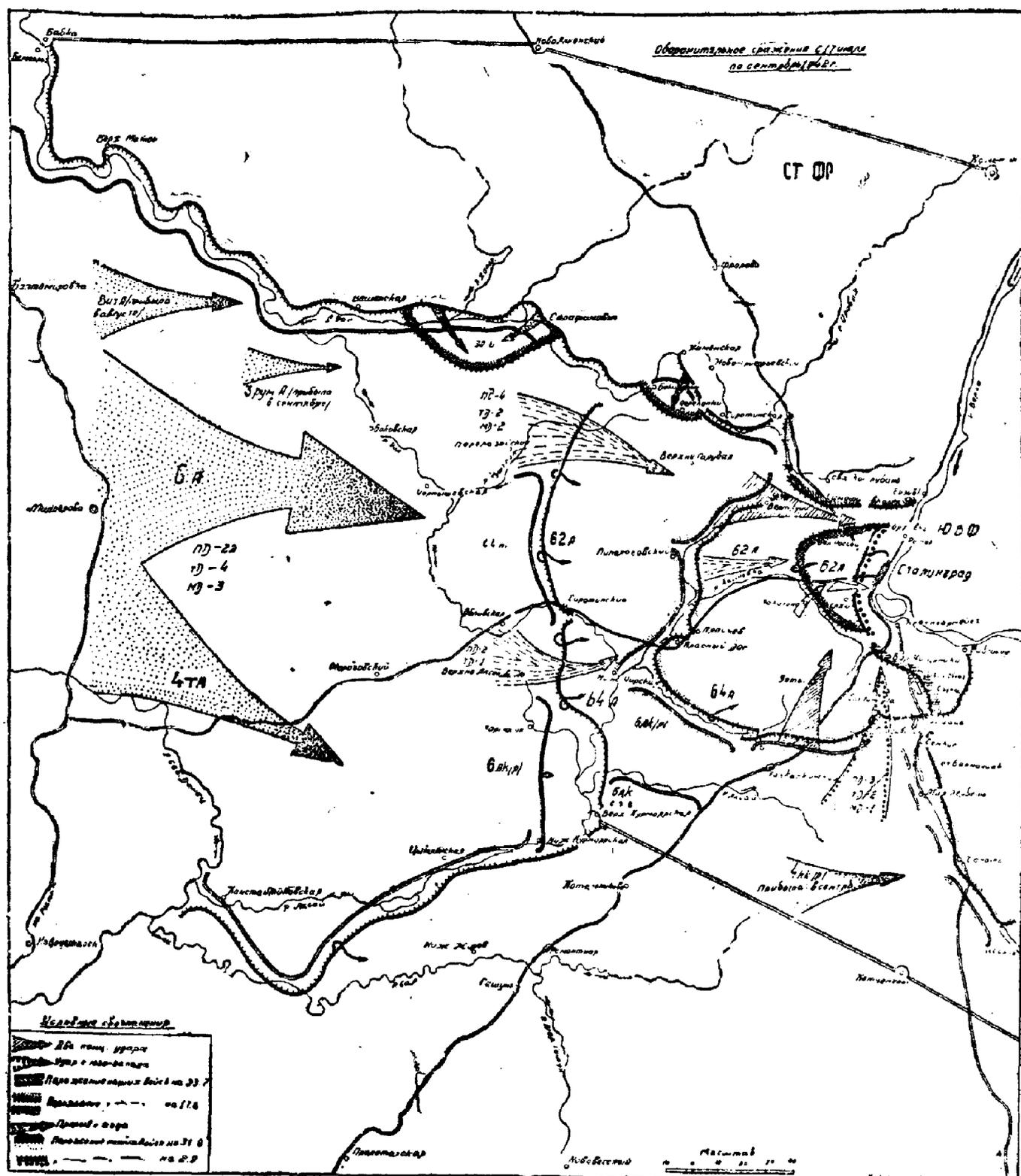

Схема № 1

усилия на Воронеж, Борисоглебск, рассчитывая прорваться к Москве по кратчайшему пути.

Используя своё значительное превосходство в силах, немецко-фашистские войска прорвали оборону наших войск, форсировали Дон и вышли к Воронежу. Дальнейшее же продвижение немцев на этом направлении было приостановлено упорной обороной и решительными контрударами Красной Армии. Немецкое командование, вынужденное перейти к обороне на Воронежско-Борисоглебском направлении, главный удар направило на Сталинград. На Сталинградском направлении оно сосредоточило мощную группировку в составе четырёх армий: двух немецких, одной румынской и одной итальянской¹ с общим числом до 50 дивизий и

¹ 4-я танковая и 6-я немецкие армии, 3-я румынская и 8-я итальянская армии.

4-й воздушный флот Рихтгофена в составе около тысячи самолётов.

В середине июля основная часть этой группировки вышла в большую излучину Дона в район Боковский, Морозовский, Миллерово и Кантемировка (схема № 1).

Грозная опасность нависла над Сталинградом и Волгой.

Наше Верховное главнокомандование срочно предприняло ряд мер. 12 июля в интересах объединения усилий войск, оборонявших Сталинград, был создан Сталинградский фронт. Между Доном и Волгой был сооружён ряд оборонительных рубежей. Оборонительный рубеж Клетская, Суровикино (на западном берегу Дона) был занят нашими войсками. Энергично стал готовиться к обороне и Сталинград.

Немецкое командование для захвата Сталинграда направило 4-ю танковую и 6-ю армии в составе 22 пехотных, 4 танковых

и 3 моторизованных дивизий и все самолёты 4-го воздушного флота. Мощностью этой группировки и сосредоточение её на одном направлении говорили о том, что немецкое командование предполагало овладеть Сталинградом с хода. Оно рассчитывало двусторонним концентрическим ударом окружить и уничтожить наши войска, выдвинутые на западный берег Дона, на рубеж Клетская, Суровикино, захватить переправы через Дон и безостановочным маршем двинуться на Сталинград. Но эти намерения немецкого командования не осуществились. Немецкие войска наткнулись на мощное сопротивление войск 62-й и 64-й армий и контратаки фронтовых резервов; начались затяжные, кровопролитные бои на западном берегу Дона.

После провала первого плана прорыва к Сталинграду немецкое командование наметило новый план. Как показали дальнейшие события, на этот раз оно решило овладеть Сталинградом ударом с югозапада, вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград. Для выполнения намеченной задачи на это направление была переброшена 4-я танковая армия, из состава которой к 6 августа в районе Абганерово была организована ударная группа из трёх пехотных, одной танковой и одной моторизованной дивизий.

Одновременно немецкое командование поставило перед войсками 6-й армии задачу — полностью овладеть западным берегом Дона и захватить переправы в районе Калача.

С 23 июля до середины августа продолжались ожесточённые бои за западный берег Дона. И только к 17 августа немцам удалось оттеснить наши войска на левый берег Дона. Наступление же из района Абганерово вдоль железной дороги Тихорецк—Сталинград в результате активных действий наших войск потерпело неудачу и к 10 августа окончательно захлебнулось, а прорвавшиеся в глубину нашей обороны танковые и моторизованные войска противника были частью уничтожены, а частью отброшены.

Немецкое командование, постоянно подстёгиваемое требованиями Гитлера во что бы то ни стало захватить Сталинград, наметило третий план захвата Сталинграда. Но на этот раз, учтя печальный опыт провалившихся первых своих двух планов, оно решило ввести в действие все наличные силы 4-й танковой и 6-й армий и овладеть Сталинградом при помощи двух одновременных концентрических ударов: одного с северозапада, из района малой излучины Дона, силами 6-й армии, другого с юга, из района Абганерово—Плодовитое вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград силами 4-й танковой армии.

В состав северной немецкой ударной группы входили 6 пехотных, 2 танковые и 2 моторизованные дивизии. Она должна была нанести удар из района Трёхостровская, Лученский в направлении Вертячий, северная окраина Сталинграда. Южная немецкая группировка, состоявшая из трёх пехотных, двух танковых и одной моторизованной дивизии, наступая из района Абганерово —

Плодовитое, должна была прорваться на южную окраину Сталинграда. Вспомогательный удар немцы должны были нанести из района Калача силами до трёх дивизий. Всего же в этом наступлении на Сталинград принимало участие более 20 дивизий.

Северной немецкой группировке, поддержанной крупными силами авиации, после ожесточённых боёв удалось форсировать Дон, прорвать нашу оборону в районе Вертячий и к 23 августа выйти к Волге на участке Ерзовка — Рынок. Одновременно непосредственно на Сталинград противник бросил сотни самолётов, надеясь дезорганизовать оборону, посеять панику и овладеть городом. Но надежды гитлеровского командования не оправдались. На защиту города встали фронтовые резервы, рабочие батальоны, коммунисты и комсомольцы Сталинграда и помогли отстоять город.

Противник был остановлен на северозападных и северных подступах к городу. Но, тем не менее, с выходом его к Волге оборона Сталинграда значительно осложнилась, так как войска Сталинградского фронта, действовавшие севернее Сталинграда, оказались отрезанными от города.

Боевое питание войск, оборонявших Сталинград и районы южнее города, приходилось вести теперь только через Волгу, находившуюся под непрерывным воздействием вражеской авиации.

С выходом противника к Волге основная часть сталинградских заводов оказалась не только под воздействием авиации врага, но и под огнём его дальнобойной артиллерии. Тем не менее на заводах продолжалась напряжённая работа.

Большую роль в обороне Сталинграда сыграло население города, которое под огнём неприятеля строило оборонительные рубежи за городом, возводило укрепления и баррикады в городе. Заводы несмотря на ожесточённые непрерывные бомбардировки до последней возможности напряжённо работали, снабжая фронт танками, артиллерией и боеприпасами. Тысячи рабочих сталинградских заводов, железнодорожников, водников, учащиеся и заводская молодёжь влились в ряды 62-й армии и героически защищали свой родной город, свои заводы, свои дома.

Центральной и южной группировкам немецких войск также удалось продвинуться вперёд. Наши войска, оборонявшие этот участок фронта, под давлением превосходящих сил противника вынуждены были отойти на рубеж Спартакровка — Орловка — восточный берег рек Россошка и Червленая и далее Гавриловка — Райгород.

В последних числах августа противнику удалось прорвать нашу оборону в направлении Басаргино и выйти во фланг частям 62-й армии. Наше командование, учитывая превосходство противника в живой силе, а в особенности в танках и авиации, ко 2 сентября отвело свои войска на внутренний оборонительный рубеж.

С 3 по 13 сентября разгорелись ожесточённые бои на ближних подступах к городу. Немецкое командование продолжало получать телеграммы от Гитлера с требовани-

ем любой ценой захватить Сталинград. На этот раз Гитлер требовал овладеть городом и разгромить всю сталинградскую группировку Красной Армии к 10 сентября. Поэтому бои первой декады сентября были особенно ожесточёнными. Немецкое командование, выполняя волю фюрера, бросало в атаку одну дивизию за другой. В атаках принимали участие крупные танковые соединения. Почти непрерывно шли напряжённые бои и в воздухе.

Наши войска, стойко удерживая занимаемый рубеж, наносили противнику большие потери. За 10 дней сентябрьских боёв за город немцы потеряли свыше 24 тыс. только убитыми, 185 орудий и более 200 танков. Но превосходство в живой силе и технике всё же оставалось за противником, и к 14 сентября ему удалось ударом с северо-запада прорваться в район вокзала, а в районе Купоросного выйти к Волге. С этого момента начались бои непосредственно в самом городе, продолжавшиеся с величайшим напряжением сил до 19 ноября. С 12 сентября оборона Сталинграда была возложена на войска 62-й армии генерал-лейтенанта Чуйкова.

Противник на штурм города бросил основные силы 4-й танковой и 6-й армий—до 12 дивизий, до 500 танков и все самолёты 4-го воздушного флота. Атаки немцев следовали одна за другой, они предпринимались и подразделениями и группами соединений. В период боёв на подступах и в самом городе немцы предприняли 4 общие атаки, вводя в бой одновременно до 10 дивизий и до 400—500 танков; 50 атак силами 2—3 дивизий, примерно столько же атак силами одной дивизии и более 120 атак силами до полка. Вражеская артиллерия и миномёты выпустили по войскам 62-й армии десятки тысяч тонн снарядов и мин. За это же время немецкая авиация произвела более 100 тыс. самолётных вылетов на боевые порядки наших войск, сбросив при этом до миллиона бомб общим весом до 100 тыс. тонн. Но ничто не могло сломить железную волю защитников волжской твердыни.

После трёхмесячных тяжёлых боёв противнику ценой огромных потерь удалось подойти к Сталинграду, но овладеть им немцы не смогли. Сталинский приказ «Ни шагу назад!» был единственным законом для всех бойцов и командиров, защищавших город. Все защитники города-героя считали, что для них земли за Волгой нет. Это настроение ярко выразил снайпер Василий Зайцев, который, получая правительственную награду, заявил: «Передайте товарищу Сталину, что для нас, бойцов и командиров 62-й армии, за Волгой земли нет. Мы стояли и будем стоять насмерть».

Стойкость и сопротивление наших войск неуклонно росли. Каждый новый день приносил десятки новых подвигов и сотни новых героев. Каждый день боёв увеличивал уменье и боевое мастерство героических защитников, укреплял их волю и уверенность в победе. Настроение наших войск, оборонявших Сталинград, ярко выражено в письме, с которым бойцы и командиры Сталинградского фронта обра-

тились к товарищу Сталину накануне 25-й годовщины Октября: «Мы пишем Вам в разгар великого сражения, под гром несмолкаемой канонады, вой самолётов, в зареве пожарищ на крутом берегу великой русской реки Волги, пишем, чтобы сказать Вам и через Вас всему советскому народу, что дух наш бодр, как никогда, воля тверда, руки наши не устали разить врага. Решение наше—стоять насмерть у стен Сталинграда... Сражаясь сегодня под Сталинградом, мы понимаем, что дерёмся не только за город Сталинград. Под Сталинградом мы защищаем нашу Родину, защищаем всё то, что нам дорого, без чего мы не можем жить. Здесь, под Сталинградом, решается судьба нашей Родины. Здесь, под Сталинградом, решается вопрос, быть или не быть свободным советскому народу... Посылая это письмо из окопов, мы клянёмся, что до последней капли крови, до последнего дыхания, до последнего удара сердца будем отстаивать Сталинград и не допустим врага к Волге!»

И эту свою клятву защитники Сталинграда выполнили.

Славный волжский город стоял, как утёс, о который разбились все яростные атаки гитлеровцев. Вокруг города выросли огромные кладбища с бесконечными рядами фашистских могил. Жестокая борьба велась за каждый метр территории. Упорство защитников не имело предела. Немецких солдат обуял ужас.

«Сталинград,— писал ефрейтор Вальтер 18 октября 1942 г. в письме домой,—это ад на земле, Верден, Красный Верден с новым вооружением. Мы атакуем ежедневно. Если нам удастся утром занять 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно».

В результате умело организованной обороны и героического сопротивления защитников Сталинграда в упорных боях немецкая армия была обескровлена. Об этом свидетельствуют письма и самих немецких солдат. Ефрейтор Цымаха 20 ноября 1942 г. писал: «Здесь сущий ад. В ротах насчитывается по 30 человек. Ничего подобного мы ещё не переживали. К сожалению, всего я вам написать не могу. Если судьба позволит, то я вам когда-нибудь об этом расскажу. Сталинград—могила для немецких солдат. Число солдатских кладбищ растёт. Это похоже на то, что творилось на Сомме в 1914—1918 гг., с той только разницей, что здесь все эти солдаты погибли в боях за один только город».

Но город отстояли не только благодаря непреклонному упорству и героизму. К числу других условий, обеспечивших нам успех, следует отнести также и умелое ведение оборонительных боёв в городе. Борьба шла за каждую улицу, за каждый завод, за каждый дом; в заводе—за цеха, в домах—за этажи и комнаты. Если немцам в 1940 г. потребовалось 20 дней, чтобы пересечь Францию от Соммы до Луары, и 15 дней, чтобы поставить Пэтена на колени, то в Сталинграде гитлеровским войскам требовались месяцы для того, чтобы пересечь улицу, десятки дней

для того, чтобы захватить дом. Знаменитый дом Павлова — передовой форпост обороны гвардейцев — немцам так и не удалось захватить, несмотря на десятки произведённых ими атак.

«Сталинград всё ещё не взят. Его, наверное, будут называть Верденом этой войны. Борьба за Сталинград длится дольше, чем весь поход против Франции», — писал в своём дневнике 23 октября 1942 г. офицер 212-го полка 79-й пехотной немецкой дивизии.

Успеху обороны Сталинграда способствовали также умелые действия наших артиллеристов и лётчиков. Советские артиллеристы выпустили по врагу около полутора миллиона снарядов и миц. От огня нашей артиллерии противник потерял до 36 тыс. солдат и офицеров, 420 танков, около тысячи автомашин и 24 артиллерийские батареи. Советская авиация провела 950 воздушных боёв, во время которых сбила 330 самолётов противника и уничтожила на аэродромах 180 вражеских самолётов. Особо следует отметить значение наших «ночников», «королей воздуха» — самолётов «У-2». Насколько эффективны действия наших «ночников», можно проиллюстрировать по записям в журнале боевых действий 24-й немецкой танковой дивизии: «13.9. Ночью начались налёты бомбардировщиков противника на передний край. Налёты авиации противника производились последовательными волнами на малой и большой высоте. Эти налёты в течение всей ночи не оставляли части в покое, не говоря уже о потерях в личном составе и технике... 24.9. Особенно чувствительны были и есть постоянные ночные крупные налёты авиации противника на наш передний край... 6.10. Ночью авиация противника продолжала совершать эффективные налёты на передний край и на артиллерийские позиции».

Большую помощь частям 62-й армии, непосредственно защищавшим город, оказали войска Донского фронта, которые последовательными атаками с севера оттянули значительную часть вражеских сил, предназначенных для наступления на Сталинград.

Стойкая и мужественная оборона Сталинграда приковывала внимание и вызывала восхищение всего культурного человечества. Вся иностранная печать ежедневно помещала подробные сводки о ходе борьбы за Сталинград и восхищалась стойкостью, упорством и мужеством наших войск. Американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» 27 сентября 1942 г. писала: «В невообразимом хаосе бушующих пожаров, густого дыма, разрывающихся бомб, разрушенных зданий, мёртвых тел защитники города отстаивали его со страстной решимостью не только умереть, если потребуется, не только обороняться, где нужно, но и наступать, где можно, не считаясь с жертвами для себя, своих друзей, своего города. Такие бои не поддаются стратегическому расчёту: они ведутся со жгучей ненавистью, со страстью, которой не знал Лондон даже в самые тяжё-

лые дни германских воздушных налётов. Но именно такими боями выигрывают войны».

Оборонительное сражение явилось первым этапом величайшей битвы под Сталинградом. В результате этого сражения немецкое наступление не только было приостановлено, но и была поглощена ударная сила немецких армий, перемолота значительная часть лучших немецких войск, что вынудило гитлеровское командование все свои войска бросить в бой за Сталинград, а на прикрытие флангов поставить менее боеспособные румынские и итальянские части.

В течение оборонительного сражения немецкие войска потеряли около 700 тыс. солдат и офицеров, из них убитыми 182 тыс. и ранеными свыше 500 тысяч. Столь же велики были потери врага и в боевой технике. Нашими войсками было подбито и уничтожено 1450 танков, 4 тыс. пулемётов, свыше 2 тыс. орудий и миномётов; нашей авиацией и зенитной артиллерией было сбито в воздухе и уничтожено на аэродромах 1337 самолётов.

Упорная, мужественная оборона Сталинграда нанесла сокрушительный удар по психике врага. Мощный отпор, полученный немцами под Сталинградом, заставил их заговорить о «неприступности сталинградской крепости», о «диком упорстве большевиков». Немецкие солдаты потеряли веру в победу, веру в успех. Об этом свидетельствуют их письма. Если в начале октября они ещё писали, что «скоро Сталинград будет в наших руках; в этом году нашим зимним фронтом будет Волга, где мы построим восточный вал», то в ноябре тон писем резко изменился. «Сегодня ровно три месяца боёв за Сталинград, — писал солдат Гройбенст 17 ноября 1942 г., — а город всё ещё держится». Другой солдат, отвечая на полученное письмо, писал: «Специального сообщения о том, что Сталинград наш, тебе ещё долго придётся ждать. Русские не сдаются, они сражаются до последнего человека... Здесь нас ждёт только одно: смерть или ранение. Одна надежда, что Волга в этом году не замёрзнет, иначе перспективы наши очень мрачные», — писал 18 ноября 1942 г. солдат Пауль Зольце.

Ещё большее влияние оказала напряжённая борьба за Сталинград на румынские войска. Ярким доказательством этого явились падение дисциплины, рост антагонизма между немцами и румынами. Офицер германского генерального штаба при 4-й румынской пехотной дивизии, контролировавший деятельность дивизии, в своём докладе доносил: «Настроение солдат пониженное. Солдаты и офицеры не понимают смысла участия румын в боях на Волге. Дивизия лишь ограниченно годна к обороне».

В результате невиданной по упорству и продолжительности обороны Сталинграда немецкое командование потеряло драгоценные, с точки зрения выполнения их плана кампании 1942 г., летние месяцы. Мы же выиграли время, необходимое для со-

сведоточения резервов и подготовки к переходу в общее наступление.

Оборонительное сражение за Сталинград паглядно показало, что несмотря на возрастание ударной силы и огневой мощи наступления правильно организованная и проведённая оборона может не только остановить наступление значительно превосходящего по численности и вооружению противника, но полностью истощить его наступательную силу и этим подготовить выгодные условия для перехода наших войск от обороны к наступлению.

Оборона Сталинграда явилась невиданным в истории примером длительной, упорной и успешной обороны большого города. Сталинград не является крепостью, вроде Вердена, но в ходе борьбы он действительно превратился в могущественную крепость без фортов и бетона. Сила этой крепости заключалась прежде всего в невиданной стойкости, героизме и мастерской тактике уличной борьбы частей Красной Армии, оборонявших город.

Поражительная сила сталинских приказов в сочетании с мужеством, стойкостью и героизмом наших воинов, а также непоколеби-

мая твёрдость и высокое боевое мастерство офицеров и генералов Красной Армии обеспечили успешное проведение и завершение оборонительного сражения.

II

Товарищ Сталин в своём приказе от 7 ноября 1942 г. отмечал: «Враг уже извёдал на своей шкуре способность Красной Армии к сопротивлению. Он ещё узнает силу сокрушительных ударов Красной Армии».

Наступательная операция сталинградской битвы и явилась началом этих сокрушительных ударов. Она, как снег на голову, обрушилась на немецкие войска. Она определила исход кампании 1942 г. в нашу пользу.

Подготовка наступательной операции началась в октябре и была закончена в первой половине ноября. План этой операции, разработанный по указанию и под руководством Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина, предусматривал концентрическое наступление войск Югозападного и Донского фронтов со среднего течения Дона, из района Вешенская, Серафимовичи и Клет-

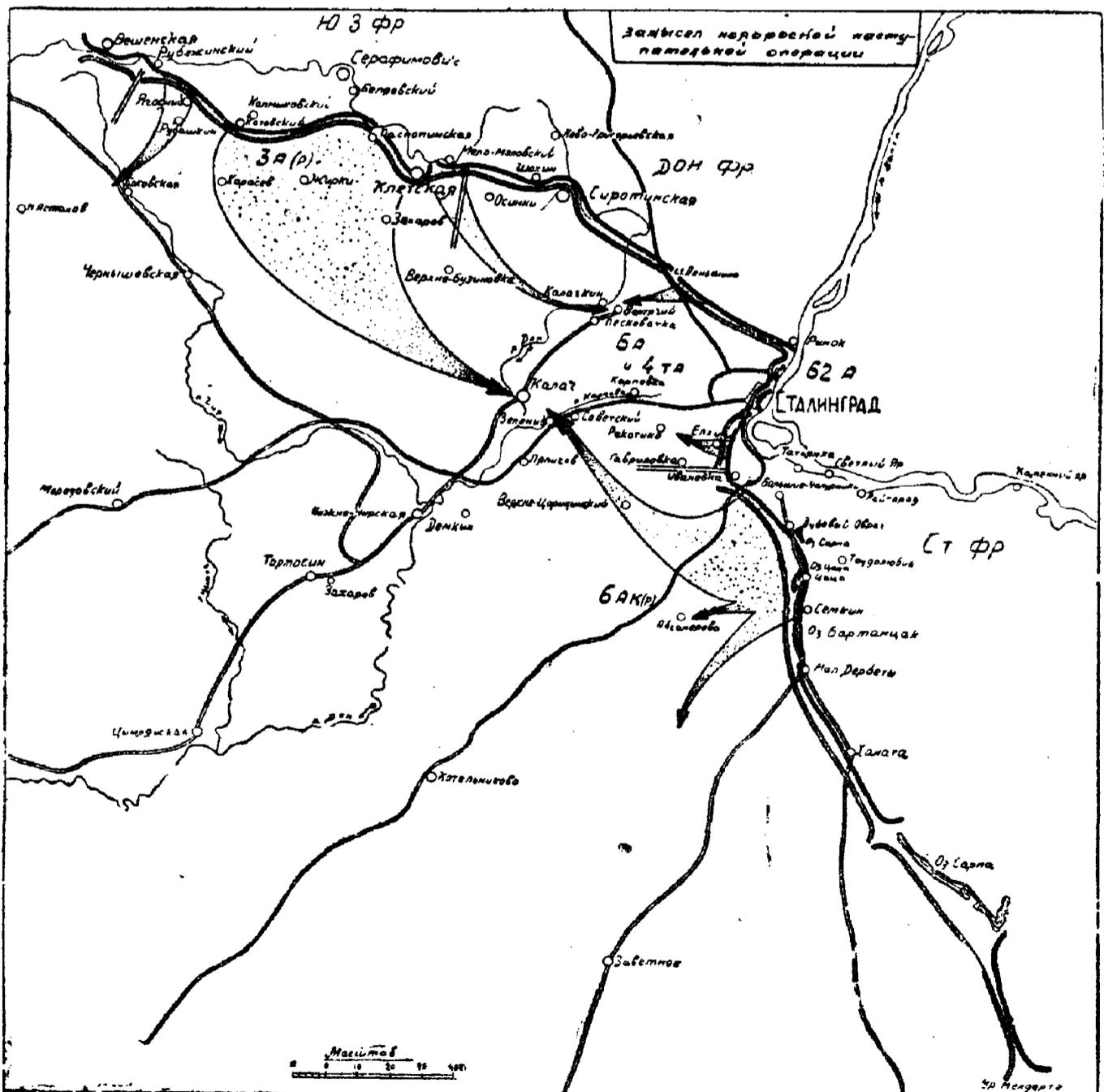

Схема № 2

ская в юго-восточном направлении и войск Сталинградского фронта — из района озёр южнее Сталинграда в северозападном направлении (схема № 2).

Разгромив фланговые группировки противника, наши войска должны были стремительным наступлением замкнуть клещи в районе Калач на Дону и тем самым завершить оперативное окружение немецких войск, находившихся в малой излучине Дона и между Доном и Волгой. Основные удары должны были нанести левое крыло Юго-западного фронта, правый фланг Донского и центр Сталинградского фронта. Остальные силы фронтов должны были, сковывая своими активными действиями противостоящие силы противника, обеспечить успешное наступление ударных групп.

Вся операция как по срокам, так и по характеру действий прошла в строгом соответствии с разработанным и принятым планом.

Утром 19 ноября перешли в наступление войска Югозападного и Донского фронтов, а 20 ноября — Сталинградского фронта (схема № 3). В первый же день наступления оборона противника была прорвана на всю её глубину. Ударная группа Югозападного фронта разгромила два правофланговых корпуса 3-й румынской армии; наши подвижные войска, смело войдя в прорыв, 23 ноября форсировали Дон и захватили Калач.

Ударная группа Сталинградского фронта также разгромила несколько вражеских дивизий; её подвижные войска 22 ноября вышли в район Советского и 23 ноября соединились с частями Югозападного фронта, замкнув кольцо окружения вокруг 6-й и 4-й немецких армий. В кольце окружения оказались 22 вражеские дивизии в составе 330 тыс. человек с многочисленной техникой. Кроме этого в ходе боёв были разгромлены 11 пехотных, 2 танковые и одна кавалерийская дивизии противника. Нашими войсками было уничтожено 95 тыс. и взято в плен 72 400 вражеских солдат и офицеров, захвачено 134 самолёта, 1792 танка, 2232 орудия и 7306 автомашин.

Основная задача операции была выполнена в 5 дней. За это время противник лишился 36 дивизий.

Столь неожиданно и быстро проведённое ноябрьское наступление и его результаты произвели огромное впечатление на немецкие войска, находившиеся под Сталинградом, что видно из писем и дневников немецких солдат и офицеров.

«Мы переживаем здесь,— писал генерал-лейтенант Габеленц жене 21 ноября 1942 г., т. е. на третий день нашего наступления,— большой кризис, и неизвестно, чем он закончится. Положение в общем и целом настолько критическое, что, по моему скромному разумению, дело похоже на то, что было год назад под Москвой».

Прорыв немецкой обороны, а затем завершение окружения вызвали замешательство и панику в окружённом лагере. Один из офицеров 79-й пехотной дивизии в своём дневнике записал: «19.11. Русские прорвались у итальянцев и румын. Немецкие мотовойска движутся обратно через Дон. Говорят, что

русские в Бузиновке. 24.11. Утром добрались до Гумрака. Там настоящая паника. Из Сталинграда движутся непрерывные потоки автомашин и обозов. 26.11. Кольцо окружения вокруг нас сжимается. В сводке Верховного командования сообщают лишь об одном прорыве на Донском фронте, но нас так часто пичкали вздором, что лишняя порция лжи значения не имеет. Выхода из кольца нет и не будет».

Немцы, проводившие тактику окружения на полях Западной Европы и считавшие это средство ведения войны только им присущим, сами попали в окружение. В кольце окружения оказались 2 лучшие немецкие армии.

Столь блистательным завершением этой операции мы в первую очередь обязаны полководческому гению товарища Сталина. На этом этапе Сталинградской битвы сталинский стиль руководства боевыми операциями выявился в правильном выборе места и направления главного удара. Товарищ Сталин ещё в годы гражданской войны указывал, что успех, решительная победа зависят нередко от выбора направления главного удара. И этот принцип достижения победы в годы гражданской войны не раз был успешно применён. В частности, правильный выбор направления главного удара прежде всего обеспечил разгром Деникина в 1919 году. Позднее, обобщая опыт гражданской войны, товарищ Сталин особо подчеркнул: «Определить направление основного удара — это значит предрешить характер операции на весь период войны, предрешить, стало быть, на 9/10 судьбу всей войны».

Этот сталинский закон не раз находил подтверждение в ходе Отечественной войны и в особенности в Сталинградской операции. Во-первых, наше командование ещё в июле определило, что Сталинградское направление будет тем фокусом, где скрестятся основные усилия сторон в кампании 1942 г., и что исход боёв под Сталинградом решит судьбу всей кампании 1942 года. В соответствии с этим проводилось оборонительное сражение и шло сосредоточение необходимых резервов. Во-вторых, удары Югозападного и Сталинградского фронтов по кратчайшему пути выводили наши войска на тылы и коммуникации немецкой группировки под Сталинградом. Кроме того при нанесении ударов на этих направлениях прорыв вражеской обороны производился на наиболее слабых и уязвимых участках фронта и находился в основании всего наступательного немецкого клина под Сталинградом.

Не менее важным фактором, определившим успех этой операции на окружение, явилась умелая и смелая группировка сил. К началу нашего наступления на Сталинградском направлении общее соотношение сил на участке всех трёх фронтов не давало нам значительных преимуществ перед противником. Однако наше командование сумело на направлениях главных ударов создать решающее превосходство в силах, которое обеспечило не только прорыв обороны противника на всю её глубину, но также разгром оперативных резервов противника и прочное

замыкание кольца вокруг основных сил вражеской группировки, находившейся под Сталинградом. Мощностъ ударных группировок дала возможность вести бой одновременно на большой глубине.

Успеху операции во многом также способствовала её внезапность, достигнутая контрастной планированием операций, скрытым сосредоточением войск и маскировкой их в районах сосредоточения, а также надлежащей организацией службы охранения как на передовой линии, так и в тылу, обеспечивающей от проникновения шпионов. Внезапность этой операции была достигнута также правильным выбором времени начала наступления.

Ещё в октябре 1942 г. Гитлер объявил о неспособности Красной Армии к проведению зимой 1942—1943 г. серьёзных наступательных операций. Ноябрь в районе Сталинграда — это уже не осень, но ещё и не зима. Дон и Волга покрываются льдом, и осуществлять по ним паромные переправы уже нельзя, а пешехода лёд ещё не выдерживает. Командование немецких войск под Сталинградом не рассчитывало на проведение Красной Армией в такое время года серьёзной операции.

И, наконец, достижению столь блистательного успеха способствовало также умелое и смелое применение нашими войсками сталинской тактики маневрирования.

III

Верховное Главнокомандование Красной Армии, организуя ноябрьское наступление и окружение сталинградской группировки противника, особое значение придавало оперативному обеспечению этого наступления. Для нашего командования было ясно, что немецкие войска будут всячески стремиться восстановить положение и ликвидировать прорывы фронта, произведённые нашими войсками. Обычно немецкое командование для этой цели применяло фланговые удары по основанию прорыва.

Наше командование учитывало, что при успешном осуществлении наступления и завершении окружения главной вражеской группировки немецкое командование предпримет решительные меры для освобождения окружённых войск. Как показал опыт предыдущих операций, немецкое командование производило это ударами мощных групп извне. Окружённая же группировка должна была прочной обороной удерживать кольцо от дальнейшего сужения. Наше командование заранее предусмотрело наиболее опасные направления возможных контрударов противника: соответственно были расположены и наши оперативные резервы.

Оперативное обеспечение начального периода наступательной операции было осуществлено выдвижением сильных заслонов в составе кавалерийских и пехотных соединений в сторону флангов прорыва, в частности правый фланг ударной группы Югозападного фронта — выдвижением сильных заслонов на реку Чир, а её левый фланг — наступлением правого фланга Донского

фронта. Левый фланг ударной группы Сталинградского фронта обеспечивался выдвижением конницы на югозапад, в направлении Котельникова. Этот метод на данном этапе операции вполне себя оправдал. Фланги прорыва были прочно обеспечены не только у основания, но и в глубине (схема № 4).

После успешного завершения нашими войсками наступательной операции и окружения двух немецких армий под Сталинградом гитлеровское командование, чтобы освободить свои окружённые армии, прибегло к последнему средству — ударам подвижных войск с юга и с югозапада.

«Битва за Сталинград, — телеграфировал Гитлер командиру 6-й армией Паулюсу, — в декабре достигла своего высшего напряжения. Противник прорвался в тыл наших частей и в отчаянии пытается вернуть важную для него крепость на Волге. Вы должны удерживать позиции Сталинграда, завоеванные такой большой кровью. Что касается моей власти, я сделаю всё, чтобы поддержать вас».

На выручку Паулюсу был направлен фельдмаршал Манштейн. В первых числах декабря он стал сосредоточивать свои войска в двух районах: в районе южнее Котельникова и в районе Тормосин, — при этом основной удар наносился вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград со стороны Котельникова. Вражеская группировка в районе Котельникова состояла из девяти дивизий, в том числе трёх танковых. Тормосинская группировка состояла из шести — семи дивизий, в том числе трёх воздушно-десантных дивизий, переброшенных самолётами из Германии.

Немцы возлагали на Манштейна большие надежды. Операцию по освобождению окружённых армий они считали хорошо подготовленной, а успех её обеспеченным. Фельдмаршал Манштейн слал телеграмму за телеграммой окружённым войскам: «Держитесь, мы освободим вас». В дневнике унтер-офицера Германа Трейлмана читаем: «6.12. Сегодня огласили воззвание Манштейна: «Держитесь. Помощь близка». «Окружение вокруг Сталинграда прорвано, — пишет другой офицер. — Манштейн прислал телеграмму: «Держитесь, мы вызволим вас».

Но надежды окружённых войск не осуществились, а попытка германского командования освободить свои окружённые армии полностью провалилась. Стратегический план Верховного Главнокомандования Красной Армии предусмотрел возможные контрмеры гитлеровского командования.

В середине декабря силами нашего Югозападного фронта было проведено новое наступление из района Новая Калитва — Монастырщина. Наши войска, успешно прорвав оборону 8-й итальянской и 3-й румынской армий, стремительным ударом подвижных войск вышли на их тылы и коммуникации, захватив Кантемировку и Миллерово. Разгромив эти армии, а также тормосинскую группировку и выйдя в большую излучину Дона, наши войска окончательно ликвидировали возможность оказания помощи окру-

жённой немецкой группировке под Сталинградом с запада и югозапада.

Во второй половине декабря силами войск Сталинградского фронта и крупных резервов, введённых в бой по указанию Ставки Верховного Главнокомандования, была разгромлена и котельниковская группировка немцев во главе с Манштейном. Наши войска на этом направлении успешно стали продвигаться вдоль Дона на Ростов.

Таким образом, к концу декабря были полностью ликвидированы все попытки немецкого командования освободить 6-ю и 4-ю армии из кольца окружения.

В ходе декабрьских операций (с 12 по 30 декабря) наши войска разгромили 15 пехотных дивизий, 4 танковые, две кавалерийские и одну моторизованную дивизии, уничтожили до 80 тыс. и захватили в плен более 65 тыс. человек. Внешний фронт далеко отодвинулся от окружённой группировки на запад и юг. Всякая надежда на освобождение окружённых армий исчезла.

IV

Операция по ликвидации окружённой под Сталинградом немецкой группировки была осуществлена войсками Донского

фронта под командованием генерал-лейтенанта (ныне генерала армии) Рокоссовского в период с 10 января по 2 февраля 1943 года. Эта операция явилась логическим завершением грандиозной битвы под Сталинградом, её заключительным этапом.

Обстановка, сложившаяся к началу января на Сталинградском и других фронтах, благоприятствовала развёртыванию операции по окончательному разгрому окружённых немецких войск: группа Манштейна была разгромлена; на Северном Кавказе, на Нижнем Дону, под Воронежем Красная Армия вела успешное наступление.

Окружённые армии под Сталинградом оказались совершенно изолированными, надежды на освобождение не было. Попытки немецкого командования организовать снабжение окружённых частей воздушным путём провалились. Район расположения окружённых армий был блокирован нашей истребительной авиацией и зенитной артиллерией. Через кольцо блокады удавалось прорываться только отдельным самолётам, при этом немецкая авиация несла большие потери. Только за декабрь противник потерял 750 самолётов.

Окружённые армии голодали. К 1 января были съедены все лошади 1-й румын-

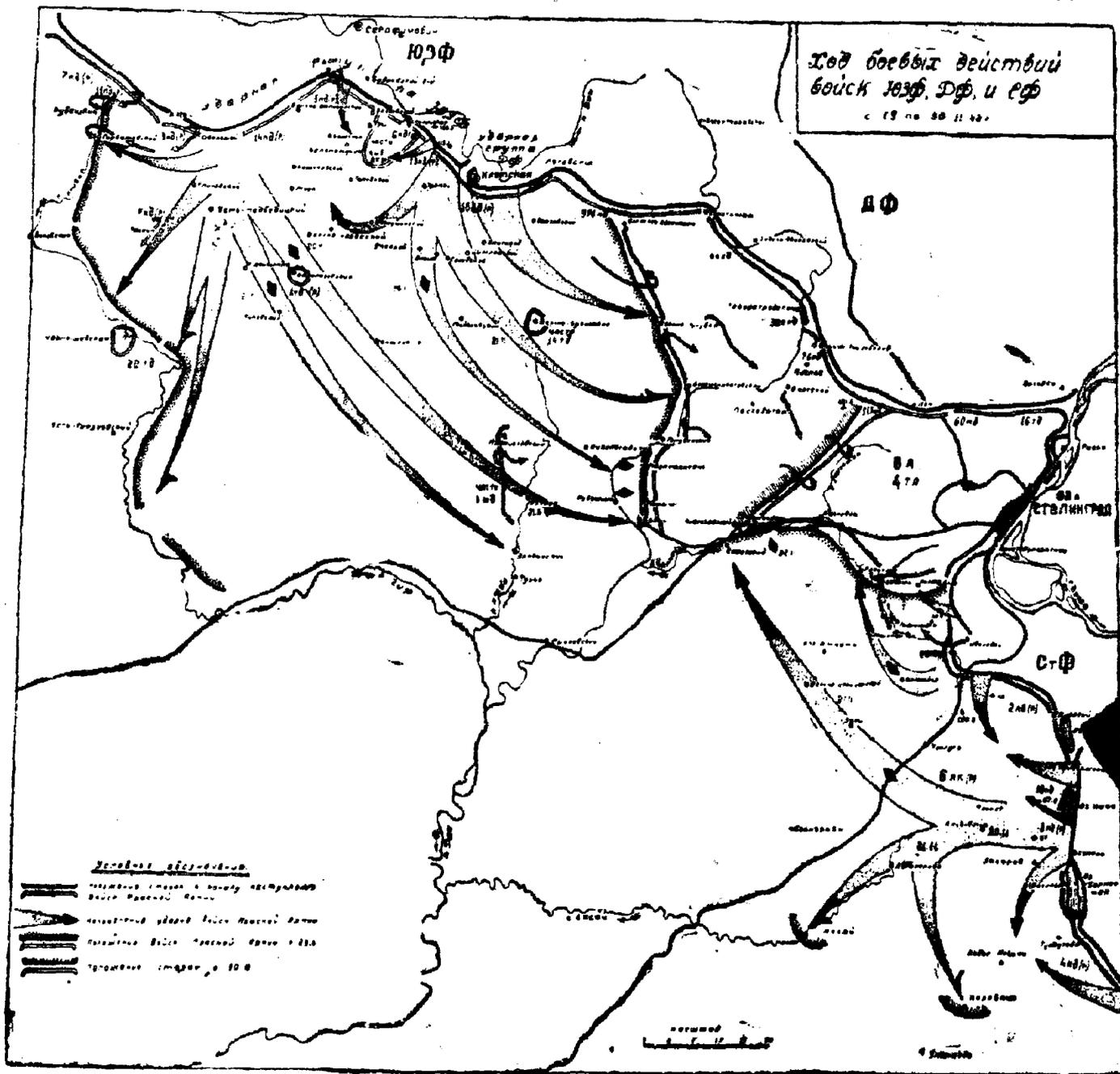

Схема № 3

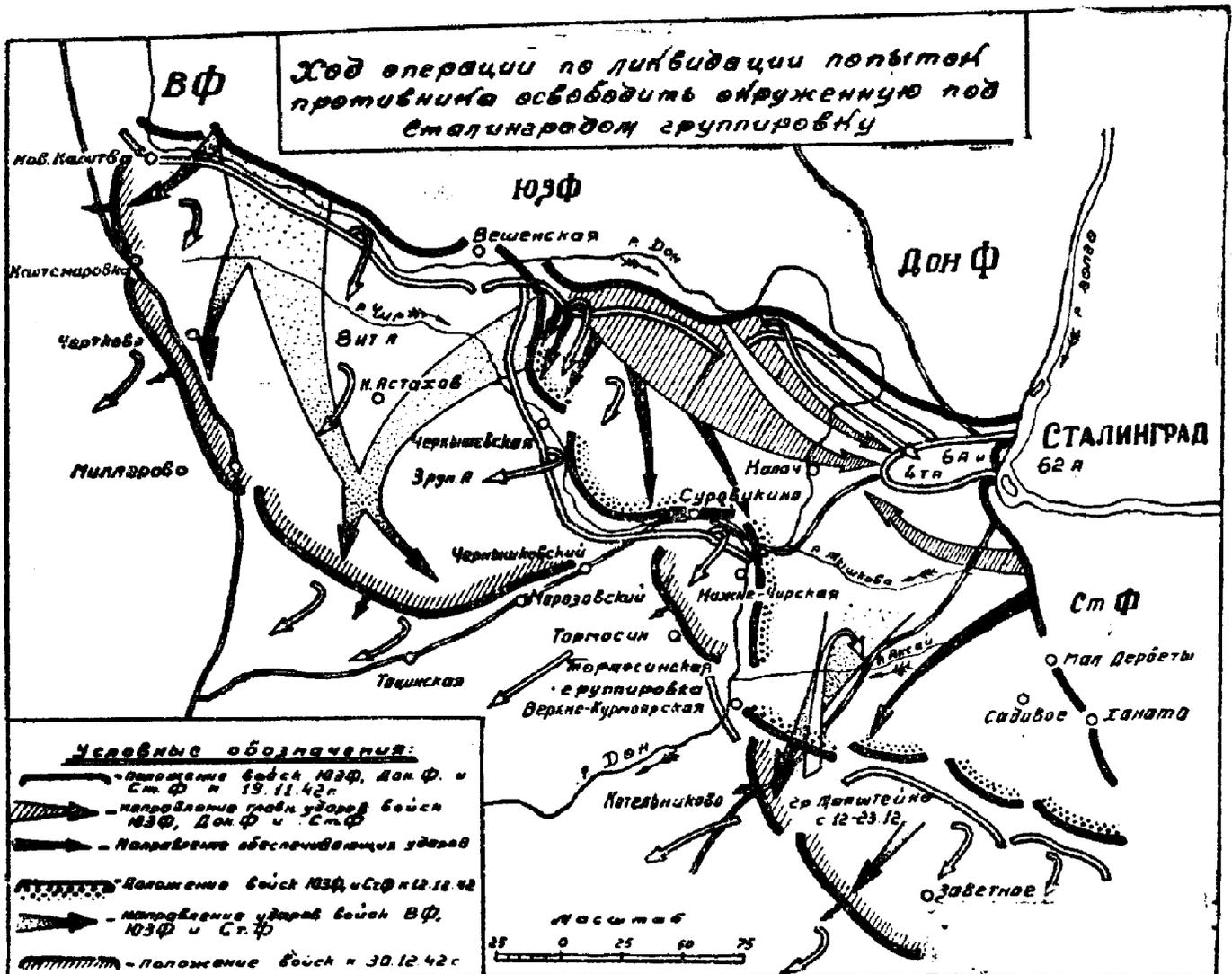

Схема № 4

ской кавалерийской дивизии. Ели собак, кошек, дохлых лошадей. Начали распространяться эпидемические заболевания. Дневной рацион постепенно сократился до 100 граммов хлеба и 30 граммов жиров. А румынские части вообще были сняты с довольствия. О том, как обстояло дело с питанием в окружённых армиях, свидетельствуют письма и дневники немецких солдат.

«Вчера мы получили водку,— писал домой 29 декабря 1942 г. солдат 7-й роты 7-го батальона 222-го пехотного полка 100-й стрелковой дивизии Отто Зихтиг.— В это время мы как раз резали собаку, и водка явилась очень кстати. Я в общей сложности зарезал уже четыре собаки, а товарищи никак не могут наесться досыта. Однажды я подстрелил сороку и сварил её. Ничего более вкусного я в России ещё не едал. Суп получился замечательный, как из цыплёнка,— такой жёлтый и вкусный».

Ефрейтор Вильгельм Бейсвенгер 31 декабря 1942 г. писал: «Сегодня для меня было бы величайшей радостью получить кусок чёрствого хлеба. Но даже этого у нас нет. Мы радуемся, когда у нас дохнет какая-нибудь лошадь».

Моральное состояние окружённых немецких войск понизилось, что видно из писем немецких солдат. Ефрейтор Кленкер 19 ноября 1942 г. писал домой: «Я не думаю, что Сталинград падёт, рус ведь так упрямы, вы себе и представить не можете.

Я смотрю на всё мрачно и не верю, что выиграем эту войну». Лейтенант 44-й пехотной дивизии Румкфинг 19 января 1943 г. писал: «Идём навстречу катастрофе... любая помощь может только замедлить развитие событий, но не спасёт нас от полного разгрома». Фельдфебель полевой жандармерии Гельмут Магенбург 6 декабря 1942 г. в своём дневнике записал: «Я бегаю от одного солдата к другому и подбадриваю их. Но напрасный труд. Три дня не ели и не спали. Фриц рассказал мне подслушанный им разговор: солдаты предпочитают перебежать или сдаться в плен. Я также скоро не в состоянии буду переносить всё это. Ночной вой людей причиняет мне невероятные муки».

Огромное впечатление на окружённые войска противника произвели наши листовки. Это лучше всего подтверждается приказом командира немецкой 376-й пехотной дивизии от 6 декабря за № 1027: «Мне сообщают, что в подчинённых вам частях советская листовка, озаглавленная «К окружённым под Сталиным немецким частям», подписанная командующим Сталинградским фронтом генерал-полковником Еременко и командующим Донским фронтом генерал-лейтенантом Рокоссовским, вызвала у солдат и офицеров склонность к капитуляции, поскольку создавшееся положение расценивается как безнадежное. Далее, до меня дошли слухи о случаях отказа повиноваться командирам во время атак, о переходе солдат на сторону врага, особенно группами, об открытом выступлении

маемый немецкими войсками, примерно на две равные части.

Организуя этот заключительный этап сталинградской битвы, наше командование, помимо применения широкого маневра, особый упор сделало на максимальное использование артиллерии и миномётных средств. На участке главного удара на 1 км фронта приходилось 165 орудий и тяжёлых миномётов, а в ходе операции на ответственных направлениях количество орудий и миномётов достигало 300 на 1 км фронта.

Операция распалась на три последовательных этапа. На первом этапе должна была быть уничтожена западная группировка противника концентрированным ударом главной группировки из района Вертячий, Илларионовский на Новый Рогачик и вспомогательным ударом из района Попов, Кравцов, в направлении на Басартино и Новый Рогачик (схема № 5). Эта операция должна была поддерживаться 300 самолётами.

В первой пятидневке января подготовка к операции по уничтожению окружённых немецких армий была закончена. Судьба их была решена. Однако, стремясь избежать напрасного кровопролития, советское командование в лице представителя Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии генерал-полковника артиллерии Воронова и командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенанта Рокоссовского 8 января предъявило командованию и всему офицерскому и рядовому составу окружённых германских войск ультиматум с требованием немедленной капитуляции.

Командование немецких войск, окружённых под Сталинградом, слепо следуя тре-

бованиям бесноватого фюрера и не слушая голоса благоразумия, отклонило ультиматум нашего командования.

Утром 10 января наши войска перешли в решительное наступление (схема № 6).

В 8 час. 05 мин. в воздух взвились ракеты. Одновременно по всем радиосетям фронта был передан радиосигнал «555», а по телефонам — «Родина». Это был условный сигнал для начала заключительного этапа битвы под Сталинградом.

Воздух содрогнулся от одновременно начавшейся на всём фронте канонады. Две тысячи орудий, три тысячи миномётов начали артиллерийское наступление. Одновременно в воздухе появились эскадрильи нашей бомбардировочной и штурмовой авиации.

Под гул этой артиллерийской канонады в 9 час. перешли в атаку наши танковые и пехотные соединения.

Вражеская оборона севернее Дмитриевка, на участке нашего главного удара, и на участке Попов — Цыбенко, на вспомогательном направлении, была прорвана. Противнику были нанесены значительные потери. Только убитыми на поле боя он оставил свыше 1500 человек. Наши войска в этот день захватили 1300 пленных, 666 орудий, много миномётов и пулемётов.

11 и 12 января наши войска с упорными боями продолжали продвигаться вперёд. Войска, наносившие главный удар, подошли к Карповке с севера, выйдя на тылы маршировочной группировки противника. Основная часть этой вражеской группировки была уничтожена, и только небольшой группе удалось отойти на Новый Рогачик, где она снова попала под удар войск, наносивших вспомогательный удар с юга.

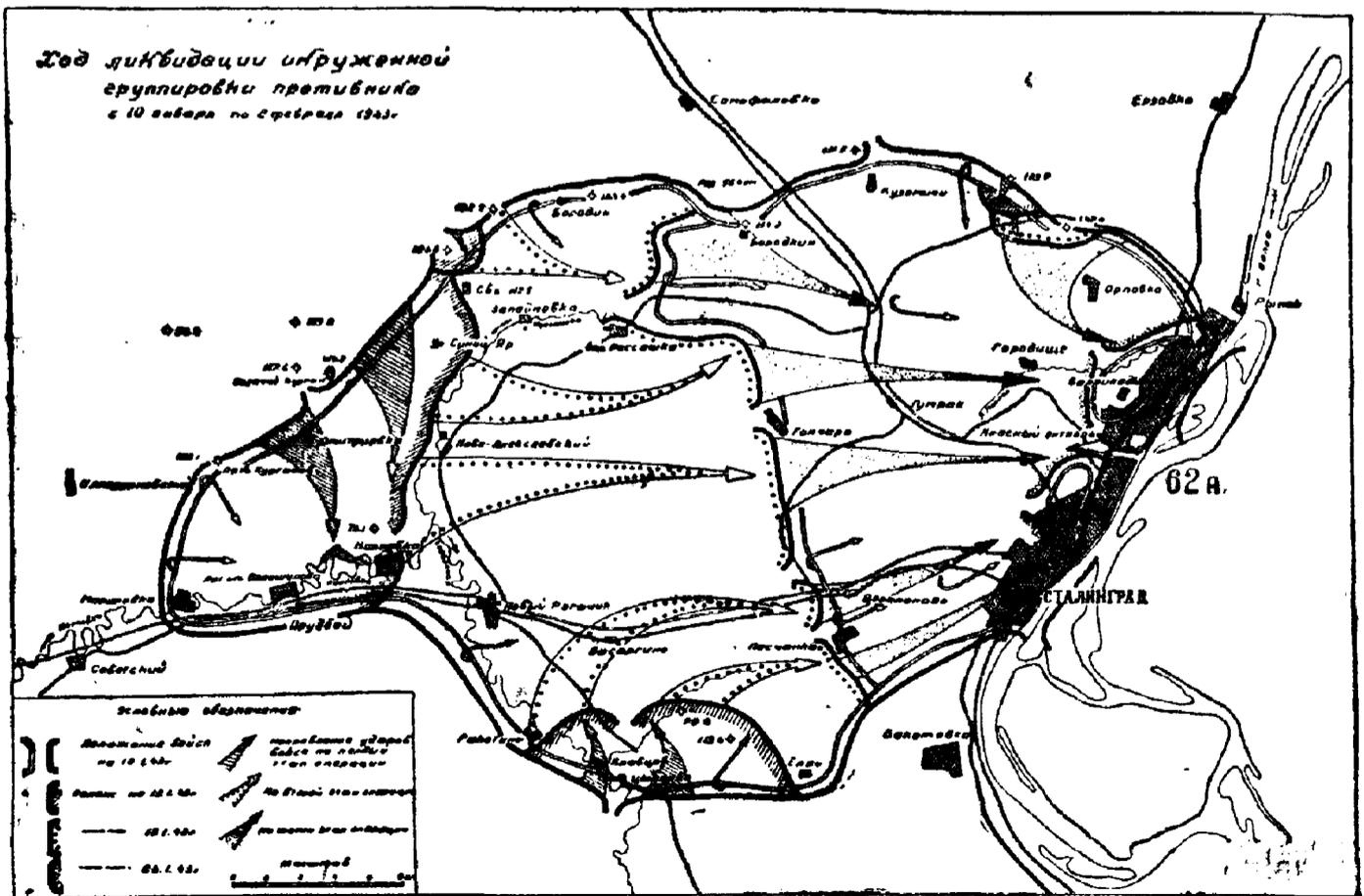

Схема № 6

К 13 января на западном участке наши войска подошли к реке Россошка, закончив ликвидацию западного выступа. На вспомогательном направлении наши войска, овладев важными опорными пунктами обороны противника — Попов, Цыбенко, — также продвинулись на 5—8 километров.

Потери, понесённые противником с 10 по 13 января, ярко иллюстрируют напряжённость боев первого этапа операции. Враг потерял только убитыми 30 тыс., на поле боя он оставил большое количество техники. Количество пленных к исходу 13 января достигло 3500.

Таким образом, на первом этапе операции была выполнена задача разгрома западной группировки противника, оборонявшей западную часть кольца на участке Большая Россошка, Мариновка. Рядом неослабевающих последовательных ударов немецкие войска с большими потерями были отброшены на восток. Наши войска быстро ликвидировали попытку противника задержаться на рубеже реки Россошка. Потеряв 15 января в бою за этот выгодный тактический рубеж ещё до 6 тыс. человек, немецкое командование стало успешно отводить свои войска.

К 17 января площадь, занимаемая немецкими войсками, сократилась наполовину. Гитлеровское командование все свои резервы и расформированные тыловые части бросило на рубеж Песчанка, хутор Гончара, Большая Россошка, пытаясь задержать на этом рубеже наше наступление. Но эта попытка противника, как и все предыдущие, также провалилась. Стремительными ударами наших частей немецкие войска были выбиты и с этого рубежа. Немецкое командование потеряло управление своими войсками.

Наши войска ежедневно захватывали тысячи пленных, тысячи автомашин, сотни орудий и большое количество самолётов. Так, например, только на аэродроме в районе Большой Россошки было захвачено до 250 самолётов. На дорогах валялись сотни замёрзших немецких солдат. Обречённость немецких армий под Сталинградом стала очевидной.

19 января, в 10.00, Паулюс радиовал в Берлин: «Крепость нам больше не удержать. Умершие с голоду, раненые и замёрзшие немецкие солдаты валяются по дорогам. Поэтому я приказал: 1) организовано пробиваться на югозапад, 2) прошу своевременно прислать самолёты для вывоза специалистов воздушным путём».

Гитлер, который ещё в своём новогоднем послании окружённым войскам обещал им освобождение, отменил приказ Паулюса. Офицер Румпфинг в своём дневнике писал: «Фюрер воздерживается пока от принятия решения. Первый и второй пункты отклоняет». 20 января Паулюс послал новую радиограмму в Берлин: «Предложенный мною вчера план уже нельзя провести в жизнь».

Тем временем наши войска с разных направлений нанесли зажатой немецкой группировке ряд новых сокрушительных ударов и к исходу 24 января подошли к городу с

югозапада и с запада, а с утра 25 января начались уличные бои.

26 января ударами наших войск, наступавших с запада, во взаимодействии с войсками 62-й армии, продолжавшей оборонять Сталинград, окружённая вражеская группировка была расколота на две части: южную, возглавлявшуюся Паулюсом, и северную, возглавлявшуюся генерал-лейтенантом Шпреккером. После этого боеспособность немецких войск ещё больше понизилась. Началась массовая сдача в плен: сдавались не только целыми подразделениями, но даже целыми соединениями. 25 января капитулировали 20-я румынская и 297-я немецкая пехотные дивизии во главе с командирами дивизий, 27 января — 44-я немецкая пехотная и 7-я румынская кавалерийская дивизии и т. д. Только за два дня (28—29 января) сдались в плен более 12 тыс. человек.

31 января было окончательно сломлено сопротивление южной группировки. В 13 час. в центре города в подвале универмага был взят в плен со своим штабом командующий 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршал фон Паулюс. Южная группировка в составе частей 113-й, 44-й, 295-й и 71-й пехотных, 14-й танковой и 29-й моторизованной дивизий прекратила сопротивление и сложила оружие.

После концентрированного огневого удара нашей артиллерии и миномётов. 2 февраля прекратила сопротивление и капитулировала северная группа в составе 389-й, 94-й, 76-й, 305-й и 79-й пехотных дивизий, частей 113-й пехотной дивизии, 16-й и 24-й танковых и 60-й моторизованной дивизий. 2 февраля 1943 г. представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал артиллерии Воронов и командующий войсками Донского фронта генерал-полковник Рокоссовский в донесении Верховному Главнокомандующему вооружёнными силами Союза ССР товарищу Сталину сообщали:

«Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.II.43 г. закончили разгром и уничтожение окружённой сталинградской группировки противника... В связи с полной ликвидацией окружённых войск противника, боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились».

В тот же день в приказе по войскам Донского фронта Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин поздравил командование и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окружённых под Сталинградом вражеских войск и объявил благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия.

В результате генерального наступления наших войск с 10 января по 2 февраля 1943 г. были полностью разгромлены 4-я танковая и 6-я немецкие армии. Большая часть их была уничтожена, а до одной трети пленено. В плен были взяты 24 генерала и более 2500 офицеров.

Наши войска захватили небывалые в истории войн трофеи: самолётов 750, танков 1550, орудий 6700, миномётов 1462, пулемё-

тов 8135, винтовож 90 тыс. и большое количество другого военного имущества.

О грандиозности побоища, учинённого немцам под Сталинградом, говорит тот факт, что после сражения в районе Сталинграда было подобрано и похоронено 147 200 убитых немецких солдат и офицеров.

Сталинградская эпопея сильно потрясла моральное состояние всей Германии. Маргарита Рихтер 7 февраля 1943 г. писала своему мужу ефрейтору Вильгельму Рихтер (полевая почта 11394): «То, что произошло в Сталинграде, случится, наверное, ещё не раз». Дора Губер 7 февраля писала мужу: «Если бы только война с Россией кончилась, чтоб не было больше Сталинградов».

Этот этап сталинградской битвы является невиданным в истории примером полного уничтожения мощной группировки врага, богато оснащённой современной боевой техникой. Из наиболее крупных операций прошлого известно окружение французской армии в сентябре 1870 г. под Седаном, но там было окружено около 120 тыс. человек. Здесь же были окружены две армии в составе 330 тыс. человек, при этом из кольца окружения не удалось выйти ни одному человеку.

Это генеральное наступление войск Донского фронта явилось заключительным этапом исторической битвы под Сталинградом. Отстояв Сталинград, героическая Красная Армия тем самым отстояла нашу родину.

V

Сталинградская битва является законченным и непревзойдённым образцом операции по полному уничтожению противника, образцом современных завершённых Канн. Результаты этой величайшей битвы оказали решающее влияние на дальнейший ход развития всей войны.

Сталинград для немецкой армии был вехой, откуда она покатилась под уклон к своему окончательному поражению. «Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться» (С т а л и н).

Германия в результате понесённого поражения под Сталинградом лишилась не только значительной доли своих военных потенциалов, но и моральных сил; она потеряла веру в непорочность стратегии своих генералов, веру в превосходство своей военной машины и, наконец, веру в победу.

Разгромом итальянских экспедиционных войск в Донских степях Красная Армия нанесла роковое поражение фашистской Италии, серьёзно подорвала её военную мощь и положила начало катастрофе всей фашистской системы в Италии. Разгром итальянских войск на советско-германском фронте зимой 1942—1943 г. значительно облегчил победу наших союзников над итало-германскими войсками в Северной Африке. Поражение же румынских и венгерских войск также наложило серьёзный отпечаток на внутреннее состояние этих государств, а значит, и Германии.

Всё это обеспечило перелом в ходе второй мировой войны в пользу англо-советско-американского союза.

Нельсон, председатель управления по делам военного производства Америки, по случаю исполнившейся первой годовщины битвы под Сталинградом 2 февраля 1944 г. заявил: «Сегодня исполнилась первая годовщина победы под Сталинградом, которую будущие историки, весьма вероятно, расценят как поворотный пункт в нынешней войне».

Наконец, блестяще выигранная битва под Сталинградом ещё раз показала всему миру превосходство сталинской стратегии над гитлеровской стратегией, а также превосходство военного мастерства наших генералов над шаблонной тактикой немецких генералов.

Блестящим выигрышем этой исторической битвы мы в первую очередь обязаны полководческому гению Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина. С гениальным мастерством он раскрыл замысел врага в летней кампании 1942 г., мудро определил место решающих событий, создал необходимые силы и организовал блестящие оперативно-стратегические операции и, разгромив основные силы врага, выиграл величайшую битву под Сталинградом.

Стратегическая линия нашего командования в ходе этой величайшей битвы определялась мудрым сталинским указанием: «Искусство ведения войны в современных условиях состоит в том, чтобы, овладев всеми формами войны и всеми достижениями науки в этой области, разумно их использовать, умело сочетать их или свое временно применять ту или иную из этих форм в зависимости от обстановки».

В период оборонительного сражения стиль сталинского стратегического руководства заключался в задержке немецкого наступления, в предельном изматывании и обескровливании вражеских войск рядом последовательных оборонительных операций и в целесообразном сочетании оборонительных и наступательных действий в ходе оборонительного сражения.

Гениальность сталинской стратегии на наступательном этапе этой грандиозной битвы с предельной ясностью выявилась в выборе направления главных ударов, которые были нанесены по наиболее уязвимым флангам немецкой группировки и кратчайшим путём выводили на коммуникации и в тылы врага, приводя к полному окружению его главных сил.

«План стратегии — это план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов» (С т а л и н).

Гениальность сталинского полководческого предвидения в полной мере проявилась в удачном выборе времени для перехода от обороны в решительное наступление.

Немецкая армия к этому времени в значительной степени была обескровлена. Резко понизилась боеспособность войск, в особенности румынских, на которые в первую очередь обрушились наши удары. Не-

мецкое наступление к концу октября зашло в тупик. Гитлеровское командование, полностью израсходовав свои резервы, не могло уже продолжать наступление, но в то же время оно также ещё не успело перестроить свои боевые порядки для обороны.

Стиль сталинского стратегического руководства также в полной мере сказался в организации оперативного обеспечения нашего наступления, в своевременной ликвидации всех попыток врага парировать наши удары, а также прорваться к своим окружённым армиям.

Сталинградская битва является показателем роста могущества Красной Армии, роста военного мастерства наших офицеров и генералов, показателем превосходства нашей стратегии над немецкой.

В своём приказе от 23 февраля 1943 г. товарищ Сталин отмечал: «В ходе войны Красная Армия стала кадровой армией. Она научилась бить врага наверняка с учётом его слабых и сильных сторон, как этого требует современная военная наука. Сотни тысяч и миллионы бойцов Красной Армии стали мастерами своего оружия, — винтовки, сабли, пулемёта, артиллерии, миномётного дела, танкового дела, сапёрного дела, авиации. Десятки тысяч командиров Красной Армии стали мастерами вождения войск. Они научились сочетать личную отвагу и мужество с умением руководить войсками на поле боя, отрешившись от глупой и вредной линейной тактики и став прочно на почву тактики маневрирования».

Эта победа была обеспечена превосходством стратегии командования Красной Ар-

мии над гитлеровской стратегией, а также успешным и творческим выполнением замысла Верховного Главнокомандующего товарища Сталина полководцами сталинской школы маршалами Советского Союза Жуковым и Василевским, маршалом артиллерии Вороновым, маршалом авиации Новиковым и генералами армии Ватутиным и Рокоссовским.

«Не может быть сомнения, что только правильная стратегия командования Красной Армии и гибкая тактика наших командиров-исполнителей могли привести к такому выдающемуся факту, как окружение и ликвидация огромной отборной армии немцев в составе 330 тысяч человек под Сталинградом» (Сталин).

Нашей блестящей победой под Сталинградом мы обязаны также высокому политико-моральному состоянию наших войск, невиданному героизму и беззаветной преданности нашей Красной Армии своей родине.

И, наконец, своей победой Красная Армия также обязана нашему тылу, который сумел обеспечить Красную Армию к началу решающих боёв под Сталинградом в достаточном количестве высококачественной боевой техникой: артиллерией, миномётами, танками и самолётами.

Сталинградская битва — это битва, которая составит эпоху в истории военного искусства. Это величайшее сражение войдёт в историю Великой отечественной войны как одна из самых ярких её страниц, как торжество сталинской стратегии, как высшее достижение современной военной науки.

25 ЛЕТ БАШКИРСКОЙ АССР

Р. Раимов,
секретарь Башкирского обкома ВКП(б)

23 марта 1919 г. был опубликован декрет ВЦИК РСФСР об образовании Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики.

Впервые в истории башкирского народа была осуществлена советской властью вековая его мечта о создании своей государственности.

Башкирский народ в течение более чем десяти столетий вёл ожесточённую неравную борьбу за свою свободу. Он вёл освободительные войны и против татаро-монголов, и против ногайцев, и против русского царизма. В этой борьбе неуязвимой славой покрыли себя лучшие сыны-батыры башкирского народа: Сары-Мерген, Саит-Садыр, Кильмяк-Абыз, Кара-Сакал, Салават Юлаев, Нуриманов и многие другие. Но лишь Великая Октябрьская социалистическая революция освободила башкир от векового гнёта и дала им государственность, советскую, подлинно народную.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила власть помещиков и капиталистов в России, освободила народы России от национально-колониального гнёта и капиталистической эксплуатации и провозгласила политическое равноправие всех народов России. Этот великий исторический акт нашёл своё выражение в «Декларации прав народов России», подписанной Лениным и Сталиным. В «Декларации прав народов России», опубликованной 15 ноября 1917 г., советское правительство провозгласило:

«1) Равенство и суверенность народов России. 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений»¹.

Это было одним из величайших завоеваний Октябрьской революции.

Царская Россия в прошлом была «тюрьмой народов». «В России больше половины, почти три пятых (точно: 57 проц.) населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильст-

венно руссифицируют»², — писал Ленин в «Докладе о революции 1905 года».

В этой «тюрьме народов» Башкирия была одной из наиболее отсталых колоний царской России.

В культурном отношении башкирский народ оставался на самом низком уровне развития — не имел своей письменности, литературного языка и своей, национальной школы.

Политика царского самодержавия в Башкирии «это — такой кусочек колониальной политики, — писал Ленин, — который выдержит сравнение с какими угодно подвигами дельцов в какой-нибудь Африке»³.

Начальник Уфимского жандармского управления, характеризуя положение башкирского народа, в своём обзоре за 1902 г. писал:

«В культурном отношении почти всё иногородское население находится ещё на самой низшей ступени своего развития, в высшей степени грубыми, невежественными нравами и обычаями. Аборигены же населения — башкиры — находятся на пути вырождения племени, с явными признаками дегенерации... Башкирская бедность паразитична, хотя они и владеют огромным земельным наделом. Засеивает он (башкир. — Р. Р.) ровно столько, чтобы жить впроголодь; ни скота, ни земледельческих орудий у него нет; нет ни одежды, ни утвари, а избы такие, что просто удивляешься, как возможно прожить в них здешние суровые зимы»⁴.

Действительное же положение башкирского народа и других национальных меньшинств Уфимской губернии было значительно хуже, чем это обрисовано в жандармском обзоре. Статистика XIX в. указывает, что в течение каждого десятилетия вымирало не менее 100 тыс. башкирского населения.

Но всё это не сломило волю башкирского народа к борьбе за свою свободу: он столетиями вёл ожесточённую неравную борьбу за своё освобождение.

В этой борьбе башкирский народ не был одинок: его союзниками были другие порабождённые нерусские народы и в первую очередь угнетавшийся царизмом русский народ.

Этот союз складывался в глубоком историческом прошлом, он рос и окреп в сов-

¹ Ленин и Сталин. О Советской конституции, стр. 268. Партиздат. 1936.

² Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 354.

³ Ленин. Соч. Т. III, стр. 194.

⁴ Калинин М. Статьи и речи (1936—1937), стр. 20—21. Партиздат. 1938.

местной борьбе народов России против общего врага — иноземных захватчиков, — в борьбе за социальное и национальное освобождение, за честь, свободу и независимость нашей отчизны. В этой борьбе выковывались героические традиции нашей родины.

Историческая дружба башкирского и русского народов росла и крепла прежде всего в их совместной борьбе против царского самодержавия — злейшего врага трудящихся масс, «палача и мучителя нерусских народов»¹.

Одной из ярких страниц истории этой совместной борьбы является участие башкир, возглавлявшихся Салаватом Юлаевым, в крестьянской войне 1773—1775 гг. под руководством Емельяна Пугачёва. Великий патриот и подлинный защитник интересов башкирского народа, Салават-батыр правильно оценил, что за официальной царской Россией — Россией «тюрьмой народов» — стоит настоящая народная Россия, страна благородного, свободолюбивого, галантливого русского народа, и пошёл вместе с Пугачёвым. В этой борьбе кровью лучших сынов народа скреплялась дружба русского и башкирского народов.

Башкирский народ, связавший свою судьбу с судьбами героического русского народа, всякий раз, когда отчизне — России — угрожала опасность извне, посылал своих сынов защищать родину. Так было в Отечественной войне 1812 г., когда легендарные конные полки башкирского народа во главе со своими военачальниками Янгуря, Абдрахман, Ак'егитовым, Абдлвахит Такаевым в рядах славной русской армии под водительством гениального русского полководца Михаила Кутузова беспощадно громили полчища Наполеона Бонапарта.

В конце прошлого и начале настоящего столетия дружба башкирского народа с великим русским народом вступила в новую фазу своего исторического развития.

Вдохновителем этой дружбы народов стала партия большевиков, созданная гениями всего человечества — Лениным и Сталиным. Она привела в октябре 1917 г. к уничтожению всякого гнёта, в том числе и национального.

Октябрьская социалистическая революция дала возможность башкирскому народу осуществить своё политическое самоопределение.

В обращении народного комиссара по делам национальностей товарища Сталина «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» говорилось:

«Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и её орга-

нов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»².

Но на пути самоопределения башкирского народа на основе советов стали башкирские буржуазные националисты во главе с известным контрреволюционером Валидовым.

Накануне революции в Башкирии выделялись по своему социально-экономическому облику два района: северозападный — степная Башкирия — и юговосточный — горная Башкирия. Башкирское население северозападной части давно перешло к осёдлости и занималось земледелием. Этот район ничем не отличался от других районов России, в нём было уже значительное классовое расслоение.

Башкирское же население юговосточной части ещё вело полукочевой образ жизни. Основой хозяйства являлись скотоводство и лесные промыслы. В силу этой социально-экономической отсталости здесь больше сохранились остатки родовых отношений, которые в известной мере затушёвывали классовые противоречия. В культурном отношении эта малонаселённая часть Башкирии была особенно отсталой.

Башкирская буржуазно-националистическая интеллигенция — валидовцы, идеологи кулачества и рождающейся башкирской буржуазии, — нашла себе удобную среду именно в этой, юговосточной части Башкирии.

Прикрываясь национальным флагом для обмана масс, буржуазные националисты выдвинули свой пресловутый лозунг «Башкирия для башкир!»

Под валидовской формулой «Башкирия для башкир!» скрывалась империалистическая сущность ещё молодой, но уже хищной башкирской буржуазии. Башкирская буржуазия пыталась разжечь национализм у башкирских народных масс, для того чтобы привлечь их на свою сторону и использовать в борьбе за осуществление своих захватнических целей.

Башкирская буржуазия уже тогда была носителем захватнических идей и стремилась установить своё господство над некоторыми восточными тюркскими народами. В этих целях валидовцы пытались созвать в Оренбурге совещание представителей народов Туркестана.

Эти империалистические стремления валидовцев сблизили их с контрреволюционными силами России.

Не случайно поэтому после Октябрьской революции валидовцы устроились в Оренбурге под крылышком дутовской контрреволюции. 11 ноября 1917 г. они примкнули к юговосточному контрреволюционному «Союзу народов и казачьих войск», который возглавлялся Корниловым. Затем 15 ноября валидовцы объявили себя «правительством» башкирской буржуазной автономии и начали собирать вооружённые силы в Оренбурге для борьбы с советской властью.

Характеризуя развитие национального дви-

¹ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 6.

² Ленин — Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 639. Партиздат. 1937.

жения на окраинах России после Октябрьской социалистической революции, товарищ Сталин писал:

«Революция, начатая в центре, не могла долго оставаться в рамках узкой его территории. Победив в центре, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И, действительно, революционная волна с севера с первых же дней переворота разлилась по всей России, захватывая окраину за окраиной. Но здесь она натолкнулась на плотину в виде образовавшихся ещё до Октября «национальных советов» и областных «правительств» (Дон, Кубань, Сибирь). Дело в том, что эти «национальные правительства» и слышать не хотели о социалистической революции. Буржуазные по природе, они вовсе не хотели разрушать старый буржуазный мир,—наоборот, они считали своим долгом сохранять и укреплять его всеми силами. Импералистические по существу, они вовсе не хотели рвать с империализмом,—наоборот, они никогда не были прочь захватить и подчинить себе куски и кусочки «чужих» национальностей, если представлялась к тому возможность. Неудивительно, что «национальные правительства» на окраинах объявили войну социалистическому правительству в центре. Объявив же войну, они, естественно, стали очагами реакции, стягивавшими вокруг себя всё контрреволюционное в России. Ни для кого не тайна, что туда, в эти очаги, устремились все вышибленные из России контрреволюционеры, что там, вокруг этих очагов, формировались они в белогвардейские «национальные» полки.

Но, кроме «национальных» правительств, на окраинах существуют ещё национальные рабочие и крестьяне. Организованные в свои революционные союзы по образцу союзов в центре России ещё до Октябрьского переворота, они никогда не разрывали связей со своими братьями на севере»¹.

Точно так же было и в Башкирии.

Контрреволюционный очаг, образовавшийся в Оренбурге в первые дни Октябрьской революции, вскоре был разгромлен рабочими.

12 февраля (31 января) 1918 г. красногвардейские отряды городов Уфы, Екатеринбург (ныне Свердловск) и Самары (ныне Куйбышев), пришедшие на помощь рабочим Оренбурга, вступили в город. В числе их были красногвардейские отряды башкир и татар, созданные в Уфе. Одним из отрядов руководил молодой большевик Багау Нуриманов.

После вступления красногвардейских частей не успевшие бежать главари контрреволюции, в том числе и валидовцы, были арестованы.

18(5) февраля 1918 г. в Оренбурге был создан временный революционный Совет Башкурдстана. Это была первая в истории Башкирии народная революционная власть. Инициаторами и организаторами этого революционного Совета Башкирии были большевики-башкиры Б. Шафеев, Б. Нуриманов. Первым председателем Совета был тов.

Шафеев. Временный революционный Совет Башкурдстана немедленно провозгласил в Башкирии советскую автономию и взял всю полноту власти в свои руки.

В одной из своих статей, помещённых в газете «Звезда» в 1918 г., товарищ Сталин писал:

«Автономно-буржуазные группы, возникшие в ноябре, в декабре прошлого года в окраинах Поволжских татар, башкир, киргиз, Туркестанского края, постепенно разоблачаются ходом революции. Для того, чтобы окончательно оторвать от них «их же собственные массы» и сплотить последние вокруг Советов, необходимо взять у них автономию, предварительно очистив её от буржуазной скверны, и превратить её из буржуазной в советскую»².

Эту задачу в Башкирии и выполнял временный революционный Совет Башкурдстана.

В первом же номере газеты «Башкурдстан» (от 1 марта 1918 г.), органе временного революционного Совета Башкурдстана, была опубликована политическая платформа Совета. Она гласила:

«Члены старого башкирского правительства за контрреволюционную их деятельность против советской власти, против воли народа и за установление ими же союза с Дутовым, арестованы. Вместо старого башкирского правительства создан новый временный революционный Совет Башкурдстана.

Временный революционный Совет Башкурдстана считает деятельность старого правительства преступной, направленной против интересов бедноты и крестьян.

Временный революционный Совет Башкурдстана ставит своей первоочередной задачей дать свет и освобождение рабочим и крестьянам, живущим своим собственным трудом.

Временный революционный Совет Башкурдстана приступает к осуществлению Башкирской автономии и стремится сделать хозяином всей Башкирии и «Караван-Сарая»³ рабочих, крестьян и солдат и освободить их из-под ига буржуазии. Теперь вся власть должна быть в руках лишь крестьян, рабочих и солдат»⁴.

На первом же заседании временный революционный Совет Башкурдстана принял решение о ликвидации волостных и кантонных

² Газета «Звезда» № 64 от 11 апреля 1918 года.

³ «Караван-Сарай» — бывший башкирский войсковой дворец, построенный на средства и силами башкирского народа в 30-х годах XIX века.

По указанию народного комиссара по делам национальностей товарища Сталина от 6 февраля 1918 г., «Караван-Сарай» был передан «в полное распоряжение башкирского трудового народа в лице Областного Совета Башкир» (см. «Газету Временного рабоче-крестьянского правительства» № 16 от 24 января (6 февраля) 1918 г.).

⁴ «Башкурдстан» № 1 от 1 (14) марта 1918 года.

¹ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 53—54. М. 1934.

управ. «На местах власть переходит волостным Советам, избранным от рабочих, крестьян и солдат», — говорится в решении. На этом же заседании был отменён «сбор подушного налога как тяжёлого для бедноты», созданы «земельные комиссии для урегулирования земельного вопроса», а также принято решение о созыве Башкирского съезда рабочих, солдат и крестьян.

Для проведения в жизнь решений Совета на места были командированы представители временного революционного Совета Башкурдстана.

Временный революционный Совет Башкурдстана немедленно получил признание со стороны Оренбургского военно-революционного комитета, Уральского областного совета, уполномоченного комиссара советского правительства в Оренбурге тов. Цвиллинга и Оренбургского мусульманского военно-революционного комитета.

В противовес требованиям татарской и башкирской буржуазии о создании культурно-национальной автономии для поволжских и приуральских народов — «Идель-Урал штаты» — революционные организации татар и башкир выступили за создание Татаро-Башкирской советской республики.

Идя навстречу желаниям татаро-башкирских революционных масс, 24 марта 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей опубликовал за подписью наркома товарища Сталина «Положение о создании Татаро-Башкирской Советской республики».

Временный революционный Совет Башкурдстана согласился участвовать в созыве учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики, обусловив своё участие положением, что окончательное решение вопроса об объединении Башкирии в общую автономию должно быть предоставлено самому учредительному съезду Татаро-Башкирской советской республики.

В «Положении о создании Татаро-Башкирской Советской республики» это было оговорено отдельным пунктом:

«Политическое и экономическое взаимоотношение западной части республики и Башкурдстана определяется учредительным съездом Татаро-Башкирской республики».

После опубликования «Положения», в мае 1918 года товарищ Сталин провёл специальное совещание, на котором была создана комиссия по созыву съезда. В состав комиссии от временного революционного Совета Башкирии входил тов. Г. Давлет. Комиссия немедленно приступила к работе по созыву съезда. Она опубликовала положение о нормах представительства, порядке выборов на съезд и наметила местом созыва съезда город Уфу. Созыв съезда был назначен на 15 сентября 1918 года. Но занятие чехословаками территории Башкирии и Казани помешало созыву съезда в намеченный срок. Началась отечественная война против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции. Организаторы съезда с

оружием в руках вместе со всем народом выступили на борьбу против интервентов и белогвардейцев. В борьбе за родину, за советскую власть пали инициаторы и организаторы создания Башкирской советской республики, лучшие сыны Башкирии — тт. Шафеев и Нуриманов: они были зверски убиты белогвардейцами и валидовцами.

В силу начавшейся гражданской войны и развернувшихся военных действий на территории Башкирии работа по образованию автономии была на время прервана.

Освобождённые при налёте Дутова на Оренбург в апреле 1918 г., валидовцы вновь развернули свою контрреволюционную деятельность вместе с белогвардейцами. Они заключили сделку с самарскими учредилками и сибирско-омским «правительством» Кюлчака, получили от них средства и вооружение для формируемой башкирской дивизии. Опираясь на штыки этих белогвардейских правительств, валидовцам удалось провести среди населения юговосточных районов Башкирии насильственную мобилизацию в так называемую башкирскую армию.

Но башкирский народ — солдаты, насильственно загнанные в «башкирскую армию», не хотели воевать против Красной Армии и массами начали переходить на её сторону, восставая против белогвардейского командования, против Колчака. Валидовцы, напуганные ростом недовольства среди солдат, под давлением масс вынуждены были 18 февраля 1919 г. объявить о переходе на сторону Красной Армии. В этот день 6 башкирских конных и стрелковых полков перешли на сторону Красной Армии.

21 февраля 1919 г. в деревне Темясове, ныне Баймакского района, состоялся съезд представителей башкирских воинских частей, перешедших на сторону Красной Армии.

Съезд заслушал сообщение об итогах переговоров с представителями советского командования и принял следующую резолюцию:

«Тёмные, реакционные силы окрепли настолько, что захватили в Сибири, на юге и севере России власть в свои руки и ввели политику диктатуры буржуазии — возвращение старого режима и строя...

В этой боевой схватке, когда решается вопрос, восторжествует ли опять капитализм и угнетение трудовых масс, или же на развалинах сгнившего капиталистического строя воссияет солнце социализма; озаряя обновлённую и освобождённую землю, мы, бедные башкиры, без сомнения, пойдём с таким же бедным, как мы, крестьянином и рабочим и, присоединив Башкирскую Советскую Республику к Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, сделаем вместе с рабоче-крестьянской Красной Армией дружный натиск на врагов трудящихся — на Колчака, Дутова и всех мировых империалистов, так как в их уничтожении наше спасение.

Да здравствует мировая социалистическая революция!

Да здравствует Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика!

Да здравствует Башкирская Советская Республика!»¹.

Съезд утвердил все условия соглашения, избрал Временный революционный комитет и послал приветственную телеграмму В. И. Ленину.

Для заключения окончательного соглашения об образовании Башкирской советской республики съезд направил своих представителей в Москву. В начале марта 1919 г. делегация башкир уже была в Москве и товарищ Сталин телеграфировал Оренбургскому и Уфимскому губкомам партии: «Делегация башкир прибыла в Москву. Башкиры безусловно получают советскую автономию. Не определены ещё детально территориальные границы, о чём ведутся переговоры. Центральный Комитет обязывает партийных работников внимательно отнестись к нуждам башкирских трудовых масс и помочь им в деле строительства советов в Башкирии. Дальнейшие указания будут даны.

По поручению ЦК партии — Сталин»².

23 марта 1919 г. правительство РСФСР опубликовало декрет о башкирской советской автономии на территории Малой Башкирии.

«Автономная Башкирская Советская Республика образуется в пределах Малой Башкирии и составляет федеративную часть, входящую в состав РСФСР», — говорится в § 1 декрета.

В следующих параграфах определялись границы республики, административное деление её на 13 кантонов и их административные центры.

Параграф 8 устанавливал, что «власть Автономной Башкирской Советской Республики организуется на точном основании Советской Конституции, утверждённой V Всероссийским Съездом Советов 10 июля 1918 г.».

Декретом предусматривалась также организация башкирской армии, подчиняющейся общему командованию Красной Армии.

Специальным параграфом предусматривалась помощь РСФСР Башкирии.

Так была образована Башкирская автономная советская республика.

После перехода башкирских частей на сторону Красной Армии и заключения соглашения между башкирским правительством и представителями советского командования окончательно осуществилось самоопределение башкир на основе советов.

День 23 марта стал днём рождения Башкирской советской республики.

Но начать советское строительство в Башкирии было невозможно, пока территория республики оставалась занятой Колчаком. Лишь с августа 1919 г., когда белые банды

были изгнаны с территории Башкирии, стало возможным практически начать советское строительство.

26 августа 1919 г. председатель ВЦИК тов. Калинин в своей телеграмме Башревкому писал: «Освобождение территории Башкирии от белых войск делает возможным проведение в жизнь декретов ВЦИК о создании Башкирской республики. Президиум ВЦИК предлагает вам прислать в Москву трёх представителей для срочной выработки плана организации органов Башкирской республики, порядка и срока передачи им дел... Председатель ВЦИК Калинин»³.

Началась подготовка к созыву учредительного съезда Башкирской республики, который должен был завершить образование республики, решить вопрос о конституции республики и сконструировать правительство Башкирии.

Молодая Советская Башкирия встретила с огромными трудностями: хозяйство страны было разрушено многими годами войны, башкирское население очень сильно пострадало от белогвардейцев, не хватало национальных кадров. Строительство тормозили валдодцы. Эта презренная кучка буржуазных националистов, обманым путём проникшая в советский аппарат, организовала саботаж, поднимала кулацкие мятежи и т. д.

Но с помощью великого русского народа, под руководством партии Ленина — Сталина башкирский народ преодолел и эти трудности. В июле 1920 г. собрался 1-й съезд советов Башкирии, который установил постоянные органы власти и тем самым завершил создание башкирской советской автономии.

Заслушав доклад особой комиссии по созыву съезда, съезд советов принял резолюцию:

«Съезд выражает благодарность особой комиссии, доведшей дело съезда до конца и заменившей сбежавших со своих постов представителей старого, противонародного Башревкома ответственными работниками, по своим воззрениям вполне соответствующим взглядам подавляющего большинства Башкирского Съезда Советов».

В резолюции по докладу о текущем моменте «съезд провозглашает своё полное доверие к политике правительства РСФСР по отношению к малым и большим народностям просыпающегося к революционной жизни Востока и клеймит осуждением попытки националистов из нашей среды посеять рознь и недоверие между братскими трудовыми массами РСФСР и башкирской беднотой»⁴.

Партия большевиков и советское правительство с первых же дней образования республики организовали широкую помощь пострадавшему от белогвардейцев башкирскому народу. Советское правительство отпустило средства для оказания помощи населе-

¹ Башкирский центральный архив, фонд № 292, дело № 34 «1-й военный съезд Башкирии».

² Партархив Башкирского обкома, фонд истпарта, инв. № 247.

³ «Известия Уфимского губернского ревкома» № 51 от 30 августа 1919 года.

⁴ Архив Верховного Совета БАССР. 1-й съезд БАССР.

нию, а для осуществления этой задачи был создан специальный комитет (Башкиропомощь) во главе с членом ЦК ВКП(б) тов. Сергеевым — Артёмом.

СНК РСФСР 6 октября 1919 г. принял решение «Об оказании помощи башкирам, пострадавшим от белых»:

«Ввиду крайне бедственного положения населения тех районов Башкирской Советской Республики, где особенно жестоко свирепствовали белые колчаковские банды, безотлагательно, в порядке мер чрезвычайного государственного характера, организовать помощь жертвам белогвардейских насилий и погромов на территории Башкирии...

Отпустить по смете Народного Комиссариата социального обеспечения на второе полугодие 1919 года в распоряжение указанного уполномоченного СНК сто пятьдесят... миллионов рублей авансом до представления сметы на средства, необходимые для всей операции в целом...»¹.

Эти мероприятия сыграли исключительную роль также и в укреплении советской власти в Башкирии. Заслушав на 1-м съезде сообщение о деятельности Башкиропомощи, съезд выразил Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету глубокую благодарность за помощь, оказанную башкирской бедноте.

Трудящиеся массы Башкирии полностью поддержали решения съезда. Вот одна из многочисленных резолюций, принятых в воинских частях по докладу делегата съезда:

«Мы, красноармейцы комкоманды, политотдела, роты связи, сапроты и других частей управления штаба башбригады, заслушав отчёт тов. Уразова и других наших делегатов, возвратившихся со съезда Советов Башкирии, подтверждаем, что наши делегаты данный им наказ выполнили полностью, поступили вполне правильно, организовав Вр. Ревком и выгнав из правительства всех шкурников, недостойных звания выразителей воли бедноты Башкирии.

Подтверждаем, что съезд Советов своим постановлением вполне оправдал наши надежды и явился действительным съездом башкирской бедноты.

Присоединяясь ко всем постановлениям съезда, выражаем надежду, что новое правительство в лице Всебашкирского ЦИК и Совнаркома нас не забудет, установив действительную связь красного тыла с фронтом»².

В результате двух с половиной лет борьбы башкирского народа с врагами завершилось образование Башкирской советской республики.

Злейшие враги башкирского народа — валидовцы — были разбиты, но борьба с ними продолжалась и после съезда.

В 1921 г. X съезд РКП(б) призвал советский народ ликвидировать наследие прошлого — хозяйственную, политическую и куль-

турную отсталость ранее угнетённых народов России. Это решение стало боевой программой башкирской партийной организации и молодой Башкирской республики.

Башкирия находилась тогда ещё в очень тяжёлом экономическом положении. Башкирская республика была оторвана от железных дорог и от более развитых в хозяйственном отношении областей собственно Башкирии.

В 1922 г. к Башкирии была присоединена бывшая Уфимская губерния (за исключением Мензелинского и части Златоустовского уезда).

Это присоединение более развитой в промышленном и сельскохозяйственном отношении территории было очень важным фактором в ликвидации хозяйственной и культурной отсталости Башкирии. С этого времени столицей Башкирии становится город Уфа. Этот период является переломным в развитии советов Башкирии. Именно в этот период закладываются основы башкирской национальной культуры: создаётся научное общество по изучению Башкирии; впервые разрабатывается и создаётся башкирский литературный язык, начинают выходить на башкирском языке газеты и книги; из театрального кружка башкирской молодёжи, начавшего свою работу на фронтах по обслуживанию красноармейских частей, возникает Государственный башкирский театр.

Впервые создаются башкирские национальные школы, сыгравшие огромную роль в деле подготовки национальных кадров для советских органов, а также учителей и других культурных сил Башкирии.

В природном отношении Башкирия — одна из богатейших областей Союза ССР. В недрах Башкирии имеется подавляющее большинство элементов менделеевской таблицы. Башкирия составляет часть Урала, «который представляет, — говорит товарищ Сталин, — такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб — чего только нет на Урале!»³.

Природные богатства области в руках освобождённого народа стали одним из источников промышленного расцвета Башкирии. Социалистическая промышленность Башкирии за годы сталинских пятилеток сделала гигантский шаг вперёд.

В 1913 г. валовая продукция промышленности бывшей Уфимской губернии, включая сюда и промышленность Златоустовского округа, ныне входящего в Челябинскую область, составляла 50 млн. руб., в Башкирии уже к 1939 г. она достигла 613,0 млн. руб., или увеличилась на 1224% (более чем в 12 раз). Количество рабочих в 1913 г. по той же Уфимской губернии насчитывалось 12 тыс., а в Башкирии к 1939 г. было 97,3 тыс. человек.

За годы советской власти в Башкирии созданы совершенно новые отрасли добывающей промышленности — нефти, угля, сланца и т. д. Башкирия теперь представляет собой центр нефтяной промышленности на востоке Советского Союза — «Второе Ба-

¹ Гужвенко Г. Башкирия в борьбе за Октябрь, стр. 120. Уфа, 1941.

² Башкирский центральный архив, фонд Ревкома, дело № 47, л. 94.

³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 441, 10-е изд.

ку»—и даёт стране сотни тысяч тонн нефти ежегодно.

На базе местного сырья созданы совершенно новые отрасли тяжёлой и лёгкой промышленности: машиностроительная, особенно станкостроительная и электро-машиностроительная, нефтеперерабатывающая, химическая, каучуковая, фанерная, спичечная, обувная, швейная, сахарная, консервная и др. Ранее существовавшие отрасли промышленности значительно расширены и в несколько раз увеличили свою продукцию.

К концу 1940 г. продукция всей промышленности Башкирии возросла по сравнению с первым годом первой пятилетки почти в 11 раз. Башкирия выдвинулась в ряды передовых индустриальных восточных районов Советского Союза.

Эти успехи были достигнуты в сказочно короткий срок (примерно за 10 лет), они могли быть осуществлены только в условиях советской социалистической Башкирии и лишь благодаря материально-технической помощи братского русского народа.

В дни Великой отечественной войны промышленность Башкирии получила новое, ещё более мощное развитие как за счёт перебазированной из западных областей Союза промышленности, так и за счёт строительства новых заводов. За время войны пущено в ход более десяти предприятий.

Рабочие и инженерно-технические работники проявляют чудеса героизма. Социалистическим соревнованием охвачено от 60 до 80% рабочих. В течение 1943 г. по итогам Всесоюзного социалистического соревнования 10 предприятиям республики было вручено переходящее знамя Государственного комитета обороны и 19 предприятиям — знамёна ВЦСПС и союзных наркоматов; 41 предприятие получило вторые и третьи премии союзного значения; 2170 рабочих, инженеров и руководителей предприятий награждены орденами и медалями Советского Союза, почётными грамотами и значками «Отличник промышленности».

Промышленность Башкирии без перебоев снабжает фронт всем необходимым в возрастающих размерах. В 1943 г. валовая продукция промышленности Башкирии выросла по сравнению с 1940 г. в три раза.

В сельскохозяйственном отношении дореволюционная башкирская деревня была наиболее отсталой. Крестьянство страдало от безземелья, частых неурожаев, недостатка рабочего скота и т. д. Особенно страдали крестьяне-башкиры. Царские колонизаторы грабили у них и землю, и леса, и скот. «Колонизаторы» сводили корабельные леса, — говорит Ленин, — и превращали «очищенные» от «диких» башкир поля в «пшеничные фабрики»¹. В бывших Уфимской и Оренбургской губерниях 1300 помещиков владели 5 млн. 700 тыс. десятин земли. В среднем на одного помещика приходилось по 4396 десятин. Между тем 300 тыс. крестьянских

дворов, половина сельского населения, владели почти вдвое меньшим количеством земли — около 3 млн. десятин. Количество безлошадных крестьян достигало 30%.

Октябрьская социалистическая революция отдала 5,7 млн. десятин помещичьей земли крестьянам. Социалистическое переустройство деревни за годы сталинских пятилеток совершенно изменило лицо башкирской деревни. Колхозы Башкирии получили в бесплатное и вечное пользование 7 млн. 400 тыс. гектаров земли.

В 1939 г. на колхозных полях работали 6574 трактора и 3975 комбайнов.

Благодаря широкому применению сельскохозяйственных машин посевная площадь Башкирии в 1939 г. в сравнении с 1916 г. увеличилась на 78%. Применение новых агротехнических мероприятий, удобрений полей увеличило также урожайность. За последнее пятилетие перед началом Великой отечественной войны среднегодовая урожайность достигла 10,2 ц с гектара, что почти вдвое выше урожайности наиболее урожайных дореволюционных годов (6,3 ц).

Колхозы и совхозы Башкирии к 1939 г. стали давать товарного хлеба свыше 46 млн. пудов ежегодно, что в несколько раз больше того количества товарного хлеба, которое давало сельское хозяйство Башкирии до революции. Колхозники стали жить зажиточной и культурной жизнью. В этом со всей силой проявилось преимущество социалистической системы сельского хозяйства — колхозного строя.

В 1935 г. за выдающиеся успехи в течение ряда лет в области сельского хозяйства, равно как в области промышленности, ЦИК Союза ССР в числе передовых областей и республик СССР наградил орденом Ленина и Башкирскую советскую автономную республику.

В дни Великой отечественной войны социалистическая колхозная деревня Башкирии выдержала величайшее испытание. Несмотря на трудности военного времени, благодаря самоотверженному труду колхозного крестьянства колхозы и совхозы Башкирии выполняли задания партии и правительства по обеспечению фронта и населения городов продовольствием, а промышленности — сырьём.

Из года в год улучшается организация сельскохозяйственных работ. Весенний сев и уборка урожая в 1943 г. проведены в более сжатые сроки, чем в 1942 году. План сева озимых в 1943 г. под урожай 1944 г. перевыполнен на 14 тыс. га. Многие колхозы республики досрочно выполнили план сдачи хлеба государству.

Успешно прошла подготовка к весеннему севу 1944 года. За перевыполнение плана ремонта тракторов и сельскохозяйственного инвентаря республика в феврале получила переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны.

Великая Октябрьская социалистическая революция и достигнутые огромные успехи в области хозяйственного строительства создали благоприятные условия для развития и роста башкирской культуры, национальной по форме и социалистической по

¹ Ленин. Соч. Т. III, стр. 194.

содержанию. Башкирский литературный язык, письменность, национальная школа, национальный театр сделали огромный шаг вперед.

По данным переписи 1939 г., грамотность населения достигла 83,5%. 96% детей школьного возраста охвачены школой.

В дореволюционной Башкирии было лишь 14% грамотных башкир, да и те из числа обеспеченных классов. В 1910 г. только 12 человек имели образование выше начального. За годы советской власти более тысячи башкир получили высшее образование. Десятки башкир имеют учёные степени и научные звания. До революции в Башкирии не было ни одного высшего учебного заведения, а в 1939 г. в Башкирии работало 12 научно-исследовательских институтов. Советская Башкирия покрылась густой сетью школ. В Башкирии имеется 2 тыс. библиотек, 4 тыс. клубов. Перед Великой отечественной войной на народное просвещение ежегодно затрачивалось свыше 200 млн. руб.— это в 75 раз больше того, что тратила царская Россия в Уфимской губернии в 1913 году.

И в годы Великой отечественной войны несмотря на трудные условия военного времени продолжают расти ассигнования на народное образование: в 1943 г. израсходовано 283 млн. руб.; выросло количество школ. В 1943—1944 учебном году охват детей школьного возраста достиг 97,2%.

Значительны успехи, достигнутые в области искусства и литературы. За годы советской власти башкирский народ создал свой академический драматический театр, Театр оперы и балета, симфонический оркестр, сеть колхозных и рабочих театров. Выросли новые кадры артистов, певцов, музыкантов, балетмейстеров, художников, скульпторов и т. д. Если до революции среди башкир не было ни одного актёра, музыканта и художника, то уже в 1939 г. работников искусства в Башкирии насчитывалось 1090, причём из них башкир — 226 и татар — 224.

В Советской Башкирии издано около 20 тыс. названий книг и журналов.

Башкирский народ впервые в своей истории стал читать на родном языке произведения классиков марксизма-ленинизма, великих русских писателей и классиков мировой литературы.

Выросли молодые и талантливые писатели-башкиры. Наряду с классиком башкирской литературы покойным Мажит Гафури и старейшим народным писателем-орденоносцем Сайфи Кудаш выдвинулись и стали известными талантливые писатели Нигмати, Мифтахов, Бикбай и др.

За годы Отечественной войны башкирские писатели создали крупные произведения, отражающие героическую борьбу народа в нашу эпоху. Таковы поэма «Убей, сын мой, немца» Рашида Нигмати, «Ленин и боец» Сайфи Кудаш и созданная баш-

кирским и русским драматургами Киреевым и Кедровым пьеса «Яу» («Война»), отражающая героические будни башкирской гвардейской кавалерийской дивизии.

Огромные успехи достигнуты в области здравоохранения. В бывшей Уфимской губернии до революции насчитывалось 49 лечебниц и 100 врачей, к моменту установления советской власти в Башкирии на сельские местности приходилось всего 2 врача. К 1941 г. в Башкирии было около тысячи врачей и 3 тыс. среднего медицинского персонала. Неизмеримо возросла и сеть лечебных учреждений. В деревне появились родильные дома.

За годы советской власти Башкирия пределала в хозяйственном и культурном отношении такой путь исторического развития, какой другими народами пройден в течение столетий. Это было возможно лишь в условиях советской социалистической Башкирии, в результате торжества ленинско-сталинской национальной политики — политики дружбы и взаимной помощи народов Советского Союза. История возрождения и расцвета Башкирии является конкретной иллюстрацией всепобеждающей силы социалистического советского строя и ленинско-сталинской национальной политики.

Ликвидация всякой эксплуатации в стране, победа социалистической экономики и рост культуры создали необходимые условия для морально-политического единства народов Башкирии и укрепления дружбы между народами Советского Союза. Незыблемая дружба народов Советского Союза со всей силой проявилась в период Великой отечественной войны советского народа против немецких оккупантов.

Доблестные сыны башкирского народа плечом к плечу с другими народами Советского Союза, во главе с русским народом защищают свою цветущую родину, свою культуру и свободу.

Сыны Башкирии, потомки Салават-батыра, джигиты башкирской кавалерийской дивизии на фронтах Великой отечественной войны показывают чудеса героизма, приумножая славные героические традиции башкирского народа. Тысячи воинов-башкир награждены орденами и медалями Советского Союза. 73 батыря удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Лишь в одной башкирской кавалерийской дивизии 800 бойцов и командиров награждены орденами и медалями Советского Союза. 61 джигиту присвоено звание Героя Советского Союза.

«Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.

Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!»

И нет такой силы, которая могла бы разорвать этот союз, созданный Лениным и Сталиным и спаянный кровью лучших сынов нашего народа.

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС И ПЕРЕДОВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ И НАУЧНАЯ МЫСЛЬ РОССИИ 70—80-х ГОДОВ

Проф. В. Шульгин

Ни с кем так много не говорили и не переписывались по вопросам теории в 70—90-е годы Маркс и Энгельс, как с русскими революционерами и выдающимися общественными деятелями, что легко проследить по их работам и письмам.

«Это как раз человек, способный заставить меня болтать целыми часами»¹, — писал Маркс о Лаврове. Исключительный интерес представляют эти разговоры и переписка Маркса с Лавровым. В одном из своих писем Лаврову Маркс писал: «Торговый кризис надвигается. Теперь всё зависит от известий, какие будут получены с азиатских, в особенности с ост-индских рынков, которые в течение ряда лет всё более и более переполнялись. При известных условиях, наличие которых, впрочем, не особенно вероятно, наступление окончательного краха могло бы, пожалуй, затянуться ещё до осени. Поистине замечательным является уменьшение продолжительности периода всеобщих кризисов. Я всегда рассматривал эту цифру не как постоянную величину, а как уменьшающуюся; но особенно приятно то, что она обнаруживает такие очевидные признаки своего уменьшения; это дурное предзнаменование для долговечности буржуазного мира»².

Такова была одна из тем переписки. А вот и другая. Посылая Лаврову немецкое издание своих экономических работ, Маркс писал 11 февраля 1875 г., что Д. С. Милль — «блестящий пример того, как буржуазные экономисты даже с самыми лучшими намерениями инстинктивно идут по ложному пути именно в тот момент, когда им кажется, что они нашли истину»³. И в том же письме Маркс сообщал: «Мне послали целый пакет книг и официальных изданий из С.-Петербурга, но он был украден, вероятно, русским правительством. Там, между прочим, были доклады: «Комиссии по сельскому хозяйству и сельской производительности в России» и «По податному вопросу» — вещи, абсолютно необходимые для той главы второго тома, в которой я говорю о земельной собственности и т. д. в России»⁴.

Такова первая теоретическая линия интересов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 564.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 392.

³ Там же, стр. 381.

⁴ Там же, стр. 382.

Но общность интересов не замыкалась рамками политической экономии, а шла дальше: «Когда я был у Вас третьего дня, я забыл сообщить Вам важную новость, которая, быть может, Вам ещё неизвестна. Физиологу Траубе в Берлине удалось создать искусственные клеточки. Это, конечно, ещё не натуральные клеточки: в них нет ядра. Смешивая коллоидальные растворы, например, желатин с серно-кислой медью и т. п., получают шарики, окружённые оболочкой, которые можно заставить расти посредством всасывания. Итак, образование оболочки и рост клеточек вышли уже из области гипотез! Это большой шаг вперёд, который тем более кстати, что Гельмгольц и другие собирались уже провозгласить нелепую доктрину, будто зародыши земной жизни падают в готовом виде с луны, т. е. что они привнесены были к нам аэролитами. Терпеть не могу подобных объяснений, которые решают задачу перенесением её в другую сферу»⁵.

Интерес к вопросам биологии и физиологии в самых сокровенных их глубинах связывал Маркса и Энгельса с русскими людьми настолько крепко, что частые личные свидания оказывались недостаточными и приходилось прибегать к письмам.

Лавров пишет статью о дарвинизме и отсылает её Энгельсу с просьбой дать о ней отзыв. И Энгельс откликается на эту статью большим и интересным письмом:

«Лондон, 12 [—17] ноября 1875 г.

Дорогой г. Лавров! Вернувшись из поездки в Германию, я принялся, наконец, за Вашу статью, которую прочёл с большим интересом. Посылаю Вам свои замечания к ней... Самое существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае собирают, между тем как люди производят. Это единственное, но, в то же время и основное различие делает невозможным простое перенесение законов животного общества в человеческое общество. Благодаря этому различию стало возможно, как Вы правильно заметили, чтобы «человек повёл борьбу не только за существование, но за наслаждение и за увеличение своих наслаждений... готов был для высшего наслаждения отречься от низших». Не оспаривая Ваших дальнейших выводов из этого,

⁵ Там же, стр. 392.

я бы, исходя из своих предпосылок, сделал следующие выводы: человеческое производство на известной ступени достигает, следовательно, такой высоты, что могут быть произведены не только предметы для удовлетворения необходимых потребностей, но и для удовлетворения потребностей в роскоши, сперва хотя бы только для меньшинства»¹.

Таким образом, новейшие открытия в области физиологии и общие проблемы биологии являются предметом переписки Энгельса и Лаврова. Но не только они. К ним присоединяются вопросы философии. Энгельс посылает Лаврову свою брошюру, направленную против Дюринга.

«Дорогой г. Лавров!

Надеюсь, что Вы получили экземпляр моей брошюры против Дюринга, которую я отправил Вам вчера. Я бы давно уже послал её, если бы у меня был Ваш теперешний адрес»², — писал Энгельс.

У Энгельса были все основания послать «Анти-Дюринг» Лаврову. Не только потому, что за несколько лет до появления статей Энгельса Лавров выступил против Дюринга в Русском журнале «Знание», но и потому, что он одним из первых отозвался на статью Энгельса о Дюринге. Об этом Маркс сообщил Энгельсу 3 марта 1877 г.: «Лавров, которому живётся дьявольски плохо, хвалит твою статью против Дюринга, но «не привыкли (читай: он не привык) к такой мягкости в полемике со стороны Энгельса»³.

И Энгельс не опровергал ни «мягкости», ни необходимости более беспощадной критики Дюринга.

«В самом деле, Лавров прав отчасти, что я с этим парнем до настоящего времени обходился слишком деликатно. Теперь, когда я перечитываю курс политической экономии, когда я знаю молодца и его манеру и когда мне уже не приходится опасаться того, что за фразами скрывается какая-нибудь западня, и когда вся напыщенная пошлость выступает неприкрытой, — я нахожу, что стоило бы отпустить ещё большую порцию презрения. У добряка Лаврова, конечно, имеются свои соображения: ему в своих «проповедях» не приходится прибегать к crescendo, как это приходится делать нам при этом скучном занятии. Тем не менее он уже в конце отдела о философии не будет больше жаловаться на мягкость, а в политической экономии — ещё меньше того»⁴.

Когда Энгельс работал над своей книгой «Диалектика природы», он не раз встречался с Лавровым и делился с ним своими мыслями. В разделе «Диалектика и естествознание» Энгельс ссылается на высказывания Лаврова: «Эфир. Если эфир вообще оказывает сопротивление, то он должен оказывать его также свету, а в таком случае на известном расстоянии он должен стать непроницаемым для света. Но из того, что

эфир распространяет свет, является средой для него, вытекает необходимо, что он оказывает также сопротивление свету, ибо иначе свет не мог бы приводить его в колебания. Это является решением затронутых у Медлера и упоминаемых Лавровым спорных вопросов»⁵.

И дальше: «Излучение тепла в мировое пространство. Все приводимые у Лаврова гипотезы о возрождении погасших небесных тел (стр. 109) предполагают потерю движения»⁶.

Философские интересы связывали Энгельса и Лаврова. И в своих философских исследованиях Энгельс мимо Лаврова пройти не мог.

«Геккель, брошюру которого я только что получил, ограничивается тем, что в общих выражениях говорит о безумных социалистических учениях, но г. Оскар Шмидт из Страсбурга собирается нас разделить во-всю на съезде естествоиспытателей в Касселе. Напрасный труд! Если реакция в Германии будет развиваться беспрепятственно, то первыми жертвами после социалистов будут дарвинисты»⁷, — писал Энгельс Лаврову 10 августа 1878 года. Это уже разговоры о политике.

Лавров и ряд других русских деятелей, поддерживавшие связь с Марксом и Энгельсом, стояли на уровне современной науки. Темами для их бесед и переписки с Марксом и Энгельсом являлись философия, политэкономия, биологические науки, последние достижения науки и искусства. Эти беседы и переписка продолжались в течение многих лет. Когда умер Маркс, связь русских революционеров с Энгельсом ещё более окрепла. Энгельс искал людей, которые могли бы в той или другой степени заменить ему ушедшего друга, и всё чаще высказывал свои мысли о самых различных вопросах теории именно представителям революционной России; с ними же он обсуждал вопросы, выдвигаемые научным наследием Маркса.

Через пятнадцать дней после похорон Маркса, 2 апреля 1883 г., Энгельс писал Лаврову: «Я нашёл рукопись «Обращение капитала» и из третьей книги — «Весь процесс, взятый в целом», около 1000 страниц in folio. Пока ещё нельзя сказать, может ли эта рукопись быть напечатана в том виде, в каком она есть. Во всяком случае мне придётся её переписать, потому что это черновик. Завтра у меня будет, наконец, время, чтобы посвятить несколько часов на просмотр всех рукописей, оставленных нам Лавром. Особенно меня интересует очерк диалектики, который он всегда хотел написать. Но он всегда скрывал от нас, в каком состоянии его работы. Он знал, что, проведя о том, что у него что-нибудь готово, мы будем приставать к нему до тех пор, пока он не согласится это опубликовать. Всё это между нами, я не имею права ничего печатать без Тусси, которой вместе со мной завещано ли-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 405, 409.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 11.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 467.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 468.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 428.

⁶ Там же, стр. 429.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 12.

тературное наследство»¹. К этому вопросу Энгельс возвращался не раз в письмах к Лаврову.

В письме от 28 января 1884 г. он писал Лаврову: «Что касается II тома, то я, наконец, начинаю в нём разбираться. Для наиболее важных частей 2-й книги — «Обращение капитала» — т. е. для её начала и конца, у нас есть редакция 1875 г. и позднее. Тут надо будет только привести цитаты согласно имеющимся указаниям. Для средней части книги есть не менее четырёх вариантов, написанных до 1870 г.; в этом единственное затруднение. 3-я книга — «Капиталистическое производство, рассматриваемое в целом» — существует в двух вариантах, написанных до 1869 г.; к более позднему времени относятся только несколько заметок и целая тетрадь уравнений для вычисления разнообразных факторов, согласно которым норма прибавочной стоимости превращается в норму прибыли»². Именно Лаврову Энгельс подробно и откровенно рассказывал о состоянии литературного наследства Маркса, так как знал, что Лаврова интересует это и что он в некоторой степени является соучастником его: Лавров близко стоит к переводу «Капитала» на русский язык. Вот почему Энгельс подробно рассказывал ему и о подготовительных материалах Маркса, хотя сам Энгельс ещё не знал, в какой мере он сможет использовать их. «Но извлечения из книг о России и о Соединённых Штатах содержат множество материалов и заметок о земельной ренте, а также заметки, относящиеся к денежному капиталу, кредиту, бумажным деньгам, как орудию кредита, и т. д. Я ещё не знаю, в какой мере я смогу их использовать для 3-й книги, — может быть, лучше будет их объединить в отдельном издании. Я так, должно быть, и сделаю, если включение их в «Капитал» представит большие трудности. Больше всего забочусь я о том, чтобы книга вышла как можно скорее, и затем особенно важно, чтобы то, что я издаю, было настоящим произведением Маркса»³.

Отношения между Энгельсом и Лавровым были настолько близкие, что как только Энгельс получил рукописи Маркса и начал в них разбираться, он пишет об этом Лаврову. Эти письма иногда полны глубоких эмоций, связанных с работой:

«Дорогой Лавров! Значит решено, книги я Вам вышлю. Ах, этот II том! Если бы Вы знали, мой старый друг, как хотелось бы мне поскорее его подготовить. А вот, пришлось потратить полгода из-за моей проклятой болезни. И теперь ещё я не смогу начать серьёзно работать раньше середины марта; это время мне понадобится для того, чтобы привести в порядок все книги, бумаги, газеты и т. д.; а я могу, не переутомляясь, заниматься этим всего лишь по несколько часов в день. Особенно это беспокоит меня потому, что я — единственный из оставшихся в живых, кто в состоянии расшифровывать этот почерк и эти сокращения

отдельных слов и целых фраз. Что касается издания выпусками, то это отчасти будет зависеть от издателя и от германских законов. Пока я не думаю, чтобы это было очень подходящим для такой книги, как эта»⁴.

Через несколько дней Энгельс снова пишет:

«Дорогой Лавров!

Принимаю к сведению сказанное Вами относительно русского перевода II тома «Капитала». Когда придёт время, мы вернёмся к этому вопросу. Что касается немецкого издания, то Вы знаете, что там мы под властью самого неограниченного произвола и что там могут запретить всё. Маркс никогда не считался с существующими законами, он всегда высказывался откровенно, и было бы чудом, если бы II том не давал достаточно оснований для конфискации и изъятия по закону 1878 г. Но надо рискнуть, и я, конечно, ничего не стану смягчать»⁵.

И так переписка велась из месяца в месяц, из года в год. «Второй том «Капитала» печатается; вчера я правил четвёртый лист. Последнюю часть рукописи отправляю через две недели. Самым важным будет третий том; я примусь за него, как только управлюсь со вторым. Английское издание подвигается вяло, так как у обоих переводчиков так много другой работы, что они не могут взяться как следует за дело. К лету, надеюсь, оно будет закончено. В предисловии ко второму тому «Капитала» я возвращаюсь к Родбертусу, чтобы доказать, что его заявления по поводу Маркса основаны на совершенно неслыханном невежестве в области классической политической экономии»⁶.

Энгельс регулярно пишет Лаврову о ходе работы над «Капиталом» Маркса и о всех изданиях «Капитала», выходящих на иностранных языках: «Рукопись английского перевода первого тома наконец у меня, я её немедленно же просмотрю. После этого приступлю к окончательной редакции третьего тома. Это будет не лёгкой задачей, но я доведу её до конца»⁷. И как только выходит тот или другой том, Энгельс посылает его Лаврову.

«Я получил Ваши любезные письма от 18/30 ноября, 19/31 декабря, 26/7 января и 8/20 января, а также четыре экземпляра перевода, из которых один передан в Британский музей, другой — Полковнику* и третий — хорошо известной Вам даме**, которая тоже перевела несколько работ автора на ваш язык»⁸, — пишет Энгельс Даниельсону 8 февраля 1886 года.

Второй том «Капитала», переведённый на русский язык, Энгельс послал Лаврову и Засулич. Такое тесное общение с русскими революционерами установилось ещё тогда, когда был жив Маркс. Маркс и Энгельс поддерживали такие отношения не только с Лавровым, но и с М. М. Ковалевским, кото-

⁴ Там же, стр. 352.

⁵ Там же, стр. 355—356.

⁶ Там же, стр. 453.

⁷ Там же, стр. 533.

* П. Лавров.

** В. Засулич.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 533—534.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 300.

² Там же, стр. 348—349.

³ Там же, стр. 349.

рого Маркс называл другом по науке, с Гартманом, Даниельсоном и др. и особенно с Германом Лопатиным.

Почему именно с русскими революционерами, с представителями теоретической мысли России, и именно с ними, установилось такое тесное общение у Маркса и Энгельса? Ответ на этот вопрос не раз давали основоположники научного социализма.

В одном из своих писем к В. И. Засулич Энгельс писал: «То, что Вы мне сообщаете о росте в России интереса к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, повидимому, нашла себе убежище в России»¹.

Политическая и критическая мысль в то время действительно нашла убежище в России. «Я ничуть не сомневался, что II том доставит вам,—писал Энгельс Даниельсону,—такое же удовольствие, как и мне. Развитие в нём идеи действительно отличаются таким высоким уровнем, что обыкновенный, рядовой читатель не даст себе труда измерить всей их глубины или проследить их до конца. Таково в действительности отношение к ним в нынешней Германии, где историческая наука, со включением политической экономии, пала так низко, что едва ли она может пасть когда-либо ещё ниже. Наши «катедер-социалисты» — со стороны их теорий — всегда были немногим больше, чем слегка филантропическими «вульгарными экономистами»; теперь же они спустились до уровня простых апологетов бисмарковского государственного социализма. II том поэтому навсегда останется для них запечатанной книгой. И разве это не прекрасный образчик того, что Гегель называет «иронией всемирной истории», когда мы видим, что германская историческая наука, самым фактом возвышения Германии на ступень первой европейской державы, низводится снова к тому жалкому состоянию, до которого она была доведена глубочайшим политическим унижением Германии после Тридцатилетней войны? Но это факт»².

Пройдёт три года, и ту же характеристику Энгельс повторит в письме к Даниельсону: «Вы удивляетесь, почему политическая экономия в Англии находится теперь в таком жалком состоянии. Но то же самое мы видим теперь повсюду. Даже классическая экономия,—нет, даже самые вульгарные приверженцы и глашатаи свободной торговли встречают теперь лишь высокомерное презрение со стороны ещё более вульгарных «высших» существ, занимающих ныне университетские кафедры политической экономии. И в этом виноват в значительной степени наш автор, который открыл глаза заинтересованным людям на опасные выводы классической экономии; вот, они и находят теперь, что, по крайней мере, в

этой области всего безопаснее не терпеть совсем никакой науки»³.

Если на Западе интерес к теории был незначительный, то в России, всё ближе подходившей к революции, он всё больше повышался. И это исключало односторонность связи. Её нельзя себе представить так, что Маркс и Энгельс давали очень много русским людям, а русские деятели только пользовались этим. Нет, и они очень много давали Марксу и Энгельсу. Решающим стимулом к разработке Марксом и Энгельсом вопроса о возможности перехода к социализму той или другой страны, минуя капитализм, бесспорно, послужили попытки русских людей разрешить этот вопрос. Маркс и Энгельс придавали огромное значение России и тем научным данным, которые были собраны и разработаны русскими учёными.

Об этом говорит тот факт, что Маркс не считал возможным выпустить в свет II том «Капитала», не изучив этих материалов, что нашло исчерпывающее выражение в переписке Маркса с Даниельсоном.

Даниельсон не раз ставил перед Марксом вопрос о печатании II тома, настаивал на этом, торопил его. Маркс осторожно дал понять ему, что есть не зависящие от него обстоятельства, которые мешают ему сделать это. Маркс писал: «Я ни за что не согласился бы выпустить второй том, прежде чем нынешний английский кризис достигнет своей высшей точки, своего поворотного пункта. Его проявления оказываются на этот раз очень своеобразными и, во многих отношениях, очень отличными от тех, которые наблюдались в прежних случаях. Это своеобразие, помимо других видоизменяющих обстоятельств, легко объясняется тем фактом, что никогда ещё английскому кризису не предшествовали такие могучие и продолжительные кризисы (тянущиеся в продолжение почти 5 лет) в Северо-Американских Соединённых Штатах, Германии, Австрии и пр. Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынешним ходом дел до их полной зрелости, только тогда можно будет «потребить» эти факты «производительно», т. е. «теоретически»⁴.

Этот намёк Маркс расшифровал в письме к Кугельману: «Что касается настойчивых требований Мейснера по поводу второго тома, то не одна только моя болезнь мешала его окончанию в течение всей зимы. Я нашёл нужным приняться за русский язык, потому что при изучении аграрного вопроса необходимо штудировать по первоисточникам русские отношения земельной собственности»⁵.

Второй том «Капитала» без анализа аграрного вопроса страны, которая «начинает участвовать в общем движении нашего века»⁶, с точки зрения Маркса, не мог быть

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 56.

² Летописи марксизма. Т. II (XII), стр. 99.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 58—59.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 354.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 361.

² Летописи марксизма. Т. III (XIII), стр. 83—84.

выпущен в свет. Эту работу Маркс пытался проделать при участии русских учёных, причём это было не впервые. О первой попытке совместной работы Маркса с русскими людьми рассказано следующее: «Принявшись за перевод «Капитала», Г. А. Лопатин во многих случаях для выяснения себе облика цитируемого Марксом писателя отправлялся в библиотеку Британского музея и там по подлиннику знакомился с тем или другим из авторов, на которых ссылался Маркс. Ему случалось подмечать у этих авторов ещё большую путаницу понятий против той, которую отмечает у них Маркс. В таких случаях Маркс принимал замечания Г. А. Лопатина к сведению и делал соответственные добавления. Примером может служить добавление, которое он сделал к 32-й выноске второго отдела (186—187 стр. 4-го немецкого издания) по поводу путаницы понятий Senior'a (русский перевод, стр. 177). Это добавление впервые появилось именно в русском издании. Оно было прислано в приложении к одному из писем Маркса. Иногда Г. А. Лопатин находил, что положение автора может ввести читателя в заблуждение, и делал в этом месте перевода соответствующую выноску, о чём сообщал Марксу. Маркс с ним в этом соглашался, и в последующих изданиях оригинала в соответственном месте появлялась такая же выноска (4-е издание оригинала, стр. 179 *Notzug 2 Ausgabe*; русский перевод, 3-е издание, стр. 170); в первом издании перевода эта выноска отмечена как примечание переводчика»¹.

Это было характерно для совместной работы Маркса и Энгельса, но в то же время это один из немногих случаев, когда Маркс вносил изменения в свою работу в результате замечаний других.

Маркс говорил о Лопатине, как о друге, и затем добавлял: «Не многих людей я так люблю и так уважаю, как его»².

Ко второму изданию I тома «Капитала» Маркс написал послесловие. Оно помечено: «Лондон, 24 января 1873 г.». Это послесловие имеет большое значение: с момента выхода в свет первого издания «Капитала» прошло более пяти лет. Маркс продолжал напряжённо работать над II томом и тщательно следить за происходившими событиями. Вместе с тем он не прекращал работы над I томом «Капитала»; именно в это время «Капитал» переводился на русский и французский языки и в литературе появлялись первые рецензии на него. По политической экономии появлялись новые исследования. Маркс не только сам вновь работал над I томом «Капитала», но в этой работе принимал участие и Энгельс. И в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» Маркс упоминает об этом. В послесловии Маркс разделался с противниками своей теории, опираясь на тех, кто пролагал вместе с ним или независимо от него те же пути.

¹ «Минувшие годы» № 1 за 1908 год. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 260.

«Буржуазия во Франции и в Англии, — писал Маркс, — завоевала политическую власть. Начиная с этого момента классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает всё более ярко выраженные и упрощающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наёмных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»³.

Это очень похоже на то, что писал Чернышевский: «В начале нынешнего года, излагая по поводу книги г. Горлова общий свой взгляд на политическую экономию, мы говорили, что во Франции после Сэ она получила совершенно новое направление, которого была чужда, когда излагалась Адамом Смитом; что это новое направление, при котором писатели имеют в виду не исследование истины, а только отстаивание во что бы то ни стало известных обычаев и экономических учреждений, придано ей боязнь перед социализмом»⁴.

Маркс признал правильными выводы Чернышевского и дал им высокую оценку: «Континентальная революция 1848—1849 гг. отразилась и на Англии. Люди, всё ещё претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капиталистов с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, лучшим представителем которого является Джон Стюарт Милль. Это — банкротство «буржуазной» политической экономии, как мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский учёный и критик Н. Чернышевский»⁵. На выводы Чернышевского в первую очередь ссылается Маркс в своей борьбе с теоретическими противниками.

«Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем, как остальные суть только простые компиляторы»⁶, — рассказывает Лопатин. И письма Маркса подтверждают это.

Маркс в борьбе со своими противниками ссылался не только на Чернышевского, но и на рецензента «С.-Петербургских ведомостей»⁷: «Косноязычные болтуны германской вульгарной экономии бранят стиль и способ

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 13.

⁴ Чернышевский Н. Соч. Т. VI, стр. 342.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 13.

⁶ «Г. А. Лопатин (1845—1918 гг.)», стр. 71. Пгг. Госиздат, 1922.

⁷ «С.-Петербургские ведомости» № 97 от 8 апреля 1872 г.

изложения «Капитала». Литературные недостатки моего труда я сознаю лучше, чем кто-либо другой. Тем не менее ради удовольствия и поучения этих господ и их публики я процитирую мнение английской и русской критики. «Saturday Review», безусловно враждебная моим взглядам, в своей заметке по поводу первого немецкого издания пишет: «Изложение сообщает даже самым сухим экономическим вопросам своеобразную прелесть (charm)». «С.-Петербургские Ведомости» в номере от 20 апреля 1872 г. между прочим замечают: «Изложение его труда (исключая некоторые слишком специальные частности) отличается ясностью, общедоступностью и, несмотря на научную высоту предмета, необыкновенной живостью. В этом отношении автор... далеко не походит на большинство немецких учёных, которые... пишут свои сочинения таким тёмным и сухим языком, от которого у обыкновенных смертных трещит голова». У читателей современной немецко-национально-либеральной профессорской литературы трещит не голова, а кое-что совершенно другое»¹.

Так с помощью русских критиков Маркс справляется с немецкими «косноязычными болтунами» и не менее беспощадно — с французскими учёными: «Ещё в 1871 г. Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» показал, что моя теория стоимости денег и капитала в её основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита-Рикардо. При чтении этой ценной книги западно-европейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения. Метод, применённый в «Капитале», был плохо понят, как это доказываются уже различными противоречащими друг другу характеристиками его. Так, напр., парижская «Revue Positiviste» упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизически, а с другой стороны — отгадайте-ка, в чём? — в том, что я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов (контровских?) для лаборатории будущего. По поводу упрека в метафизике проф. Зибер замечает: «Насколько речь идёт собственно о теории, метод Маркса есть дедуктивный метод всей английской школы, и недостатки его, как и достоинства, разделяются лучшими из экономистов-теоретиков»².

И далее Маркс пишет: «Немецкие рецензенты кричат, конечно, о гегелианской софистике. Петербургский «Вестник Европы» в статье, посвящённой исключительно методу «Капитала» (майский номер за 1872 г., стр. 427—436), находит, что метод моего исследования строго реалистичен, а метод изложения, к несчастью, немецки-диалектичен. Автор пишет: «С виду, если судить по внешней форме изложения, Маркс большой идеалист-философ, и притом в «немецком», т. е.

дурном, значении этого слова. На самом же деле он бесконечно более реалист, чем все его предшественники в деле экономической критики... Идеалистом его ни в каком случае уже нельзя считать». Я не могу лучше ответить автору, как несколькими выдержками из его же собственной критики; к тому же выдержки эти не лишены интереса для многих из моих читателей, не знакомых с русским языком»³.

Приведя цитату из Кауфмана, Маркс продолжает: «Автор, очертив так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приёмам применения этого метода, тем самым очертил не что иное, как диалектический метод»⁴.

Так же как Маркс, Энгельс в новом издании «Анти-Дюринга» в подтверждение своих выводов ссылается на новые открытия русского учёного Менделеева. «С тех пор как я написал эти строки, мои слова, повидимому, уже подтвердились. Согласно новейшим исследованиям, произведённым Менделеевым и Богуским с помощью более точных аппаратов, было найдено, что все постоянные газы обнаруживают изменяющиеся отношения между давлением и объёмом; у водорода при всех применённых до сих пор давлениях коэффициент расширения оказался положительным (объём уменьшался медленнее, чем увеличивалось давление); у атмосферного воздуха и других исследованных газов была обнаружена нулевая точка давления, так что при меньшем давлении этот коэффициент был положительным, при большем — отрицательным»⁵.

И затем в «Диалектике природы»: «Несколько лет спустя Лекок-де-Буабодран действительно открыл этот элемент, и оказалось, что предсказания Менделеева оправдались с незначительными отклонениями: экаалюминий воплотился в галлий... Менделеев, применяя бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг, который смело можно поставить рядом с открытием Леверрье, вычислившего орбиту ещё неизвестной планеты, Нептуна»⁶. И в других научных дисциплинах мы отмечаем то же.

В 1889 г. К. Каутский написал книгу «Классовые противоречия в 1789 году», посвящённую столетнему юбилею буржуазной французской революции. Книга печаталась отдельными статьями в России⁷ и в Германии⁸. Она вызвала ряд замечаний Энгельса. Он писал:

«Дорогой Каутский,

Возвращаю статьи из «Neue Zeit» с белыми критическими заметками. Главный недостаток — отсутствие хорошего материала,

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ Там же. Т. XIV, стр. 92.

⁶ Там же, стр. 530.

⁷ См. Каутский, К. Противоречия классовых интересов во Франции в 1789 году. «Северный вестник» №№ 4, 5, 6 за 1889 год.

⁸ «Neue Zeit». Nr. 1, 2, 3, 4. 1889.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 14.

² Там же, стр. 17.

боготворимых филистером Тэна и Токвиля тут недостаточно. Если бы ты писал эту работу здесь, ты нашёл бы совершенно другой материал — гораздо лучший материал из вторых рук и массу первоисточников. Помимо этого лучшая работа о крестьянах Кареева написана по-русски»¹.

И Энгельс не только называет работу «Н. Кареева, «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века», Москва, 1879 г.»², но и указывает, что Каутский должен исправить на основании книги Кареева. Энгельс находит большой новый материал в исследовании Кареева, позволяющий делать серьёзные выводы и обобщения, и отмечает компилятивность работы Каутского, находящегося в плену старых историков и их источников.

Это не значит, что Энгельс полностью согласен с позицией Кареева. Ещё задолго до письма Энгельса Каутскому Маркс в письме к М. М. Ковалевскому, отмечая, что «сочинение г. Кареева превосходно (excellent)», одновременно говорил: «Только я не вполне разделяю его взгляд на физиократов... Г. Кареев положительно неправ, говоря, что физиократы противопоставляли только одно социальное занятие, именно земледелие, другим, т. е. промышленности и торговле, но никогда не доходили, подобно Смиуту, до противоположения социальных классов. Если бы г. Кареев вспомнил основную мысль предисловия Рикардо к его знаменитому творению, где он рассматривает три класса государства (землевладельцев, капиталистов и рабочих, трудами которых почва обрабатывается), то он убедился бы, что первое изобретение трёх классов в экономической сфере и их взаимных отношениях могло найти место только в системе земледелия, как это сделал Кенэ. Сверх того, необходимо для писателя различать то, что какой-либо автор в действительности даёт, и то, что даёт только в собственном представлении»³. Но все эти возражения Маркса не мешали ему и Энгельсу называть это сочинение Кареева превосходным. И Энгельс вспомнил о нём через 10 лет и рекомендовал его Каутскому как лучшее из имеющихся. Маркс считал, что работы русских учёных стоят впереди других, что они являются вкладом в научную мысль Европы, мира⁴.

«Мы обязаны Максиму Ковалевскому («Tableau etc. de la famille et de la propriété» [«Очерк происхождения и развития семьи и собственности»], Stockholm, 1890, стр. 60—100) доказательством того, что патриархальная большая семья (patriarchalische Hausgenossenschaft), какую мы теперь ещё встречаем в Сербии и Болгарии под названием «задруга» (означает примерно содружество) или «братство» и в

видоизменённой форме у восточных народов, явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира. По крайней мере для культурных народов Старого света, для арийцев и семитов, это представляется доказанным»⁵. Так писал Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» о М. Ковалевском.

И дальше: «После того как Ковалевский... доказал широкое, если не повсеместное, распространение патриархальной большой семьи как промежуточной ступени между коммунистической семьёй, основанной на материнском праве, и современной изолированной семьёй, вопрос уже стоит не так, как ставили его Маурер и Вайц, — общия или частная собственность на землю; теперь вопрос стоит о форме общей собственности на землю»⁶.

С точки зрения Энгельса, работа Ковалевского двинула науку вперёд, хотя он не всё считал обоснованным у Ковалевского. «Недавно Ковалевский высказал взгляд, что эти genealogiae представляли собою крупные большие семьи (Hausgenossenschaften), между которыми была разделена земля и из которых лишь впоследствии развилась сельская община. То же самое относится тогда и к *faça*, каковым выражением у бургундцев и лангобардов, — следовательно, у готского и герминонского или верхне-германского племени, — обозначается почти, если и не совсем, то же самое, что и словом *genealogia* в «Аламанской Правде». Действительно ли перед нами род или большая

⁴ Как произошла посылка Марксу книги Кареева и кто был её инициатором, об этом Кареев рассказывает так: «Когда в самом конце 1878 г. я издал свою магистерскую диссертацию «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.», то послал по экземпляру П. Л. Лаврову и П. А. Кропоткину, исполняя данные им перед тем обещания. Узнав об этих моих посылках, М. М. Ковалевский, посоветовал мне послать экземпляр и Марксу, взявшись сам его переправить по назначению. Я, конечно, согласился на это предложение, и книга была послана. Ковалевский сказал мне, что Маркс читает по-русски и что книга моя его, несомненно, заинтересует. В апреле 1879 г. он сообщил мне о получении им письма от Маркса, в котором, между прочим, он благодарил его за присылку моих «Крестьян». Соответствующую часть письма он мне прочитал, переведя её с английского языка, на каком письмо было написано, по-русски, причём я тотчас же перевод записал». Этот перевод Кареев и даёт, сообщая, что письмо погибло («Былое» № 2 за 1922 г., стр. 103).

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 41.

⁶ Там же, стр. 118.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 80

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 28—29.

семья—подлежит ещё дальнейшему исследованию»¹.

Энгельс с большим уважением и признанием заслуг Ковалевского говорит о нём.

14 октября 1892 г. в московской газете «Русские ведомости» появился отчёт о заседании Антропологического отделения Общества любителей естествознания в Москве. На этом собрании Н. А. Янчук сделал доклад об исследовании Штернберга. Статьи Штернберга ещё не было, она ещё должна была быть только напечатана, а Энгельс уже пишет по поводу неё статью в «Die Neue Zeit»: «В последнее время у некоторых рационалистических этнографов вошло в моду отрицать существование группового брака; в связи с этим представляет интерес нижеследующий отчёт, который я перевожу из «Русских Ведомостей» (Москва, 14 октября 1892 г. старого стиля). В нём не только вполне определённо устанавливается наличие группового брака, т. е. права взаимных половых сношений между рядом мужчин и рядом женщин, но и приводится такая его форма, которая тесно примыкает к браку-пуналу у гавайцев, т. е. к наиболее развитой и классической фазе группового брака. Следует ещё заметить, что и в этом случае подтверждается то, что я писал в «Происхождении семьи», 4-е изд., стр. 28—29, а именно, что групповой брак выглядит вовсе не так, как рисует его себе фантазия нашего филистера, привыкшая к домам терпимости; что лица, живущие в групповом браке, вовсе не ведут открытой развратной жизни, которую он практикует втайне, а, напротив, что эта форма брака, судя, по крайней мере, по встречающимся ещё теперь примерам, на практике отличается от неустойчивого парного брака или также от многожёнства только тем, что ряд таких случаев половых сношений, которые при других условиях подвергаются строгому наказанию, здесь дозволены обычаем. То обстоятельство, что фактическое использование этих прав постепенно вымирает, только доказывает, что в стадии вымирания находится сама эта форма брака, что подтверждается также и редкостью случаев её существования. Вообще же всё это описание интересно ещё тем, что оно лишний раз показывает, как сходны, даже тождественны в своих основных чертах общественные учреждения первобытных народов, находящихся на почти одинаковой ступени развития. То, что рассказано об этих монголоидах с Сахалина, в большей своей части вполне применимо к дравидийским племенам Индии, к жителям тихоокеанских островов эпохи их открытия, к американским краснокожим»².

И дальше Энгельс приводит перевод от-

чёта: «Статья будет напечатана в Этнографическом Обзоре»³.

В 1884 г. Е. Паприц, ставя перед Энгельсом вопрос о переводе его работы «Очерки критики политической экономии», довольно сурово отозвалась о теоретической мысли России.

Отвечая ей, Энгельс писал: «Мне кажется, что Вы несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»⁴.

В 1883 г. В. Засулич обратилась к Энгельсу с просьбой дать разрешение на перевод II тома «Капитала». Но Энгельс не согласился на это, во-первых, потому, что II том «Капитала» не был подготовлен к изданию; во-вторых, потому, что он считал, что преимущественное право имеет на перевод Лопатин, а из России нет запроса о переводе; в-третьих, ему казалось, что обстановка не очень благоприятствует переводу.

На перевод другой книги он дал согласие: «Мне доставило большое удовольствие Ваше сообщение, что Вы взяли на себя перевод моего «Развития [социализма] и т. д.». Жду с нетерпением появления Вашего произведения и вполне оцениваю честь, которую Вы мне оказываете»⁵.

В то время Энгельс встречался уже с представителями третьего поколения. На арену истории начинает выступать русский рабочий класс. Появляется группа лиц (группа «Освобождение труда»), которая связывает будущее России с рабочим классом и считает себя его представителем.

Через ряд лет эта группа начала издавать орган социал-демократии, тем самым подчеркнув свою связь с партиями пролетариата Запада. Но и в то время в её деятельности было новое. И заключалось оно вот в чём. Если другие группы издавали работы Маркса и Энгельса наряду с работами, выражающими другие идеологические течения, то эта группа видела своё призвание в распространении марксизма как идеологии пролетариата.

«Вы спрашивали моё мнение о книге Плеханова «Наши разногласия»,— для этого мне нужно было её прочесть, и я читаю по-русски довольно свободно, когда позаимствую им в течение недели, но бывает, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 113.

² Там же. Ч. 2-я, стр. 321—322.

³ Там же, стр. 324.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 389.

⁵ Там же, стр. 335—336.

я по полгода не имею возможности этого сделать; тогда я отвыкаю от языка, и мне приходится изучать его, так сказать, заново. Так именно и произошло с «Разногласиями»... Если бы у меня нашлось три свободных дня, я покончил бы с ними, да к тому же освежил бы свои знания русского языка. Но и того немногого, что я прочёл из этой книги, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ввести меня в курс разногласий, о которых идёт речь. Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодёжи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие выдержанной и последовательной революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны»¹.

Это было в 1885 году. Энгельс увидел, что Россия выдвигает людей, которые берутся за дальнейшую разработку теории Маркса.

В большом письме к Лафаргу от 2 сентября 1891 г. Энгельс, говоря о Брюссельском конгрессе и о положении в Европе и России, ссылаясь на статью Плеханова, помещённую в «Neue Zeit»: «Россия — т. е. правительство и молодая буржуазия — очень много потрудились над созданием крупной национальной промышленности (см. в «Neue Zeit» статью Плеханова)»².

Для Энгельса Плеханов — авторитет не только в русских делах: он готов поддерживать его и на международной арене.

В своём письме в редакцию болгарского сборника «Социал-демократ» от 9 июня

1893 г. Энгельс, радуясь тому, что социализм продвинулся на восток и юго-восток и что ему «на старости лет приходится ещё изучать даже румынский и болгарский языки, чтобы следить за продвижением социализма на восток и юго-восток», продолжает: «Но, тем не менее, мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на границе Азии, которые несут к берегам Чёрного и Эгейского морей поднятое Марксом знамя современного пролетариата — о, если бы Маркс сам дожил до этого! — и которые на призыв и угрозы русского царизма отвечают тем, что царским прокламациям противопоставляют социалистические труды передовых борцов русского пролетариата. Я очень рад был видеть перевод работ Плеханова на болгарский язык»³.

Если в письме к Паприц Энгельс писал, что историческая и критическая школа в русской литературе «стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»⁴, то теперь он склонен сравнивать развитие марксистской теоретической мысли в Европе с развитием марксистской мысли в России и отдавать ей явное предпочтение.

«Статьи Плеханова превосходны», — пишет Энгельс в 1891 году. Это были статьи по вопросам философии, напечатанные в «Neue Zeit» (№№ 1, 8, 9 за 1891—1892 г.). Они назывались «К шестидесятилетию со дня смерти Гегеля».

«Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувекковой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»⁵. Марксистскую теорию развили и творчески продолжили в своих гениальных работах Ленин и Сталин.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 461—462.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, Ч. 2-я, стр. 145.

³ Там же, стр. 367.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 389.

⁵ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 175.

КУЛЬТУРА ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ XI—XIII ВЕКОВ

Проф. Н. Воронин

Владими́ро-Сузда́льская земля — это центральная территория русского народа, а затем культурная и политическая основа формирования русского национального государства. Границы этой области достигали на севере Белоозера и Устюга, на западе и востоке опирались на берега Волги и Ужи, а на юге выступали за Москва-реку. За ней укрепилось прозвище «Залесской земли», так как с юга лежали дремучие вятические леса, почти наглухо закрывавшие путь к днепровским землям. Поэтому более старыми и прочными были связи этого края с Новгородской землёй и волжским «низом», где лежали богатые болгарские города и рынки. С волжской же системой прочно связывали Залесье две реки: Нерль Волжская и Нерль Клязьменская, почти смыкавшиеся своими верховьями и пересекавшие Суздальскую землю по диагонали с северозапада на юговосток.

Эта известная географическая оторванность края от киевского центра Руси была причиной обычного противопоставления Суздальской земли Русской земле в источниках XII века. Когда суздальский или ростовский боярин ехал в Киев, о нём говорили, что он едет в Русскую землю; когда же в ростово-суздальское Залесье приезжал купец или посол, говорили, что приехал человек из Русской земли. Также и летописец ясно отличал Суздальскую землю от киевского Поднепровья, которое всегда называли Русской землёй. Это противопоставление днепровского юга волжско-клязьменскому северу имело однако и другой смысл. Залесье очень поздно вошло в орбиту политических интересов киевского княжеского дома и церкви. Его связь с Рюриковичами, о которой свидетельствует указание договора с греками 907 г. на наличие в Ростове «князя», зависевшего от Олега, была эфемерной и эпизодической. Залесье жило в X в. своей жизнью. Да и в начале XI в. оно было даже для Новгорода окраиной, своего рода «Сибирью»; гуда, например, Ярослав Мудрый сослал опального посадника Константина. А к концу XI в., когда Залесье стало владением сына Ярослава Мудрого + Всеволода — его внука — Владимира Мономаха, — Суздальская земля устами Мономаховичей: Юрия Долгорукова, Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо — заявила свои по-

литические притязания на руководство жизнью всей Руси; при этом осуществлять руководство Мономаховичи хотели не из Киева, а из Владимира.

Великорусский северовосток стал преемником объединяющей силы Киева и почвой, на которой возник будущий центр национального объединения Руси — Москва. Эта преемственность — не вымышленная концепция «московских книжников» XV—XVI вв., но совершенно очевидный историко-культурный факт. Это придаёт культуре Владимирского княжества XII—XIII вв. особое значение важнейшего звена в процессе образования русской национальной культуры.

II

Задолго до появления на северовостоке дружин и данщиков южных князей Ростово-Суздальский край жил напряжённой трудовой и политической жизнью, имевшей свои глубокие и своеобразные культурные традиции.

В течение I тысячелетия н. э. в Верхнем Поволжье оформляются два этнических массива: в верховьях Волги до Ярославля и по её притокам — восточная ветвь славянского, кривичского племени; в районе Костромского Поволжья и больших озёр — Неро и Клещина — формируется мерянское племя, как показывают археологические данные, очень близкое по своему облику славянской культуре; именно этим, повидимому, объясняется очень быстрое ослабление этнических и культурных различий между двумя племенами и так называемое исчезновение меры в X веке. Быстрое формирование русского населения усиливалось кривичской и словено-новгородской колонизацией; уже в IX—X вв. на берегах Волги появляются торговые посёлки северных колонистов. Однако ещё в конце XI в. отправившийся на север миссионер Киево-Печерского монастыря, ростовский епископ Леонтий был подготовлен к пропаганде и на мерянском языке, который он хорошо знал.

Археологические памятники XI—XII вв. — курганные могильники, городища, селища — рисуют нам уже почти сплошное русское население Ростово-Суздальского края; лишь кое-где наличие среди курганных вещей характерных «шумящих привесок» или изредка встречающиеся рядовые могильники говорят об островках мерянской культуры среди

основной массы русского населения¹. Русские особенно плотно заселили местности по течению Нерли Волжской и Нерли Клязьменской, у озёр Неро и Клещина и на чернозёмном «ополье» — между Юрьевом, Суздаlem и Переяславом-Залесским. Здесь рано развивается пашенное земледелие, тогда как в экономике более северных лесных районов Поволжья и Заволжья продолжают господствовать скотоводство, охота и рыболовство. Однако уже в древнейшем предшественнике Ростова — городище на реке Саре VIII—IX вв. — археология установила значительную концентрацию ремесленного производства, большое развитие торговли и промыслов². Но и в XI столетии, когда старые Ростов и Суздаль приобрели характер типичных феодальных городов, в которых концентрировалась местная старобоярская знать, в сельской периферии ещё господствовали глубоко архаические общинно-родовые порядки. Развивающаяся поволжская торговля вносила разлад в жизнь прибрежных погостских общин, разрушала их патриархальный быт, усиливала растущую данническую эксплуатацию края дружинами южных князей. Восстания смердов в Суздальской земле (1024) и в Верхнем Поволжье (приблизительно 1071) обнаруживают неравномерность исторического развития края, «многоукладность» его социальной жизни³.

Первые епископы Залесья — Леонтий и Исая — во второй половине XI в. сталкиваются с прочным язычеством в Ростове Чудской конец. Поклонники Волоса яростно сопротивлялись христианизации; епископ Леонтий пал жертвой языческого восстания.

Могилишки крестьянского населения XI в. содержат явные признаки ещё более архаической идеологии — медвежьего культа⁴.

С такой средой сталкивались на севере князь Мономахова дома, в такую среду попадали и семена киевской культуры и образованности, проникавшие в Залесье с успехом деятельности церкви и княжеской власти.

III

Древнейшие торгово-ремесленные города Ростово-Суздальской земли были лишь маленькими островками среди моря сельского населения. Пожалуй, нигде в древней Руси не был столь глубок разрыв между

¹ Третьяков П. Расселение древнерусских племён по археологическим данным. «Советская археология». Т. IV: Л. 1937; его же. К истории племён Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 5. М. и Л. 1941.

² Третьяков П. К истории племён... стр. 91 и сл.

³ Воронин Н. Восстания смердов XI века («Исторический журнал» № 2 за 1940 год).

⁴ Воронин Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье XI века. «Материалы и исследования по археологии СССР». Т. VI. М. и Л. 1941.

городом и деревней. Если Ростов издревле рос как торгово-ремесленный центр, то Суздаль, по последним археологическим наблюдениям А. Д. Варганова, сложился к началу XI в. путём слияния в одно целое нескольких сельских поселений. Княжеская крепость на Волге—Ярославль, прикрывавший устье Которосли, был основан Ярославом на месте покорённого им в 1024 г. селища Медвежий угол. Население селища промышляло скотоводством, охотой и рыбной ловлей. Образование поволжских городов Углича и Костромы относится к X—XI вв.; за Волгой, в лесах, обосновались города Галич-Мерский (мерянский) и Судиславль, связанный с именем сосланного Ярославом Мудрым брата — Судислава. На далёком северном краю земли стояли укрепления Белоозерска.

Около городов группировались укрепленные усадьбы местной знати; в памяти народа сохранилось указание на выстроенный под Ростовом «соп», т. е. вал, окружавший жилище былинного ростовского «храбра» — богатыря Александра Поповича. Ранние крестьянские волнения — восстания смердов, ознаменовавшие наступление феодальных отношений, — способствовали концентрации местной знати в городах, где, видимо, очень рано назревают противоречия между самовластным боярством и городскими ремесленниками. Ремесленники, избегая закабаления, покидают насиженные места и уходят на новые. Повидимому, именно таково происхождение Владимира на Клязьме, жителей которого ещё в XII в. ростовские бояре презрительно называли своими холопами и пахарями, да и сами владимирцы, став столчными жителями, не без гордости называли себя «мизинными», т. е. малепькими, социально незначительными людьми. С упрочением княжеской власти на севере Владимир Мономах превращает Владимир в первоклассную крепость: Клязьма и твердые Владимир прикрывают землю Мономаха и мономахова рода от покушений со стороны Рязани.

Сын Мономаха Юрий Долгорукий ещё более упрочивает сеть городов; он укрепляет на устье Волжской Нерли старый городок Коснятин, переносит на новое место, к устью Трубежа, город Клещин, назвав его Переяславом-Залесским. В центре чернозёмного ополья, на устье реки Кзы, вырастают валы Юрьева-Польского, на запад выдвигаются город Дмитров, княжеская укрепленная усадьба Москва и Звенигород. При внуке Мономаха Андрее Боголюбском усиливается и расширяется город Владимир, он становится самым богатым городом земли, её экономическим центром, церковной и политической столицей. Андрей замыкает устье Клязьменской Нерли укреплениями города-замка Боголюбова. В сторону Рязани на Клязьме ставится городок Осовец. Важнейшим фактом княжения Всеволода является усиление Твери — верхневолжского форпоста на границе с землями Великого Новгорода. В XII—XIII вв. мы находим упоминания о городах, стоящих вдоль нижнего течения Клязьмы: о городе владимирского Успенско-

ю собора Гороховце, Ярополче (нынешних Вязниках), Стародубе. Эту цепочку городов, уходящих к востоку, дополняет Городец на Волге и завершает Нижний Новгород, основанный в 1221 г. князем Георгием Всеволодовичем. Так складывается карта Владимиро-Суздальского княжества с его городами-крепостями—опорой самостоятельности земли и силы её князей, основой блестящей владимиросуздальской культуры.

Развитие культуры Владимиро-Суздальской земли неразрывно связано с политической жизнью княжества, с борьбой князей за усиление Владимирской земли, с их культурно-политическим строительством. Поэтому княжения Мономаха и его потомков образуют определённые этапы истории культуры Владимиро-Суздальской Руси.

IV

Владимир Мономах прочно связывает русский северовосток с киевской культурой. Начавшаяся ещё при Всеволоде Ярославиче деятельность церкви по распространению христианства достигает значительных успехов. В Ростове и Суздале Мономах воздвигает в начале XII в. большие каменные соборы по образцу собора Киево-Печерского монастыря. Их строительство — крупный вклад в культуру Суздальской земли. Горожане впервые знакомятся с каменным зодчеством, усваивают новые эстетические представления, местные гончары учатся изготовлению кирпича киевского типа. Раскопки в Суздале обнаружили рядом с полуземляночными хижинами городского люда фундамент роскошного, величественного Мономахова храма, украшенного фресковой росписью. Мощный вал смыкал своё кольцо вокруг центра города. За ним располагались пригородные посёлки полудеревенского типа. Дальше, на лугу, у речки Мжары, лежало кургальное кладбище Суздаля. Напротив собора, за рекой Каменкой, в конце XI в. обосновалась колония Киево-Печерского монастыря — Дмитриевский монастырь, древнейший очаг просвещения края.

Но наезды Мономаха на север — лишь краткие эпизоды. В Суздале остаётся его малолетний сын Юрий, за которого правит землёй тысяцкий — варяг Георгий Шимонович. Повидимому, он воспитывает в молодом князе любовь к Киеву, стремление к его великокняжескому столу, довольно равнодушное отношение к делам своей, Залесской земли, сила которой необходима лишь как средство в борьбе за обладание Киевом. Любопытно, что в самой топонимике Владимира очень ясно звучат воспоминания о Киеве. Таковы названия рек — Ирпень, Почайна, Лыбедь, — название мономахова города Печерним, как бы в подражание киевскому Печерску. Борисоглебская церковь в селе Юрия — Кидекше — напоминает о киевском Вышгороде и его культе Бориса и Глеба.

Источники очень скудно освещают время Юрия, ростовские летописные записи дошли до нас в ничтожных отрывках. Лишь в конце княжения Юрия мы видим некоторое оживление на севере: именно в это время тяжёлых походов на юг княжеские градостроители укрепляют ряд названных выше

городов. В них пришедшие из Галича шомземные мастера строят небольшие белокаменные храмы, суровые и простые по форме, как бы проникнутые духом воинской силы.

Юрий, повидимому, не рассчитывает надолго закрепиться в Киеве. Под Суздалем в 1152 г. отстраивается его усадьба с храмом Бориса и Глеба в селе Кидекше на реке Нерли, а во Владимире, рядом с двором Мономаха, ставят новый княжеский двор с церковью Георгия (до 1157 г.). Предания говорят о начатой Юрием борьбе с местной старобоярской знатью; с легендой о строптивом боярине Степане Кучке связано начало Москвы. Боярство тяготеет княжеской властью и нелёгкой княжеской службой, далёкими походами на юг. Поэтому в княжеских городах появляются новые элементы: дружинники, наёмованные князем из горожан и пришлых людей — болгар, венгров и других национальностей. Они образуют новое население городов, приносят с собой новые культурные навыки. От времени Юрия Долгорукого, сквозь пожары и разорения, дошли единичные книги, переписанные в Суздале, например Стихирарь с нотами.

Во Владимире процветают ремесло и торговля, идущая по Клязьме на Оку и дальше; среди горожан, ещё занимающихся сельским хозяйством, много гончаров, живущих в особом пригородном районе; мастера по выработке стекла изготавливают красивые стеклянные браслеты и цветные перстни; резчики по камню и дереву делают самые разнообразные предметы, украшенные простой, но изящной орнаментацией. Местные ювелиры, подражая киевским роскошным образцам, выделывают серебряные украшения и пытаются даже перенять тонкую технику эмали. Кузнецы делают разнообразные сельскохозяйственные орудия, косы-горбуши для косьбы на лесных полянах, ножи и топоры, огнива и рыболовные крючки, плотничий инструмент и оружие. Раскопки в городе Дмитрове открыли мастерскую по плавке железа, кузницу, гончарную мастерскую, ларь местного купца с гирями и весами, а также бревенчатые дома горожан. Весь этот многообразный мир материальной культуры Владимира, Суздаля и других городов свидетельствует о непрерывном росте городской культуры. Ко времени смерти Юрия и вокняжения его сына Андрея город Владимир становится крупнейшим городским центром северовостока.

V

Андрей Юрьевич Боголюбский (1157—1175) принадлежит к числу выдающихся деятелей отечественной истории. Его имя по праву может стать рядом с такими именами, как Иван IV и Пётр I. Он пришёл на север умудрённый большим политическим и военным опытом борьбы его отца за Киев. Он убедился, что «мать городов русских» — стольный город Ярослава и Мономаха стал яблоком раздора и причиной непрерывных усобиц, ослабляющих страну. Андрей убедился также, насколько губительно стремление к самовластию боярской феодальной знати и как необходимо сковать её подв-

пешнем княжеской воле. Андрей понимал и всё огромное организующее значение духовной власти — церкви, которая могла стать могучей силой для объединения Руси.

Поэтому Андрей покидает юг и, нарушая завещание отца, вкняжается на севере. Он отбирает стольные права от старых городов Ростова и Суздаля и переносит столицу во Владимир — город ремесленников и торговцев, которые поддерживают политику князя, направленную к усилению княжеской власти, к обузданию боярской знати, к приведению в покорность владимирскому центру других феодальных областей. В войсках Андрея большое значение приобретает пехота — «пешцы». Это городские народные ополчения, составляющие могучую массу владимирских вооружённых сил. Место старой знати в княжеской дружине заняла преданная служилая масса княжих «милостыников», получавших от князя даже оружие и коня, и «дворян», привязанных к нему земельным пожалованием. Однако эта прогрессивная политика, начатая Андреем, не нашла необходимых условий для дальнейшего развития: силы города были ещё несравненно слабее сил деревенской стихии; его централизующие экономические тенденции не могли равняться с мощью центробежных тенденций феодального мира. Поэтому путь «союза королевской власти и горожан» (Энгельс), по которому повёл Андрей Владимирское княжество, был путём напряжённой борьбы, но и она могла обеспечить в условиях XII в. лишь кратковременный успех.

Исторический опыт ставил перед Андреем лишь образец Киевской державы Ярослава, единство которой ненадолго возродил политический гений Мономаха. Поэтому, идя вперёд, Андрей был глубоко уверен, что повторяет путь киевских великих князей. Возвышая Владимир против Киева, он стремился подражать Киеву в своём строительстве. Он создаёт мощную оборону своей столицы, в три раза увеличивая протяжение городских валов. В западную, княжескую часть города вводит триумфальная арка боевой белокаменной башни Золотых ворот (1164); название их явно подражает названию киевских ворот. Восточный, посадский конец города украшают Серебряные ворота. На холме старого мономахова города воздвигается Успенский златоглавый собор (1158—1161). Блещущий белизной, позолотой и росписью своих отделанных резным камнем фасадов, он спорит по красоте и величю с Киевской Софией.

Борьба за права духовной власти над всей Русью составляет наиболее яркую сторону деятельности Андрея. Если он успешно растил воинскую силу земли и мог наносить мощные удары Новгороду и Болгарской державе, если он смог, подчинив своей воле рязанских и других князей, двинуть в 1169 г. на Киев армию 11 подвластных княжеств, то церковная борьба была более сложной и острой. Киевский митрополит был агентом Византии, зорко следившим за всякими попытками усиления Руси; рост державы Андрея не мог не вызывать тревоги. По-

этому попытка Андрея добиться церковной независимости встретили ожесточённое сопротивление. Его верный помощник в этой борьбе — епископ Феодор — был в конце концов обвинён в ереси и подвергнут мучительной казни; в летописи рукой митрополитского цензора была внесена чернящая и позорящая его память характеристика¹.

Только на фоне всей этой сложной и острой идейно-политической борьбы можно понять яркий и стремительный расцвет владимирской культуры и искусства третьей четверти XII века: Он был связан с тем, что литература, живопись и архитектура, искусство, ремесло и война были направлены к одной цели — к усилению мощи Владимирской земли, стремившейся стать общерусским центром.

Обширное строительство князя Андрея оставило нам выдающиеся памятники архитектурного искусства. Таковы уже упоминавшиеся Успенский собор, Золотые ворота, жемчужина русского зодчества — церковь Покрова на Нерли, около Боголюбова (1165)². Недавние раскопки открыли четвёртый и важнейший памятник — остатки дворца в Боголюбове. Летописец сопоставляет «Боголюбов-город» с киевским Вышгородом: это был подлинный замок в западноевропейском значении, «город», поставленный князем «себе». Дворец имел некоторое сходство с дворцом в Галиче, культура и искусство были близки Владимиру, равно как были близки и прогрессивные политические тенденции обоих княжеств³.

Летопись говорит, что на строительство Андрея «бог привёл мастеров из всех земель». Характер декоративных деталей андреевских храмов уже давно заставил учёных признать, что в строительстве Андрея принимали участие западноевропейские зодчие: этот факт был истолкован в исторической литературе как признак слабости русской культуры и как «романское влияние» на владимирское зодчество. В действительности вызов мастеров из соседних стран был обычным и в строительстве Запада — средневековое искусство было в значительной степени международным. Привлечение западных мастеров было глубоко прогрессивным шагом Андрея, этим он подчёркивал необязательность византийской эстетики и право русского народа на свой путь развития. Это был дерзкий вызов гегемонии Византии. Андрей как бы предвосхищал художественную политику Ивана III.

Владимирские мастера полностью оправдали смелое новаторство князя. К концу его строительства рядом с иноземцами стояли свои, владимирские зодчие, их гордые знаки высечены на камне Золотых ворот и боголюбовского кивория. Незадолго до своей ги-

¹ Соколов П. Русский архиерей из Византии. Киев. 1913.

² «Памятники русской архитектуры». Вып. III. Покров на Нерли. М. 1941.

³ Воронин Н. Замок Андрея Боголюбского. «Архитектура СССР» № 11 за 1939 г. О взаимоотношении архитектуры Владимира и Галича см. статьи в вып. III «Кратких сообщений ИИМК». Л. 1940.

бели Андрей собирался послать их в Киев, чтобы построить храм на Ярославовом дворе: город Владимир становился законодателем художественного вкуса. Русские резчики успешно овладевали искусством каменной резьбы; владимирские гончары делали майоликовые самоцветные полы храмов и дворца, а металлосты лили и изготовляли тонкие золочёные листы с прорезными орнаментами для украшения зданий. Русский национальный опыт деревянной архитектуры и каменного зодчества Киева оставлял иноземцам лишь роль технических исполнителей; вместе с русскими мастерами они создавали русские здания. Боголюбский дворец стоит в ряду лучших памятников дворцового строительства Европы XII в., выделяясь среди них своей красотой и глубоким своеобразием. Владимирское княжество Андрея стояло, бесспорно, на уровне европейской культуры¹.

Но этого было мало. Нужно было доказать Византии и церковным и феодальным верхам Руси исторические права Владимирской земли и её церковное значение. При Успенском соборе впервые (с 1158 г.) начинается систематическое владимирское летописание; оно носит подчеркнуто церковный характер, сосредоточивая внимание на жизни собора и чудесах его святыни—иконы богородицы. Возможно, что в это время и возникла легенда о том, что Владимир Святой крестил Залесье в одно время с Киевом и положил основание городу Владимиру². Но главное внимание обращается на создание своих, местных культов. При перестройке Ростовского собора открываются мощи епископа Леонтия и его преемника Исаии и делаются попытки их прославления³. Особое развитие получает культ богородицы и её чудотворной иконы, вывезенной Андреем из Вышгорода. Вся эта деятельность, связанная с церковью, влекла за собой и тонкие дипломатические мероприятия и оживление литературной деятельности; сам Андрей, например, советовался и состоял в переписке со знаменитым проповедником XII в.—Туровским епископом Кириллом—и был начитан в современной литературе. Повидимому, также при его близком участии создаётся «Сказание о чудесах Владимирской иконы богородицы». Описанные в сказании чудеса связаны с покровительством богородицы княжеским политическим и военным мероприятиям (постройка Боголюбского замка, укреплений Владимира, поход на болгар). «Сказание» характеризуется обилием реалистических бытовых и исторических подробностей и является

¹ Воронин Н. Некоторые исторические выводы из археологических исследований во Владимире и Боголюбове («Историк-марксист» № 2 за 1940 год).

² Указание на это даёт Никоновская летопись, сохранившая ряд ростово-суздальских известий, не нашедших отражения в других сводах.

³ Житие Леонтия, епископа Ростовского. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» за 1893 год. Т. IV.

одним из выдающихся литературных памятников Владимирской Руси⁴. Богородице были посвящены почти все построенные Андреем храмы. Без санкции митрополита во Владимире создаётся новый богородичный праздник—Покрова.

В обстановке этой напряжённой церковно-литературной деятельности становится понятной глубокая идейная насыщенность названных выше построек Андрея Боголюбского. Она находит выражение в утончённости и лёгкости пропорций, в праздничной возвышенности и радости внутреннего пространства храмов. Особенно выразителен в этом отношении стройный и как бы стремящийся ввысь храм Покрова на Нерли. Столь же изысканной была монументальная живопись храмов, исполненная греческими мастерами. Привезенная Андреем из Вышгорода икона богородицы была выдающимся произведением константинопольской живописи XI в., гениальным образцом, на котором воспитывали свой вкус русские живописцы.

Развитие литературы и искусства было связано с развитием просвещения, с увеличением книжных сокровищ; они особенно пополнились после похода на Киев 1169 г., из храмов которого было вывезено много книг. Для северовостока Владимир сам становился Киевом. Рязанский князь Глеб во время набега на город захватил библиотеку Успенского собора, но был вынужден её вернуть после своего поражения. Просвещение и грамотность проникают и в среду городского населения; только этим можно объяснить большое участие горожан в перипетиях церковно-политической борьбы и, в частности, возникновение в середине XII в. первой в русской истории ереси, связанной с именем епископа Ростовского Леонтия. С тем же широким участием и интересом горожан к идейной борьбе этого времени связана кристаллизация в самой церковной литературе времени Боголюбского ранних представлений о национальном единстве русского народа. Так, в «Службе Покрову» богородица выступает не только как покровительница столяного Владимира и его князя, но и как заступница всех людей молодого города и «российстей земли» в широком смысле. Этот замечательный памятник владимирской литературы, сохранившийся в пергаментной рукописи XIV в., как бы предвосхищает идеи «Слова о полку Игореве», в котором мысль о единстве русского народа достигает большой ясности и могучего пафоса. Владимирский летописный свод 1176—1177 гг., завершённый при Всеволоде III, также не был узкообластным историческим произведением: он был проникнут идеей единства общерусских интересов⁵.

⁴ «Сказание о чудесах...» с предисловием В. О. Ключевского издано в «Памятниках древней письменности». Вып. XXX. СПб. 1878.

⁵ О своде 1175—1177 гг. и о последующем развитии северовосточного летописания см. При с е л о в М. Лаврентьевская летопись. «Учёные записки» Ленинградского государственного университета № 32. Л. 1939.

Действительно, торговые и политические связи Владимирской земли росли, охватывая не только Русскую землю, но и зарубежные страны. «Волжские» ворота Владимира говорят об основном направлении восточных связей с болгарскими рынками. Князь заботился о поддержании судосходности речных путей, на реках Владимирского края применялись речные суда типа европейских галер — «галей». Во Владимире бывали болгары, евреи, константинопольские греки, иноземцы из стран романо-германского мира: при дворе Андрея служили половцы и черкесы. Византия и императоры Священной Римской империи вполне отдавали себе отчёт в том, какая сила выросла в глубоком тылу Европы, и учитывали её в балансе международной политики. Есть основания предполагать, что папское посольство, прибывшее на Русь в 1169 г., направлялось к Андрею Боголюбскому.

Гораздо меньше мы знаем о внутреннем быте высших классов общества и в особенности горожан и крестьянства. Несомненно, что быт княжеско-боярских кругов соответствовал той пышной и утончённой культуре, которая отражена, например, в постройках Боголюбовского дворца. При открытии мощей Андрея Боголюбского в 1702 г., а также из других княжеских гробниц были извлечены остатки роскошных одежд из драгоценных узорчатых тканей иноземного происхождения. Князья имели обычай на память о себе отдавать в храмы свои парадные одеяния. Об обилии этой княжеской одежды в храмах говорит летопись: в праздник Успения богоматери перед входом в Успенский собор и внутри его развешивались на двух «верхях чудных» цветные дорогие облачения, пелены и одежды из сокровищниц собора. Так же богата была церковная и бытовая утварь, изготовлявшаяся ювелирами, жившими в особом посёлке около Боголюбовского дворца.

Однако все эти богатства культуры и искусства были сосредоточены в княжеских и епископских резиденциях, не проникая сколько-нибудь глубоко даже в толщу городского населения; тем более неизменным оставалось положение деревни, которая сталкивалась только с отрицательными сторонами прогресса, выражавшимися в усиленном закабалении и эксплуатации крестьянина. То же можно сказать и о низах городского населения. Именно это придавало зрелшему в боярских кругах заговору против Андрея характер большого народного восстания.

VI

В 1175 г. Андрей был убит в Боголюбовском дворце. Это событие почти немедленно стало сюжетом яркого сказания, сложённого свидетелем события киевлянином Кузьмищем¹. Панегирик Андрею Боголюбскому сливается в сказании с драматическим рассказом об убийстве князя и последовавшем затем восстании в Боголюбове и Владимире, в котором народ обрушил свой гнев на го-

ловы княжеской администрации. Громить дома княжих личников — тиунов, посадников и «детских» — пришлось и деревенское население. Видимо, напряжение общественных сил и произвол княжеских людей вызвали трещину в союзе княжеской власти и горожан; едва ли случайно уже в XIII в. сложилась поговорка «Кому Боголюбово, а мне горе лютое». Одиозно восстание было быстро подавлено.

В период между князьями, которым не замедлили воспользоваться ростовское боярство и единодушное с ним Рязанское княжество, горожане снова ощутили, что произвол знати и чужих князей куда более тяжёл. Владимирский престол снова возвращён был дому Мономаха; его занял брат Андрея — Всеволод Большое Гнездо. Он снова находит общий язык с горожанами, и его политическое и культурное строительство ведётся с ещё большей уверенностью в своих силах. Всеволод укрепляет внутренний и внешнеполитический авторитет владимирских князей. Он подавляет сопротивление боярской знати внутри княжества. «Слово о полку Игореве» в гиперболических выражениях превозносит военное могущество Всеволода. Он продолжает начатую ещё при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском борьбу за выход к Волге, которая превращается теперь в своего рода «восточную политику». Кроме болгар объектом походов становятся земли мордвы; на юговостоке Рязанская земля попадает в положение вассального Всеволоду княжества. Владимирский летописец, оценивая его авторитет, писал: «...сего имени токмо трепетаху вся страны, и по всей земли изыде слух его, и вся помыслы его вда бог под руже его, и покоряше под нозе его вся врагы его».

Среди величественных документов, свидетельствующих о росте культуры Владимирского княжества при Всеволоде, на первом месте стоят памятники архитектуры. Всеволод унаследовал от Андрея школу своих русских зодчих, они теперь были придворными княжескими и епископскими людьми, которые планомерно и последовательно осуществляли грандиозные архитектурные замыслы князя и церкви. Их первой работой была обстройка владимирского Успенского собора, пострадавшего от пожара 1185 года. Владимирские зодчие блестяще разрешили эту сложную в техническом и конструктивном отношении задачу: сохранив внутри новых стен старое здание, они создали, по существу, новый обширный и прекрасный храм, великолепно выразивший идею торжества и царственного спокойствия, столь характерную для времени могучего Всеволода. В 1193—1197 гг. они отстроили рядом с Успенским собором каменный княжеский дворец, от которого сохранился лишь дворцовый Дмитриевский собор, богато украшенный резным камнем. Он также проникнут духом величия и пышности, ярко выражающим идеи и вкусы эпохи великого Всеволода. В сложной системе его скульптурного убранства русские резчики отразили многообразный мир церковных, сказочных, бытовых и литературных сюжетов и тем, обнаружив широ-

¹ Полный текст сказания сохранился в Ипатьевской летописи.

кое знакомство с искусством романского Запада, Балкан, Кавказа, претворённых силой творческого гения в новое, глубоко своеобразное целое. Здесь горожанин XII в. мог увидеть и легенду об Александре Македонском, поднимающемся на грифонах на небо, и портретное изображение строителя собора Всеволода с сыном, окружённого коленами преклонёнными подданными, реальных зверей и птиц и сказочных чудиц, ангелов и святых. Русские скульпторы сделали камень похожим на богатую ткань, окутавшую мощное тело храма¹.

Блестящий расцвет архитектуры является не только показателем быстрого и плодотворного художественного развития, но также результатом глубокого прогресса в области материальной культуры в целом. Несомненно, что городское ремесло в конце XIII в. шагнуло далеко вперёд. Об этом мы пока судим по отрывочным данным. Так, например, владимирские гончары изготавливали тонкие фигурные пластинки майоликовой мозаики, медники резали узорчатые полосы золочёной меди для оковки церковных крестов, простые каменосечцы вырастали в резчиков-художников; гениальный грек, расписывавший фресками Дмитриевский собор, уже имел талантливого русского помощника.

Материальная культура и искусство времени Всеволода развивались особенно интенсивно потому, что владимирские мастера не замыкались в границах своей земли, но работали в постоянном общении со своими собратьями из других русских княжеств, усваивая их художественный и технический опыт. Так например возрождается кирпичное строительство, забытое со времён Мономаха, а в строительную практику вводится эффективное сочетание кирпича и белого камня, характерное для зодчих Чернигова и Рязани.

Опыт владимирских мастеров и ремесленников обогащался также богатым притоком новых художественных и бытовых предметов в результате торговли. В связи с расширением политических притязаний на восток и юг восток усиливаются связи Владимира с культурным центром Кавказа, откуда приходит знакомство с новыми художественными и техническими навыками. Русские мастера с удивительной быстротой овладевали ими, используя их для создания новых и своеобразных произведений. При Всеволоде было создано и последнее звено владимирских укреплений — каменные стены детинца, опоясавшие Успенский собор и княжий двор, — а также был основан ряд монастырей: придворный Рождественский с его строгим собором, княгиня Успенский, предназначенный для постриженниц из княжеской семьи, Вознесенский, возведённый вне городских стен. Основывались новые монастыри и в других городах княжества — в Ростове, Суздале, Переяславле, Устюге Великом. По мере распространения монастырей усиливалась и книжная деятельность, росли грамотность и просвещение. Во время пожара 1185 г. из

¹ Бобринский А. Резной камень в России. М. 1916.

башни Успенского собора спешно спасали наряду с драгоценностями сокровища соборной библиотеки.

Любопытной чертой культуры времени Всеволода является расширение в ней светских элементов. Церковная политика была подчинена князю. Даже летописный труд 1178—1193 гг. и составление нового свода в 1193 г., осуществлявшиеся каким-то духовным лицом, уже были проникнуты интересом к светским делам княжеской власти и семьи Всеволода. Эта тенденция с большой яркостью выступает и в области искусства. В княжение Всеволода в архитектуре явно обнаруживаются два течения: одно — церковное, отрицательно относившееся к роскоши убранства храма, предпочитавшее суховатую простоту, монашескую строгость формы, и другое — светское, княжеское, с ярко выраженным влечением к пышному и торжественному убранству здания. Примерами первого течения являются епископский Успенский собор (1185—1189) с его мощными и простыми фасадами и собор Рождественского монастыря во Владимире (1192—1195), ещё более сдержанный и строгий. Светская струя в архитектуре нашла наиболее яркое воплощение в придворном Дмитриевском соборе, богато украшенном скульптурой. В этом же смысле показательна и живопись Дмитриевского собора. При выборе живописца для росписи храма остановились на гениальном византийском художнике, творчество которого в полной мере сохраняло эллинистические основы византийского искусства, интерес к выразительной индивидуальной характеристике человеческого образа и красоте земного мира².

Эти черты светского характера культуры последней четверти XII в. свидетельствуют о её дальнейшем прогрессивном развитии. Оно опирается на рост городского ремесла, на расширение торговых и политических связей, на рост политического веса горожан. Даже княжеский летописец глубоко проникается сознанием этих явлений: он рассказывает о восстании горожан 1177 г., когда победитель рязанских князей Всеволод медлил с расправой над своими пленными противниками, о народном волнении в связи с пожаром 1185 г., опустошившим Владимир.

Летописец отмечает также несомненный рост политического сознания городских слоёв, ясно оценивших свою силу: они вольны в выборе князя или в его удалении, это их делам помогает Владимирская богородица: правда за «мизинными» владимирскими людьми. На этом основании они отвергают старые нормы общественного порядка, права боярского Ростова и Суздаля на политическое господство. Напротив, они утверждают, что городская свобода была изначальным порядком в Новгороде, Киеве и Смоленске, где народ собирался на вече и решал свои судьбы. В воспитании этих представлений большую роль сыграло расширение сношений с Новгородом, Полоц-

² Грабарь И. Фрески Дмитриевского собора. «Русское искусство» № 2—3 за 1923 год.

ком, Смоленском и другими городами в княжение Всеволода. Знакомясь с их прошлым и современной культурой, владимирские горожане укреплялись в мысли, что им принадлежит большая роль в судьбах Руси: «Се бо Володимерци прославлени Богом по всей земли за их правду. Богови им помагающе». Однако это горделивое политическое сознание горожан значительно опережало возможности его претворения в жизнь: впереди предстоял ещё долгий путь борьбы с силами феодального мира.

VII

После смерти Всеволода (1212) центробежные силы, скованные ранее его могучей властью, берут верх. Их развёртыванию способствовал раздел земли между сыновьями Всеволода — Константином Ростовским и Юрием Владимирским. Ростовское боярство при поддержке других княжеств стремилось к безраздельному господству и разжигало усобицу между братьями. В битве на Липецком поле, около Юрьева-Польского, Юрий терпит поражение (1216), но смерть Константина снова возвращает его к власти. Однако единство земли уже непоправимо подорвано распадением на уделы; разделяется и церковная власть между владимирской и ростовской епископиями. Новгород ещё при Всеволоде сбрасывает суздальскую опеку, поднимают голову и рязанские князья. Но всё же Юрий обладает достаточной силой, чтобы продолжать борьбу на востоке с болгарами и мордвой и положить основание Нижнему Новгороду (1221), который как бы противопоставляется потере влияния в Новгороде Великом.

Дробление Владимирской земли ослабляло её военный и политический авторитет, однако отнюдь не снижало и не замедляло роста культуры великорусского северо-востока. Пожалуй, даже в это время происходило обратное — оживление новых местных центров: Ярославля, Ростова, Юрьева, Переяславля и др. К созданию культуры были привлечены новые районы и общественные слои.

Для XIII в. мы лучше и подробнее знаем о Ростове, где при дворе князя Константина и при епископском соборе идёт большая культурная работа. Князь Константин прославился как большой любитель книг и основатель первой на северо-востоке школы. Ростовский епископ Кирилл I был так богат книгами, как ни один из его предшественников. Сохранились некоторые книги из епископской ростовской библиотеки: это пергаментные рукописи большого формата, украшенные миниатюрами. В Ростове возобновилось и местное летописание, внимательно следившее за делами и событиями Ростовского края. Из этих летописей мы узнаём, что и князь и епископ были неутомимыми строителями храмов, которые создавались в Ростове и Ярославле княжескими зодчими. В отличие от владимирского летописания в ростовском летописании явно преобладает церковная стихия.

Архитектурные памятники времени Георгия Всеволодовича дошли до нас только в очень неполном, разрушенном виде. Но и по этим остаткам храмов XIII в. можно составить яркое представление о творчестве владимирских зодчих. Они продолжают совершенствовать декоративное богатство фасадов, одевая их от цоколя до главы сплошным резным убором¹. Таков Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1130—1134), построенный юрьевским князем Святославом. Его стены покрывает плоский ковровый орнамент, на фоне которого выступают выполненные в высоком рельефе изображения событий священной истории, фигуры святых и животных. Рядом с церковной тематикой резчики снова вводят в убранство храма образы мифических чудищ и персонажей русских сказок. По внешнему облику Георгиевский собор разительно отличается от тех строгих византийских образцов, по которым строились храмы времени Мономаха. Его Суздальский собор перестал удовлетворять новым вкусам, был разрушен по распоряжению князя Юрия и замещён новым, столь же нарядным, как и Георгиевский собор, храмом. Суздальский собор (1222—1225) знаменит не только своим резным убранством: он сохранил великолепные бронзовые двери, украшенные золотым письмом, исполненные русскими мастерами. Фрагменты фресковой живописи, открытые за последние годы, также свидетельствуют о любви к цветистой и жизнерадостной узорочности.

Всё это говорит о более глубоком проникновении в искусство народных вкусов, постепенно вытесняющих старые художественные идеалы и усиливающих глубокое национальное своеобразие владимирской архитектуры. Очень характерно, что Суздальский собор является первым городским собором в собственном смысле слова: он уже не связан с княжеским и епископским дворцами, и его обширные хоры доступны широким кругам именитых горожан. В Георгиевском соборе хоры исчезают вовсе, и храм превращается в светлый и просторный зал.

О плодотворном поступательном движении культуры при наследниках Всеволода с не меньшей яркостью свидетельствуют литературные памятники. Владимирский епископ Симон (1214—1226) своим «Посланием» к киево-печерскому монаху Поликарпу кладёт начало обширному сборнику поучительных новелл о жизни и подвигах печерских иноков и истории Печерского монастыря². Рассказ об участии варяга Шимона и греческих зодчих в сооружении Великой церкви Лавры даёт как бы историческое обоснование тому пути, по которому шли владимирские Мономаховичи, соединявшие в своём строительстве византийские и западноевропейские источники. Сказания о печерских подвижниках проникнуты глубоким религиозно-поэтическим чувством и интересом к чудесному; в то же время они очень реалистичны и правдивы.

¹ Бобринский А. Указ. соч.

² Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб. 1914.

Но литература во время Симона уже не является монополией духовенства. Владимирский летописный свод 1212 г., предпринятый по смерти Всеволода его сыном и наследником князем Юрием с целью прославления отца, составлялся уже светским литератором, возможно из придворных Юрия. Этот автор выступает как реформатор летописного языка, стремящийся сблизить его с живым языком XIII в., устранить архаизмы и освободить изложение от церковных сюжетов. Рукопись свода была украшена множеством цветных миниатюр, о которых мы можем судить по их копии — знаменитому Радзивилловскому списку конца XV века¹. Из той же светской среды исходит выдающееся произведение древнерусской литературы «Моление к князю Ярославу Всеволодовичу» («Моление Даниила Заточника»), написанное обедневшим мелким дружинником Даниилом. В своём послании к переяславль-залесскому князю автор образно рисует своё бедственное положение и просит князя взять его к себе на службу. Автор не склонен к воинской славе; он убеждён, что принесёт пользу только в качестве мудрого и начитанного княжеского советника. Действительно, в «Молении» рассыпаны многочисленные притчи и образы, заимствованные из книг священного писания, повестей и литературных сборников. С не меньшим мастерством Даниил использует народные пословицы и поговорки, а также примеры из русской летописной истории. Восхваляя князя, Даниил проникнут ненавистью к спесивому и жадному родовитому боярству и монашеству, как бы предвосхищая идеи дворянских публицистов XVI столетия.

VIII

Монгольский удар 1238 г. застал Владимирскую землю уже дробящейся: она не могла выдержать натиска татар, но именно это привело к упрочению мысли о губительности феодального распыления сил. Вскоре после монгольского завоевания в 1262 г. горожане северо-востока поднимают восстание против поработителей: оно прокатилось мощной волной по городам Ростову, Ярославлю, Суздалью и Владимиру.

В литературе великорусского северо-востока не умирает глубокая вера в победу над монголами. Из того же Переяславля-Залесского, откуда родом автор «Моления» — Даниил, — исходит и «Слово о погибели русской земли, о смерти великого князя Александра сына Ярослава»². В «Слове» сли-

вается панегирик Русской земле с горем о смерти народного героя Невской и Ледовой битвы Александра Ярославича. Автор «Слова» с любовью изображает родину «светло-светлую и прекрасно украшенную землю Русскую», смелыми контурами очерчивает он её необозримые границы; её славу он соединяет с именем Мономаха и его владимирских наследников. Александр — наследник славы своих дедов и прадедов — был непобедим. Ливонский магистр Андрей фон Вельвен дивился мужеству владимирского князя. После побед Александра над шведами и немцами владыка монголов Батый пожелал увидеть славного русского полководца, «и был грозен приезд» Александра. Батый был восхищён Александром и с честью отпустил его. Над гробом Александра митрополит сказал: «Чада моя! Разумейте, яко уже зайде солнце земли Суздальские». В яркой светской биографии, сочетавшей величавую эпичность с трогательной лирикой, запечатлел владимирский писатель любимый народом образ победоносного вождя. Александр представлен как носитель общерусской традиции владимирских князей. Память о блеске культуры, о славе их золотого века была как бы залогом грядущего освобождения от монголов.

Город Владимир, испепелённый и поруганный, продолжает сохранять своё властное очарование и притягательную силу. Русская церковь избирает его своим центром. Митрополит Кирилл III созывает здесь в 1274 г. собор русских епископов, в 1305 г. здесь при митрополичьем дворе создаётся общерусский летописный свод. Церковь простирает свою власть через феодальные рубежи и, объединяя судьбы всех русских земель в целостном изложении летописи, как бы закладывает теоретическое обоснование собирательной деятельности московских князей. В свою очередь московские князья также отчётливо сознают себя наследниками владимирских князей XII—XIII вв.; до 1432 г. они принимают великокняжеский титул под ветхими сводами владимирского Успенского собора.

Царственная Москва Ивана III, облекаясь славой центра объединённой Руси, вновь подчёркивает свою кровную связь с культурой XII в., впервые выдвинувшей задачу собирания Русской земли. Псковские и итальянские водичи, готовясь строить Успенский собор Москвы, едут во Владимир изучать его архитектурные памятники: владимирский Успенский собор остаётся для XV в. непревзойдённым идеалом архитектурного совершенства. Всемирноисторическая миссия Москвы, выраженная в теории Москвы — третьего Рима, — снова связывается «сказанием о князьях владимирских» с Мономаховичами XII века.

Так владими́ро-суздальская древность входит живым и действенным элементом в политическое и культурное строительство русского национального государства.

¹ Радзивилловская или Кёнигсбергская летопись. Фототипическое воспроизведение рукописи и статьи о ней А. А. Шахматова и Н. П. Кондакова. Вып. I и II. СПб. 1902.

² «Слово о погибели русской земли...» с предисловием Х. Лопарева. СПб. 1892; Мансика В. Жизнь Александра Невского. СПб. 1913.

ПРУССИЯ ДО ЕЕ ЗАВОЕВАНИЯ НЕМЦАМИ

В. Перцев,

действ. чл. Белорусской академии наук

История Пруссии не похожа на историю других германских государств. Пруссия образовалась целиком на завоёванной земле, до того заселённой негерманскими народами. «Пруссия есть германское государство, основанное за пределами Германии»¹. Захват чужих земель является, таким образом, исходным пунктом, наложившим свою печать на всю последующую прусскую историю. Это отметил ранний историк Пруссии Иоганн Фойгт². Уже одним этим было положено начало той системе управления, которая позднее получила название «пруссачества». В основе этой системы лежит разбойничья, захватническая политика вовне и грубо насильническая, эксплуататорская система угнетения внутри, направленная к поддержанию крупного землевладения (чужеземного, завоевательского) юнкеров-помещиков.

Со времён хищных тевтонских рыцарей война и завоевательные стремления стали главным нервом прусской истории, в значительной степени определившим и предопределившим дальнейшие пути её развития.

Совсем иной была Пруссия (или край, получивший позднее это название) до захвата её тевтонскими рыцарями. История Пруссии до XIII в., т. е. до того времени, как она стала объектом немецкого грабежа, мало известна — отчасти из-за малого количества дошедших до нас источников, отчасти потому, что немецкие историки ею сравнительно мало интересовались. Поскольку же они интересовались этой старой, ещё не немецкой Пруссией, они постарались изобразить её историю в искажённом виде. В этом повинны не только современные фашистские историки, пытающиеся оправдать разбойничью и вероломную политику Тевтонского ордена, но и представители прежней, дофашистской буржуазной науки. Одни из них ставили себе целью доказать, что всё положительное (с их точки зрения) в Пруссии идёт от немцев; до них же это была жалкая, дикая страна, не имевшая ни своей культуры, ни зачатков государственности, ни накопленных ранее материальных богатств.

Взгляд, что вся «цивилизация» Пруссии берёт своё начало со времени завоевания её тевтонскими рыцарями, наиболее ярко выразил немецкий историк конца XIX в. Кох: «Пруссы находились тогда (до завоевания Пруссии немцами.— В. П.) на самой низкой ступени духовного развития. Они охотились в лесах на лосей и зубров и боролись с медведем за его шкуру. Озёра и болота, леса и пустыни, реки, которые ещё не имели установившегося русла,— прежде всего коварная Висла — защищали их от чужеземных завоевателей. В священных рощах они праздновали свои религиозные праздники и приносили у стволов первобытных дубов человеческие жертвы своим богам»³.

Другие немецкие историки, стремясь оправдать исторические права немцев на Прибалтику, пытались доказать исконность существования германской (главным образом готской) народности на южных и восточных берегах Балтийского моря. С этой точки зрения захват немцами прибалтийских земель в XIII в. трактовался как осуществление традиционных прав германского народа на земли, занимавшиеся ими раньше, и, таким образом, оправдывался правами давности. Такой взгляд высказывал более столетия назад (1827 г.) ранний историк Пруссии Иоганн Фойгт в своей книге «История Пруссии». Он доказывал, что Пруссия исконно была заселена германцами — готами — и что «готская традиция» продолжалась в ней вплоть до орденских времён. В применении к западным славянам, земли которых лежали у южных берегов Балтийского моря (на запад от Вислы), эту же точку зрения развивал в 1841 г. Фабрициус в книге «Раннее славянство в принадлежащих к Германии землях Балтийского моря»⁴.

Эта точка зрения легла позднее в основу взглядов германистов XIX в., создавших теорию «первоначальности германских поселений в Европе» (т. е. *Urgermanentheorie*). Она часто повторялась в различных формах и с различными доказательствами в течение второй половины XIX в. и в начале XX в.

¹ Лависс «Очерки по истории Пруссии», стр. 1. М. 1915.

² Voigt J. «Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des deutschen Ordens». Königsberg. 1827.

³ Koch «Ueber den deutschen Orden und seine Berufung nach Preussen». Heidelberg. 1887.

⁴ Fabricius «Das frühere Slaventum der zum Deutschland gehörigen Ostseeländer». Mecklenburg. Jahrb. VI. 1841.

германцами разных оттенков. Некоторые из них соглашались признать, что в ранний период истории (до V в.) германские племена ушли из Прибалтики, но не целиком. Много германцев удержалось якобы здесь; они даже составляли большинство местного населения, хотя иногда и подчинялись пришельцам. Поэтому, хотя господство здесь и перешло к славянам, литовцам, пруссам и др., сохранившееся германское будто бы «коренное» население облегчило в XII и XIII вв. немцам-пришельцам внедрение в Прибалтику. Такую же точку зрения по отношению к славянской Прибалтике отстаивал в 70-х годах прошлого столетия Вендт в книге «Национальность населения немецких восточных марок до начала германизации»¹.

Другая разновидность историков этого же германистического направления защищала племенную родственность древних пруссов современным им германцам. Третьи говорили только о раннем влиянии германской национальности и германского языка на пруссов, славян и литовцев. Оттенки здесь были разные, но цель этой германистической (в отношении к Прибалтике) школы была вполне определённая — исторически обосновать и морально оправдать разбойничьи захваты, произведённые немцами в прибалтийских землях в XII—XIII веках. С наибольшей яркостью эта линия проводилась в предфашистский период немецким историком и археологом Коссина (глава школы, разрабатывавшей квазинаучную «археологию расселения») в его работах «Привислянская страна — старая родина германцев» и «Происхождение и распространение германцев», написанных в 10-х и 20-х годах текущего столетия. С приходом же к власти фашистов тема о первоначальности и неискоренимости германских поселений в Прибалтике стала излюбленной темой фашистских историографов, развиваемой при этом не столько путём приведения научных аргументов, сколько с помощью квазипатриотического пыла и шовинистического задора.

Посмотрим, как обстояло дело в действительности. Обратимся к фактам древней прусской истории, поскольку они могут быть подкреплены источниками.

Имеющиеся сведения о древнейшей Пруссии очень недостаточны и случайны. Отчасти они идут от античных писателей Диодора, Тацита, Страбона, Плиния и Птолемея, которым была лучше известна Южная и Западная Германия, более близкая к границам Римской империи, чем далёкие северная и восточная части. Другие сведения идут от средневековых немецких, скандинавских и польских хронистов. Хронисты — большей частью люди духовного звания, писавшие о Пруссии в период начавшейся её христианизации и захватнических набегов на неё, — естественно, старались представить в наиболее грубом виде некультурность местного населения и тем самым оправдать якобы

цивилизаторскую деятельность христианских миссионеров и завоевателей.

Только самые ранние хронисты бесхитростно передавали факты, как они их понимали и как о них слышали. В этих рассказах было много фантастического, сообщаемые сведения были случайны и очень часто малоценны, самые рассказы в литературном отношении не обработаны. Зато у ранних хронистов отсутствовал элемент преднамеренного искажения истины. Они не извращали сознательно фактов в угоду своему христианскому мировоззрению, и поэтому у них мы находим много ценного фактического материала. К таким ранним авторам надо отнести Иордана² — готского писателя VI в., аббата Канапарисуса, написавшего в конце X в. «Житие св. Адалберта»³ (раннего и неудачливого прусского миссионера), хронистов XI в.: Титмара — епископа Мерзебургского⁴, Адама — епископа Бременского⁵ и др.

Более поздние хронисты (XII—XVI вв.) писали иначе. В их работах много риторики, много благочестивого вымысла, много сочинённых речей, хотя в литературном отношении эти работы стоят гораздо выше ранних хроник. У хронистов XII—XVI вв. всюду неизменно фигурирует простодушный епископ, энтузиаст христианской идеи, а его антагонистами выступают коварные и жестокие языческие князья, постоянно нарушающие свои обещания, и грубые, кровожадные туземцы. К тенденциозным, явно извращённым сообщениям этих поздних хронистов надо подходить с особой осторожностью. Сюда относятся ранние польские хроники⁶. Оливская хроника, написанная около половины XIV в., хроника Петра Дюсбурга, написанная также в первой половине XIV в.⁷, стихо-

² Jordan «De rebus geticis».

³ «Passio Adalberti martyris» написана, вероятнее всего, аббатом Авертинского монастыря Канапарисусом в 999—1000 году.

⁴ Титмар, епископ Мерзебургский (умер в 1018 г.). Его «Chronicon», напечатанная у Pertz'a. Bd. III, принадлежит к самым важным источникам того времени, хотя Пруссии он касается только попутно.

⁵ Адам, епископ Бременский (1045—1072). Его основная работа — «Gesta Hamtaborgensis ecclesiae pontificum». 4-я книга этой работы является главным источником для изучения Северной Германии.

⁶ Польские хроники, составленные в XII—XIII столетиях, принадлежат разным авторам, причём не все они установлены в точности. Прежде наиболее ранняя их часть приписывалась Мартину Галлу; теперь же выясняется, что она принадлежала перу какого-то итальянца, жившего при дворе Болеслава III и умершего вскоре после 1113 года. Другие части написаны Кадлубеком — епископом Краковским (1208—1218), Богуфалем — епископом Познанским и др. Отрывки из них собраны Th. Hirsch'em в изд. «Scriptores rerum prussicarum». I, 649—808.

⁷ Dusburg P. «Chronicon terrae Prussiae» (написана около 1326 г.).

¹ Wendt «Die Nationalität der Bevölkerung der deutschen Ostmarken vor dem Beginne der Germanisierung», 1878.

творная переделка последней, сделанная Николаем фон Иерохином¹, некоторые отрывки из Гельмольда², скандинавских хроник, а также поздние немецкие хроники XVI в. (Луки Давида, Симона Грюнау, Эразма Стелла и др.), где особенно много легендарных вымыслов о древнейших событиях, будто бы происходивших на территории Пруссии.

I

Античные авторы, описывая природу Пруссии, упоминают о множестве болот, озёр, рек и ручьёв, о непроходимых лесных дебрях, изобилующих медведями, зубрами, волками и другими дикими зверями. Тацит со свойственной ему лаконичностью говорит, что Северовосточная Германия была «страшна своими лесами и отвратительна болотами»³. Но были в этом бедном и диком краю уголки, округа, а иногда даже и целые области на северовостоке (Самланд), на северозападе (Погезания) и югозападе (Кульмская область), которые благодаря возвышенному характеру рельефа и защите от моря были пригодны для культурной жизни.

По указаниям древних, а иногда и более поздних авторов, некоторые прогрессивные прианаки выгодно выделяли Пруссию (и Прибалтику вообще) из ряда других местностей. В Пруссии было развито плужное земледелие. По свидетельству Тацита, эстии (aestii) — племя, которое он помещает в восточной части позднейшей Пруссии, — выращивали «зерно и другие произведения... с большим усердием, чем это принято у германцев по свойственной им лениности»⁴. И Страбон говорит о признаках культурной обработки злаков у племён Северовосточной Германии: «Хлеб они молотят в больших зданиях, в которые приносят колосья, потому что токи на открытых местах вследствие недостатка солнца и вследствие дождей быстро портятся»⁵.

Лингвистические данные также подкрепляют наличие в древнейшей Пруссии земледелия. Название для рабочей лошади («Sweykis»), сохранившееся в словаре древнепруссских слов (так называемый *Elbinger Vocabular*), составленном в XV в., восходит к готским временам; к готским же временам восходит и название сохи (старопруссское «Zoche» родственно готскому «hoŋa», как и литовскому «szaka» и славянскому «соха»), пшеницы (старопруссское «gaydis» родственно готскому «hwaiteis» и литовскому «Kwetyš») и некоторых других злаков.

¹ Jerochin Nic. von. «Chronike von Pruzzinlant».

² Helmhold «Chronica Slavorum».

³ «Silvis horrida paludibusque foeda» (Tacit «Germanicus», 5).

⁴ «Frumenta ceterosque fructus patientius quom pro solita Germanorum inertia laborant» (Tacit «Germania», 44).

⁵ Strabon «Geographia». 2. XIV, 5.

⁶ Hein «Altpreussische Wirtschafts-geschichte. Zeitschrift für Ethnologie», Nr. 22. 1890.

Археологические находки показывают, что в древнейшей Пруссии ещё задолго до нашей эры существовали свайные постройки и сопутствующая им обычно мотыжная форма земледелия, связанная уже с переходом к оседлости. Пруссия вообще является одной из стран наибольшего распространения свайных построек. В свайных постройках приходилось спасаться и от неудобств болотистой почвы и от диких зверей. К тому времени, когда о Пруссии стали писать древние авторы, мотыжная форма земледелия была уже позади и население возвышенных местностей уже перешло к плужному земледелию. Всё же значительная часть населения Прибалтики ещё долгое время жила охотой и рыболовством (как об этом говорят поздние польские и немецкие хронисты), имея, однако, опорные пункты для оседлости в возвышенных местностях и в целых областях, как Самланд (Северовосточная Пруссия), Погезания (Северозападная) и др. Поэтому-то сочетание довольно высоких форм земледельческой культуры с примитивными занятиями охотой и рыболовством составляет одну из особенностей древнейшей Пруссии, а равно и Прибалтики вообще.

Древние авторы отмечают и ещё один факт, очень характерный для древней Пруссии, — раннее развитие её торговых сношений с античным средиземноморским миром, в частности торговлю янтарём, который Балтийское море выбрасывало на берег. Некоторые немецкие авторы⁷ пытались доказать, основываясь главным образом на Диодоре⁸, что янтаря вообще нигде не водилось на свете, кроме Пруссии. Теперь, после работ Мюлленгофа⁹, это мнение надо считать неверным. Но, несомненно, Пруссия в числе других стран вела торговлю янтарём. Какое большое значение придавалось в те времена этой торговле, показывает рассказ Плиния о том, как в 54-м или 55-м году н. э. император Нерон послал какого-то римского всадника, родом германца, к северным берегам Германии за янтарём¹⁰. Всадник побывал, судя по ряду данных, именно в Пруссии и привёз оттуда столько янтаря, что им стали украшать даже оружие гладиаторов. Кроме янтаря из прибалтийских стран в Рим привозили меха, мёд, воск, домашний скот, диких зверей для гладиаторских игр, а также и рабов. «Рабы, — говорит Энгельс, — были единственным товаром, который германцы могли вывозить в достаточном количестве, чтобы сводить свой торговый баланс к Римом»¹¹.

Что же давали Пруссии римляне в обмен? Помимо оружия, которое римляне неохотно вывозили, по понятным причинам, в северные страны, это были, как указывает Эн-

⁷ Voigt (Op. cit. I) и др.

⁸ Diodor Sic. lib. V, 23.

⁹ Müllenhoff «Deutsche Altertums-kunde». I. 1870.

¹⁰ Pliinius «Historia Naturalis». XXXVI, 3.

¹¹ Ф. Энгельс «К истории древних германцев», стр. 40. Партиздат. 1938.

гельс, домашняя утварь, украшения, принадлежности туалета и т. п. «В числе домашней утвари обнаруживаются бронзовые миски, меры, весов, кубки, сосуды, кухонная посуда, сита, ложки, ножницы, ковши и т. д., отдельные сосуды из золота и серебра, глиняные лампы, которые были очень распространены; украшения из бронзы, серебра и золота; ожерелья, диадемы и кольца... гребни, шпички, ложечки для чистки ушей и т. п.»¹. Торговля Рима с Прибалтикой особенно расширилась между 50 и 200 гг. нашей эры.

Наличие развитых форм земледельческой культуры (по крайней мере, в некоторых областях Пруссии), во-первых, и оживлённый обмен Пруссии с античным миром, во-вторых, — вот два основных факта, которые характеризуют прусскую экономику в первые столетия нашей эры. Таким образом, население этой страны на заре своей истории не отставало, а, наоборот, шло впереди германских племён. «Характерно при этом, — говорит Энгельс, — что западные племена решительно отстают от племён Внутренней Германии, особенно Прибалтийского побережья»².

Порядки, господствовавшие в Пруссии до конца II в. н. э. и описанные античными авторами, не могли быть иными, как родо-племенными, патриархальными. Но они, несомненно, уже разлагались, и разложение их ускорялось наличием развитых форм земледелия и торговли.

Вместе с тем росло значение и личной предприимчивости. Тацит указывает, что в то время в Прибалтике среди готов «царская» власть была сильнее, чем среди других германских племён. Подчёркивая особенности политического строя готов, т. е. прибалтийских племён, живших на восток от Вислы, Тацит говорит: «Они управляются своими царями несколько более строго, чем другие народы Германии, но не с потерей свободы... Особенностью всех этих народов являются круглые щиты, короткие мечи и послушание царям (*reges obsequium*)»³.

Большая власть «царей» (в действительности, конечно, племенных князей) у готов не была, разумеется, проявлением складывавшейся у них государственности, как это толкуют немецкие историки. Она не могла быть не чем иным, как последствием складывавшейся здесь дружинной аристократии. Дружина держалась за князя, а князь — за дружину.

Так, возвышение военной аристократии и усиление княжеской власти были наряду с другими признаками одним из проявлений раннего разложения патриархальных порядков среди населения Юговосточной Прибалтики, в том числе и позднейшей Пруссии.

Какое же население жило в древнейшие времена на той территории, на которой

позднее образовалась Пруссия? По свидетельству древних авторов, готские племена только частично заселяли Пруссию. Плиний⁴ называет их гутонами; Тацит — более западных, живших ближе к Висле, — также называет гутонами, а более восточных, находившихся вдоль Кургафа, — эстиями⁵; Птолемей называет их гитонами⁶. Однако древние только в самых общих чертах определяют местожительство этих готских племён. Из их сообщений можно сделать только тот вывод, что готские племена заселяли нижнее течение Вислы вплоть до её устья; насколько же далеко распространялись их поселения на восток от Вислы, мы определить не можем. Во всяком случае, они едва ли доходили до Прегеля.

Таким образом, по указаниям древних, готы жили только в наиболее западной части позднейшей Пруссии, примыкавшей к Висле. К более восточной части Пруссии, согласно Тациту, относится племя эстиев — предшественников позднейших пруссов. Пруссы же входили в состав балтийской группы народов, к которой, кроме них, относились и литовско-латышские племена, имевшие многие черты сходства со славянами. Таким образом, относить пруссов прямо к немецким племенам с самого начала, как это делают германские авторы, у нас нет никаких оснований. Мы можем говорить только о некоторой примеси готских элементов к древнейшему населению Пруссии. К тому же монолитно германский этнический состав самих готов вызывает сомнения. Марр не считает готов чистыми германцами. В готском языке и в готской народности были примеси и славянских, и литовских, и финских элементов. Тем более это относится к языку тогдашней Пруссии, которая находилась в близком соседстве со славянами, литовцами, финнами и другими негерманскими народностями. В дальнейшем между готами и соседними племенами происходили такие частые соприкосновения и переплетения, что всякое предположение о германской монолитности языка и населения и в самой древней Пруссии и в соседних с ней областях должно отпасть.

В настоящее время прусский язык мёртвый. Он принадлежит к числу наиболее архаических языков, и если бы он лучше сохранился, то по нему можно было бы, равно как и по языку литовскому, изучать доиндоевропейскую языковую древность⁷. Когда и как образовался прусский язык, как в дальнейшем он развивался, мы не знаем, но в том позднейшем виде, в каком он дошёл до нас, — в памятниках XV—XVI вв. — он представляет такое большое сходство с литовским языком и отчасти со славянским и латышским, что большинство историков относит пруссов к литовским племе-

⁴ Plinius. Op. cit., IV, 14.

⁵ Tacit «Germania», 45.

⁶ Ptolem. «Geogr». III, 5.

⁷ См. Майе «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», стр. 101—102. 1938.

¹ Ф. Энгельс «К истории древних германцев», стр. 38—39.

² Там же, стр. 48.

³ Tacit «Germania», 43.

нам¹. И чем дальше, тем больше прусский язык сближался с другими соседними негерманскими языками, главным образом с литовским, отчасти славянским и латышским.

Ослабление готских элементов было связано с отходом готов на юг, начавшимся уже в конце II в. и усилившимся в период так называемого великого переселения народов. Уже Птолемей в конце II в. указал на продвижение в область гитонов славянского народа — венедов², в близком соседстве с которыми жили племена галиндов и зудитов (или зудавнов, иначе суденов). То были племена, повидимому, литовские, а ещё дальше на восток находились ставане (повидимому, славяне). Это не значит, конечно, что в этот и ближайший периоды произошло какое-то общее и широкое переселение славян и литовцев в Пруссию. Речь может идти только о постепенном усилении литовского, славянского и латышского элементов, которые в зародыше здесь были и ранее, но в меньшей степени и в менее определённых формах.

Можно думать, что уже в первые века н. э. стал формироваться и язык населения Пруссии как язык, близкий к литовскому и латышскому, со значительной примесью славянских и с остатками готских элементов.

Характерно, что у древних авторов ни одна из крупных рек Северовосточной Германии не называется по-немецки. Висла у них называется *Visula*, *Vistula*, *Viscla* — ближе к славянскому термину «Висла», чем к германскому *Weichsel*; Эльба — *Albis*, причём этот термин произошёл путём перестановки звуков, — очевидно, от славянского названия «Лаба», а не от германского «Эльба». Отметим, что слова «Висла», «Лаба», «Одра» имеют определённый смысл в славянском и литовском, но не в германском языке: слово «*wisla*» в польских народных песнях передаёт понятие текучей воды, «*la-bas*» по-литовски означает «добрый», «*od-ga*» — древнесловенское слово для определения наводнённой местности. Видимо, ко времени возникновения этих древних географических названий они формировались, по крайней мере отчасти, под литовскими, славян-

¹ От прусского языка сохранились письменные памятники, составлявшиеся тогда, когда язык уже умирал. Именно в XV в. был составлен словарь прусского языка, содержащий около 800 слов (так называемый *Elbinger Vocabular*), а в XVI в. были сделаны два сокращённых и один полный перевод лютеранских катехизисов на прусский язык. В том виде, в каком прусский язык дошёл до нас, т. е. в памятниках XV—XVI вв., он подвергся сильной германизации (особенно во вновь созданных терминах богослужебного характера: «святая дева», «алтарь», «евангелие» и т. п.).

² Ptolem. «Geogr.», III, 3: «Венеды живут вдоль всего Венедского залива» (т. е. Балтийского моря — от Вислы до Мемеля).

скими и другими влияниями, тогда ещё не определёнными, но уже имевшимися на территории Пруссии.

II

Наши сведения об истории Пруссии от конца II до VI—VII и даже до VIII в. особенно неясны. В то время значительно ослабевают торговые связи Пруссии с античным средиземноморским миром. Из-за начавшихся передвижений воинственных дружин, принадлежавших отчасти к германским, а отчасти и к негерманским народностям, торговые пути с севера на юг становятся опасными, и купцы Рима реже посещают Прибалтику, чем раньше. В самом Риме в связи с начавшимся упадком его покупательных способностей спрос на янтарь, рабов и дорогие меха севера сокращается. Количество римских монет, которые находят при археологических раскопках на территории Пруссии, с 200 г. резко падает. Можно думать, что и разложение родовых отношений в юговосточной части Прибалтийского побережья под влиянием этого приостановилось.

Поэтому об истории Пруссии между III и VI—VII вв. мы особенно мало знаем. Даже Фойгт, собиравший мельчайшие крупицы из источников, чтобы на их почве построить какие-либо выводы, принуждён признать, что «от Птолемея до Карла Великого на всей древности этой страны... лежит тёмная ночь. Только кое-где друженственно светят через темноту — и то только тусклым светом — отдельные звёзды»³. На основе этой неясности немецкие историки, принадлежавшие к германистической школе, создали теорию непрерывности готской традиции на территории Пруссии. Готские (т. е. германские, по мнению германистов) элементы будто бы удерживались на территории Пруссии непрерывно вплоть до завоевания её немцами в XIII веке. У Плиния есть неясное упоминание о том, что часть готов переселилась в Скандию, т. е. в южную часть Скандинавии⁴. Иордан же рассказывает, что готы в Скандии так размножились, что не были в состоянии и не хотели уже там жить далее⁵. Поэтому они вернулись обратно в Прибалтику, а оттуда проникли дальше на юг, вплоть «до земель Скифии».

Здесь, повидимому, речь может идти только о набегах «скандиев» (т. е. скандинавских норманнов) на южные берега Прибалтики, набегах, которые длительного характера иметь не могли. Тем не менее предфашистские, а в более близкое к нам время и фашистские историки делают из этих нападений очень широкие выводы.

На основе будто бы обратного вселения готов в Прибалтику из Скандинавии уже

³ Voigt. Op. cit. I, 79.

⁴ Plinius. Op. cit. II, 2.

⁵ «In tantam multitudinem populassent, utiam simil habitare non volerunt» (Jordan «De rebus geticis», I).

Фойгт, один из самых ранних представителей германистической школы, делает выводы, которыми воспользовались и более поздние германисты. Эти выводы в основном сводятся к тому, что, во-первых, готы никогда целиком «не оставляли своей старой, первоначальной почвы, на которой долгое время жили их предки», а во-вторых, что другие, негерманские племена Юговосточной Прибалтики, и прежде всего веныды, «вследствие совместной жизни с оставшимися готами многое заимствовали и усвоили из готских нравов и образа жизни, языка и религии, что объясняет общность их нравов и обычаев с германскими»¹. Иначе говоря, Фойгт стремится доказать, что и более ранние (т. е. готы) и более поздние насельники Пруссии (веныды и другие племена) были если не чисто германскими, то, во всяком случае, родственными германцам или подпавшими под их влияние племенами. В подтверждение этому мнению приводится рассказ Иордана о каких-то видивариях, которые жили «у берегов океана, где воды Вислы поглощаются тремя устьями», и «состояли из различных народов»². Фойгт считает, что эти видиварии являлись бесспорно готами—германцами, хотя у Иордана они не называются ни готами, ни германцами и характеризуются как сброд из разных племён. В действительности, как говорит и Иордан, то были сборные дружины вооружённых людей из разных народностей (*ex diversis nationibus*) — и венодов, и готов, и других племён, охваченных жаждой военных захватов. Военные предводители принимали к себе на службу всех смелых и предприимчивых людей, не разбираясь в их племенном происхождении. И, повидимому, одна из таких дружин под названием «видивариев» и поселилась на некоторое время на берегах Прибалтики, занимаясь разбойными нападениями на местных жителей, а может быть, как это было в обычаях у германских народов, одновременно и подчиняя их себе и охраняя от набегов других воинственных племён, ибо жители Пруссии — эстии, — по характеристике Иордана, сами отстоять себя не могли, будучи «народом во всех отношениях мирным»³.

Передвижения отдельных групп населения в беспокойное и неустойчивое время первых столетий нашей эры, конечно, происходили, но едва ли они имели в то время общеплеменной характер, т. е. едва ли передвигались целые племена. У нас есть все основания думать, что в переселение была втянута не вся масса племенного населения, а только наиболее подвижные, притом наиболее зажиточные и влиятельные элементы — дружинная аристократия, группировавшаяся вокруг своих военных предводителей. Только у этих социальных элементов хватало материальных средств для того, чтобы сняться с места и броситься на новые места в расчёте на военную добычу

и грабёж мирного населения. Все миграции того времени затрагивали, повидимому, только социальную верхушку, хотя в отдельных случаях численность вторгавшихся в чужие территории дружин могла быть и очень велика и доходила даже до 20 тыс. человек. Ведь дружины, судя по примеру видивариев, составлялись из разных народностей, говоря словами Иордана. В общем, однако, обычная численность дружины не превышала 3—4 тыс. человек. Основное же ядро населения оставалось на месте: это относится и к славянам, жившим на запад от Вислы, это относится и к населению Пруссии, которое жило на восток от неё.

В противоположность мнению германистов, в дальнейшем окружение Пруссии негерманскими элементами продолжалось. К концу VI и началу VII в. вся Пруссия оказалась окружённой со всех сторон негерманскими народностями: на западе — поморянами, на северозападе — кошубами, на югозападе — поляками, на юге — мазавшанами, родственными полякам, на востоке — литовцами. Литовское влияние всё более перевешивало, и этнический характер населения Пруссии всё более определялся как литовский, со значительной примесью латышского и славянского элементов и с некоторым наличием готских остатков в нём. Характерно при этом, что термин «эстии», который применяют к населению значительной части Пруссии и Иордан и позднее Эйнгард, биограф Карла Великого⁴, теряет свой прежний характер; если ранее Тацит называл эстиями племя, близкое к готам, то в дальнейшем эстии вбирают в себя так много других племенных элементов — литовских, латышских, славянских и пр., — что термин этот становится близким к позднему термину «прусы», хотя самое слово «Пруссия» возникло в литературе только к концу X века. Нельзя, однако, забывать, что ещё долгое время этнический состав населения Пруссии оставался смешанным, не одинаковым и потребности в общем названии, покрывающем это племенное разнообразие, ещё не было: в Кульмской области преобладали польские элементы и влияние, в Померании — влияние соседних западных славян-поморян и т. п. Политическая раздробленность и этническое разнообразие удержались до самого завоевания Пруссии немцами. Это, повидимому, и было одной из главных причин, почему Пруссия потом подпала под власть германских рыцарей. Характерно, что пруссы были единственным литовским (хотя и не чисто литовским) племенем, которое не могло отстоять своей самостоятельности от германских насильников и впоследствии им подчинилось.

III

С VI в. мрак, покрывающий историю Пруссии, несколько рассеивается, и мы по-

¹ Voigt. Op. cit. I, 105.

² Jordan. Op. cit., 5.

³ Ibidem.

4. «Исторический журнал» № 4.

⁴ Эйнгард, подчёркивая многообразие этнического состава Прибалтики, говорит: «На южном берегу живут славяне, к эстии, и другие различные народности».

лучаем о ней более или менее ясное представление. Археологические данные показывают, что уже с конца V в. торговля Пруссии опять оживилась. Торговые пути несколько очистились, ибо военные дружины германских и других племён осели на местах и сграницили, а частью совсем прекратили свои передвижения.

Но направление торговых путей должно было значительно измениться. Если раньше они направлялись к старым центрам античной культуры, то с падением Римской империи и с образованием новых больших государств они переместились частично к юговостоку, частично к северозападу. На юговостоке возникли такие крупные политические центры, как Константинополь, Итиль и Булгар на Волге, Киев на Днепре, Дамаск и Багдад в Азии. Прусские товары доходили, повидимому, до Киева, Итиля и Булгара — через посредство норманнов. В те времена норманны часто совершали разбойничьи набеги и на Прибалтику и на Русь, добирались, быть может, до Прикамья и до Среднего Поволжья, соединяя торговлю с грабежами и захватами.

С VIII в. особенно широко развилась торговля с арабским халифатом. Но она не носила непосредственного характера, ибо арабские купцы прусской территории не посещали, и тем менее сами пруссы могли совершать путешествия в халифат. Повидимому, арабские купцы встречались с норманнами, вывозившими товары из Пруссии, на приволжских и приднепровских рынках. О широком развитии торговли халифата с Пруссией говорит большое количество арабских монет, найденных на территории Пруссии и завозимых туда норманнами. Торговля носила обоюдосторонний характер, т. е. и прусские товары шли в халифат и арабские — в Пруссию. В большой цене в халифате были прусские рабы, а также меха, кожа, мёд и воск. Взамен в Пруссию ввозились в большом количестве дамасское оружие, предметы украшения, восточные благовония, вино, сушёные фрукты и т. п.¹ Все эти предметы были нужны не для массы населения, а только для богатых и знатных людей Пруссии, и самое их обилие указывает, что несмотря на всю скудость прусской природы процесс классового расслоения и накопления богатств у аристократических элементов общества достиг довольно высокого развития.

Немецкие историки германистического направления стараются использовать факт норманнских набегов на территорию Пруссии для подкрепления своей основной мысли, будто бы германское влияние среди населения Пруссии с VIII до XI в. непрерывно усиливалось. Для этого они используют сообщения датского хрониста XII в. Саксона Грамматика (умер в 1204 г.), кото-

рый сообщал, что датские викинги в X в. не только нападали на Сембию (так называли Пруссию, по имени её самой культурной области — Самланд), но и прочно селились там, вступая в браки с местными женщинами.

Но внимательное изучение сообщений Саксона Грамматика показывает как раз обратное: не германцы (в данном случае даны) наложили свою печать на население Пруссии и его германизировали, а, наоборот, население Пруссии (так называемые сембы) впитали в себя и подчинили своему прусско-му влиянию вселившихся данов. Даны, по словам Саксона Грамматика, «отказались даже от желания вернуться на родину и стали считать варварскую землю за свою родную»².

Другой путь, по которому шла тогдашняя прусская торговля, был путь северозападный. Он нам хорошо известен по описанию путешествия некоего Вульфстана (из датского города Гедаби), описанию, включённому в сделанный королём Альфредом Великим англо-саксонский перевод «Всемирной истории» Орозия³. Из этого описания видно, что Вульфстан, совершивший своё путешествие по поручению Альфреда Великого, отправился из города Гедаби в Шлезвиге и добрался по Балтийскому морю до страны Eastland, т. е. до Пруссии, достигнув города Трузо, неподалеку от устья Эльбинга. Трузо примыкал к ряду торговых городов, расположенных на пути, соединявшем страны Северного моря с Прибалтикой. То были Гедаби в Шлезвиге, Бирка в Швеции, Аркона на острове Руге, Колобрег и особенно славянский Воллин в Южной Прибалтике — города, тогда широко известные не только в Западной Европе: через них, очевидно, шла торговля между германо-романским Западом и русско-византийским Востоком. Их посещали купцы из разных стран: и греки, и норманны, и англичане, и немцы, и славяне.

Связанный с этими городами, Трузо торговал и с Западом и с Юговостоком. Кроме Трузо в Пруссии были, очевидно, и другие укрепленные пункты, хотя в их торговом значении можно и сомневаться. Вульфстан в рассказе о своём путешествии сообщает, что в Eastland (т. е. Пруссии) «лежат многие бурги (burh), и в каждом городе (byrig) есть свой король (cuning), и между ними идут многие войны»⁴. Были ли, однако, эти бурги только укрепленными пунктами или вместе с тем и торговыми посёлками, сказать определённо из-за отсутствия точных сведений нельзя.

Главными предметами торговли с Западом были меха и янтарь. С Запада же в Пруссию направлялись оружие, предметы укра-

² «Omissa redeundi cupiditate barbariem pro patria colerunt» (Saxo Grammaticus «Historia Danica». Lib. X. — «Scriptores rerum prussicarum». I, 735).

³ См. «Scriptores rerum prussicarum». I, 732—735.

⁴ См. «Scriptores rerum prussicarum». 733.

¹ Вопрос о торговле Прибалтики с арабами изучал главным образом Якоб. Важнейшая из его работ — «Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter». 1887.

шения, шерстяные ткани (так называемые фальдоны) и пр.

Конечно, Трузо нельзя сравнивать по его торговому значению с другими портами Балтийского моря, особенно с знаменитым Воллином. К тому же в Трузо торговля с местным населением ещё продолжала носить характер непосредственного обмена продукта на продукт. По свидетельству Адама Бременского, пруссы «не ценят золота и серебра»¹. Это указывает на слабое развитие денежного обращения в Пруссии.

Но и приняв эти ограничения, мы должны всё-таки признать, что Пруссия была втянута в международный обмен и что её торговля, оживившаяся уже с конца V в., стала с VIII столетия довольно широко развиваться, распространившись и на близкий Запад (т. е. на земли западных славян, а также на Данию, Швецию и Англию) и на далёкий Восток, вплоть до арабского халифата. В Пруссии уже с IX в. у отдельных князьков было много военных и торговых судов², которые привозили и вывозили множество товаров.

Прусы, как и другие жители Прибалтики, умели приспособляться к неблагоприятным условиям болотистой почвы и дождливого, сырого климата. У нас есть свидетельства о том, как в предорденское время сушились плоды и злаки в соседней с Пруссией Ливонии, и нет никаких оснований думать, что пруссы здесь отставали от своих соседей. В «Scriptores rerum Livonicarum» есть такое описание уборочных работ: «В жатвенное время плоды (fruges) складывают в кучи или в крытых помещениях (tuguriis), поднимают и развешивают на лестницах, чтобы они высушивались, подвергаясь действию воздуха и ветра. Есть у них такой обычай молотбы: они высушивают плоды в каких-то помещениях, которые подогревают»³. Это описание риг, овинов и других сооружений для борьбы против сырости и загнивания продуктов земледелия указывает на довольно высокие достижения в области уборочных работ.

Немецкие историки склонны отрицать у ливонцев и пруссов, а заодно и у всех жителей Прибалтики, наличие железного плуга. Но этому противоречат археологические данные, ибо в разных местах Прибалтики найдены плужные сошники. Что касается лингвистических данных, то хотя прусское слово «plugis» (плуг) является, как и литовское «plugus», близким к германскому «Pflug», но когда и на какой почве возникла эта близость, сказать трудно; есть данные предполагать, что этот термин возник ещё в доорденские времена на почве взаимного влияния европейских языков. Если это так, то наличие железного плуга в древней Пруссии мы можем подкрепить и лингвистически. Точно так

же лингвистически подтверждается наличие в Пруссии в доорденские времена и рабочей лошади, и пшеницы, и овса, и ячменя, и других многочисленных предметов земледельческой культуры, о которых есть сведения в богатом словарном багаже древних пруссов, ибо слова «поле», «семя», «соха», «копна», «коса», сохранившиеся в Elbinger Vocabular, являются, несомненно, древними и, во всяком случае, доорденскими терминами. По лингвистическим же данным, можно предполагать у пруссов, также в доорденские времена, и наличие водяной мельницы, ибо названия мельничного колеса («maluna kelan»), мельничной плотины (прусс. «suppis» — родственное русскому «насыпать»), мельничного ящика (прусс. «tarbio», литовск. «tarbas», русская «торба») и некоторых других принадлежностей водяной мельницы являются старопрусскими.

Всё это не устраняет того факта, что охота и рыболовство ещё долго продолжали играть большую роль в жизни пруссов, вплоть до орденских времён и даже в орденские времена. Но, очевидно, эти занятия были уже не основными, а только подсобными, поскольку пруссы занимались ими лишь в свободное от земледелия и скотоводства время.

В конце первого тысячелетия в Пруссии стали складываться и классовые отношения. У нас мало сведений о внутренних прусских порядках в то время и даже позднее, во времена, близкие к завоеванию. Но уже по сообщению Вульфстана и некоторых хронистов, в Пруссии существовали 4 основные социальные группы: 1) князья (cuninges, reges), 2) богатые и знатные (ricostan, heahdungene men, т. е. буквально высокостоящие люди, nobiles), 3) несостоятельные (unspendigan, communis populus), 4) рабы (fenvan, sclaven). «Царями» Вульфстан и хронисты называют, конечно, только племенных князьков, которых в Пруссии было очень много. Определить точнее, сколько их было и какой характер имела их власть, мы не можем. Об этом среди историков идут споры, и здесь не место касаться этого вопроса. Но, несомненно, социальное деление тогда было довольно сложным и общество было в достаточной степени дифференцировано. Наличие рабов и несостоятельных людей, с одной стороны, и богатых и знатных — с другой, свидетельствует о далеко ушедшем вперёд разложении родовых отношений. И здесь, как и в других отношениях, никакой речи о дикости пруссов даже в конце IX в., к которому относится сообщение Вульфстана, а тем более в более поздние времена, быть не может.

IV

О дальнейшей истории Пруссии мы знаем главным образом из «Жития св. Адальберта», хроник Титмара Мерзебургского, Адама Бременского, из ряда польских хроник и особенно много из хроники Петра Дюсбурга, кое-что из поздних хроник

¹ «Aurum et argentum pro minimo ducunt» (Ad. Brem «De situ Daniae», 227).

² Dusburg P. Op. cit., III, 97.

³ «Scriptores rerum Livonicarum». II, 728.

XVI в. (Луки Давида, Симона Грюнау, Эразма Стеллы и др.). Источники эти очень недостоверны. Авторами их были представители враждебных Пруссии государств, стремившихся завоевать и поработить её. Хронисты, большей частью монахи, старались представить Пруссию как дикую страну, нуждающуюся в просвещении светом христианской религии. Поэтому они многое архаизировали в её истории, и к их сообщениям о древней Пруссии следует подходить весьма критически, ещё более критически, чем к бесхитростным рассказам более ранних хронистов.

Внешняя, международная сторона прусской истории в X—XIII вв. характеризуется всё возрастающей опасностью со стороны соседей, часть которых в то время вырастает в крупные государства (Польша) или приобретает большую военную силу (Тевтонский орден). Пруссам приходится всю свою энергию обращать на защиту своей независимости и главного символа этой независимости — языческой религии. Борьба против поляков, с одной стороны, и немцев — с другой, ведётся пруссами в крайне неблагоприятных для них условиях — в то время, когда ещё не создалась сплочённость отдельных прусских областей и племён. В Пруссии, запоздавшей в своём политическом развитии, при наличии таких прогрессивных признаков, как развитие земледелия и международная торговля, не было политического единства. Жестокая борьба с внешним врагом поглощала всю энергию народа и задерживала развитие производительных сил внутри страны. Враги часто опустошали Пруссию, сжигали её села, истребляли или уводили в рабство людей, и поэтому в начале II тысячелетия Пруссия развивается слабо, консервируя многие патриархальные черты в быте, гражданском устройстве, семейном праве, хозяйственных и общественных порядках. Земледелие перестаёт, повидимому, прогрессировать, торговля замирает, городская жизнь не развивается. Вместе с тем задерживается и создание прочной государственной власти, и Пруссия до конца своей самостоятельной истории оказывается неспособной выйти из состояния политической раздробленности.

С другой стороны, в Пруссии, повидимому, прогрессирует классовая дифференциация. По сведениям Петра Дюсбурга, просто сво-

бодные люди (*communis populus* или *ignobiles*, как он их называет) попадают, по крайней мере частично, в зависимость от знатных людей (*nobiles* и *reges*).

При отсутствии сколько-нибудь прочной политической власти эта общественная дифференциация ещё более ослабляла силу сопротивления пруссов. Многие из князей и знатных людей в поисках поддержки против простого народа переходили на сторону поработителей Пруссии и христианизаторов, в то время как народные массы ещё продолжали крепко держаться за свою независимость и за старую религию. Перед самым завоеванием Пруссия уже переходила, повидимому, на феодальную ступень развития, по крайней мере в её зачаточной форме. Прусские князья и отчасти прусская формирующаяся знать в основном не сумели и не захотели стать на защиту национальной независимости своей страны, как на Руси это сделал Александр Невский, позднее — Дмитрий Донской и другие. В результате предательства местной прусской знати и прусских князей Пруссия не устояла, и историческая миссия — приостановить продвижение немцев на Восток, а потом и разгромить их — выпала на долю Руси.

Прогрессивное же историческое развитие Пруссии было надолго задержано. Рыцарство и следовавшие за ним немецкие колонисты не внесли в Пруссию новых, более высоких форм земледельческой культуры. Рыцари и новые немецкие бюргеры не сумели связать страну с новыми рынками, новыми торговыми связями. Христианство, принесённое рыцарями, также не содействовало развитию в Пруссии культуры. Христианские проповедники говорили с населением на непонятном для него языке и не принесли с собой письменности. И рыцари и христианское духовенство одинаково хищнически относились к богатствам страны и одинаково грубо попирали народные обычаи и права. В результате завоевание Пруссии Орденом было, по существу, разбойничьим вмешательством, насильственным оборвавшим нить прусского исторического развития и задержавшим прогресс политической, общественной и экономической жизни Пруссии. Никакого цивилизующего влияния на историю Пруссии это завоевание не оказало, и всякие попытки оправдать его традиционными правами немцев на земли, будто бы ими исстари занимавшиеся, исторически оказываются фальшивыми.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ *

Проф. Г. Войтинский

Начало первой мировой войны в Европе явилось крупнейшим событием для стран Дальнего Востока. Японские правящие круги, стремясь к ещё большему проникновению в Китай и на острова Тихого океана, считали, что война в Европе представляет неповторимый случай для осуществления этих давно взлелеянных ими надежд.

О причинах вступления Японии в первую мировую войну на стороне союзников было высказано много всякого рода суждений как официальными представителями японского правительства¹, так и публицистами и историками.

С самого начала войны 1914—1918 гг. распространилась такая версия: Япония действовала согласно духу и букве англо-японского соглашения 1911 года. С течением времени эта версия заменилась другой: Япония вступила в войну на стороне союзников, осознав ту опасность, какую победа Германии принесла бы миру. В этом духе выступил и барон Исии в Балтиморе в июле 1917 г., прибыв в США со специальной миссией. В книге, изданной в 1941 г. Японским институтом тихоокеанских сношений, даётся наиболее «современное» объяснение причины вступления Японии в войну 1914—1918 гг.: «Необходимо подчеркнуть, что вступление Японии в войну было определено в основном её уверенностью, что наступило, наконец, время разрешить целиком проблему японских позиций в Китае, особенно в Манчжурии... Рано или поздно Япония должна была изменить свою политику, и мировая война действительно явилась для Японии богом данной возможностью»².

Выбор стороны, к которой можно было бы примкнуть в начавшейся войне, не явился для Японии решающим вопросом. Япония имела шансы при любом исходе войны усилить своё влияние на Дальнем Востоке. В случае победы англо-французской коалиции Япония получила бы компенсацию за счёт германских интересов на Дальнем Востоке. В случае же победы австро-германского лагеря Япония могла рассчитывать на извест-

ную компенсацию за счёт союзников, так как Германия после войны была бы заинтересована в Японии как в своей опоре на Дальнем Востоке в борьбе против России и Англии. Но всё же выбор стороны определялся для Японии двумя моментами: англо-японским союзом и настроением влиятельных кругов внутри страны. Если первый фактор предопределял выбор в сторону англо-французской коалиции, то второй давал больший крен в сторону коалиции австро-германской. Под влиянием германских военных доктрин и военного искусства, а также государственного строя находились значительные группы японской военщины и чиновников. Это имело немаловажное значение при определении японской политики того времени. И хотя в конечном счёте выбор был сделан в пользу англо-французской коалиции, прогерманское влияние в Японии не переставало играть значительную роль.

Положение «невоюющей стороны или нейтралитета совершенно исключалось из планов японских правящих кругов. Наоборот, судя по первым же дипломатическим шагам Японии после начала европейской войны, она самым энергичным образом стремилась к вступлению в войну и опасалась возможности соглашения между воюющими сторонами о выключении Дальнего Востока из сферы военных действий»³.

Япония торопилась ещё и потому, что опасалась, как бы союзники не привлекли на свою сторону Китай,— тогда сорвался бы основной план Японии об использовании войны для более глубокого проникновения на континент Восточной Азии.

Англия, Франция и Россия — каждая исходя из своих соображений, но в общем опасаясь слишком больших притязаний дальневосточной союзницы,— не были заинтересованы в немедленном вступлении Японии в войну.

Ко времени вступления Японии в войну сложилась весьма интересная обстановка. После чрезвычайного заседания японского кабинета 5 августа 1914 г. было опубликовано заявление правительства следующего содержания: «Если война, к несчастью, будет продолжаться, то правительство надеется, что она, по крайней мере, будет локализована в её теперешней зоне. Правительство надеется, что Япония будет в состоянии со-

* Сокращённая глава подготовленного к печати Институтом истории и Тихоокеанским институтом АН СССР коллективного труда «Международные отношения на Дальнем Востоке в эпоху империализма».

¹ Кикудзиро Исии «Дипломатические комментарии», Госполитиздат, 1942.

² Masamichi Royama «Foreign Policy of Japan 1914—1939». Tokyo, 1941.

³ La Fargue «China and the World War», p. 31. London, 1937.

блюдать строгий нейтралитет»¹. Вместе с тем в заявлении говорилось о японских обязательствах по отношению к Англии: «Если Англия будет вовлечена в войну, Японии придётся принять шаги, соответствующие англо-японскому договору о союзе, но правительство надеется, что условия, вызывающие необходимость подобных шагов, не возникнут»².

Но ещё до этого заявления состоялся обмен мнений между Англией и Японией. Сэр Эдуард Грей сообщил японскому послу в Лондоне 1 августа 1914 г., что Англия при известных обстоятельствах может вступить в войну, но что он «не предусматривает возможности обращения со стороны Англии к Японии в связи с союзом (1911) или что интересы, связанные с этим союзом, будут затронуты вступлением Англии в войну»³. Из Японии последовал ответ: «Правительство Его Величества может рассчитывать на то, что Япония немедленно придёт на помощь своему союзнику, как только её позовут, содей своей силой, предоставляя целиком правительству Его Величества формулировать причину и природу просимой помощи»⁴.

Одновременно с получением ответа из Японии английскому послу в Токио Грину было поручено сообщить японцам, что «если военные действия распространятся на Дальний Восток и Гонконг или Вейхавей будут подвергнуты нападению, то мы надеемся на вашу поддержку»⁵.

В ответ японское правительство сообщило 4 августа, что Япония немедленно поддержит Англию, если произойдёт нападение на указанные порты или какие-нибудь другие, а в случае нападения на торговые английские суда или вторжения в территориальные воды Китая и России Япония желала бы иметь консультацию с правительством Англии раньше, чем предпринять какие-либо шаги. Сэр Грей передал японскому правительству через Грина следующий ответ: «Я просил японского посла сегодня благодарить барона Като (японский министр иностранных дел. — Г. В.) самым сердечным образом за его великодушное предложение помощи». Напомнив, что во время русско-японской войны Япония не просила от Англии военной помощи, он закончил: «Я считаю это прекрасным признаком доверия и воздержанности, и теперь мы должны избежать, если сможем, втягивания Японии в войну»⁶.

Этот «обмен мнений» между Англией и Японией, тон и смысл послания Грея в первые дни мировой войны отражали, между прочим, сложность позиции Англии по отношению к её доминионам — Австралии и Новой Зеландии, — с одной стороны, и к США — с другой. Английские доминионы решительно противились усилению Японии

на Тихом океане, надеясь укрепить свои собственные позиции за счёт островов на Тихом океане, принадлежащих Германии. Им, по мнению сэра Грея, отнюдь не улыбалась перспектива иметь после изгнания Германии своим соседом Японию на Тихом океане. Притом же вступление Японии в войну не встречало сочувствия в США — с этим Англии приходилось также считаться.

События, однако, развивались быстро, и через три дня после вступления Англии в войну, 7 августа, сэр Грей обратился за помощью к Японии. Но в его обращении заключалась лишь просьба, чтобы японский флот уничтожил германские крейсера в китайских водах. На такое предложение провести ограниченные действия против Германии Като немедленно ответил, что, по его мнению, нападение германских военных судов на английский коммерческий флот в открытом море не даёт ещё повода привести в действие англо-японский договор. Военные действия Японии против Германии могут начаться, если будет поставлена задача уничтожить навсегда германское влияние на китайском побережье. Иными словами, вступление Японии в войну обуславливалось согласием Антанты на немедленный захват Японией Цзяо Чжоу.

Грей ответил весьма сдержанно: он пролил «пока отложить объявление войны немцам, так как надо избежать впечатления, что война переносится в Китай, дабы не создать там напряжённого положения».

Вынужденный всё же согласиться с предложением о вступлении Японии в войну под предлогом борьбы за Цзяо Чжоу, Грей настаивал, чтобы сфера действий японцев на море ограничилась районами, не вызывающими подозрения у Австралии и Новой Зеландии. Япония, однако, не согласилась ни на какие ограничения её действий и 15 июля предъявила Германии ультиматум, срок которого истек в полдень 23 августа. Содержание ультиматума сводилось к следующему: в создавшихся условиях Япония стремится устранить все причины, могущие возбудить беспорядки на Дальнем Востоке, и в то же время стремится обеспечить интересы держав согласно японскому договору. Исходя из этого, Япония искренне считает своим долгом «посоветовать Германии выполнить следующие два предложения: 1) немедленно увести из японских и китайских вод броненосцы и все вообще вооружённые суда, а те из них, которые нельзя увести, немедленно разоружить; 2) передать не позднее 15 сентября властям японского императорского правительства арендованную территорию Цзяо Чжоу без всяких условий или компенсаций с перспективой передачи этой территории Китаю»⁷.

После предъявления ультиматума Германии японские власти, не дожидаясь истечения его срока, направили военные суда на Каролинские и Маршалские острова, а вслед за тем торговые суда с товарами и японскими эмигрантами для заселения этих

¹ Цит. по книге Young Morgan «Japan under Taisho Tenno 1912—1936», p. 70—71.

² I b i d e m.

³ Grey to Green. 1 August. 1914.

⁴ La Fargue. Op. cit., p. 9.

⁵ Green to Grey. 3 August. 1914.

⁶ I b i d e m.

⁷ Millard T. «Our Eastern Question», p. 91.

островов. Поспешность этих действий объяснялась не столько стратегическими соображениями по отношению к противнику, сколько тактическими соображениями по отношению к своему союзнику: японцы стремились опередить англичан, оказаться на островах раньше.

Германия в промежуток времени между японским ультиматумом и объявлением войны попыталась было договориться с Китаем о возвращении ему Цзяо Чжоу. Немцы считали, что такая сделка им наиболее выгодна, так как всё равно эту концессию они не в состоянии защищать. Япония, узнав об этом, при поддержке англичан заставила Китай прервать переговоры.

Не получив ответа на свой ультиматум, японцы решили силой принудить немцев к выполнению выдвинутых условий. Это означало раньше всего захват района Цзяо Чжоу и порта Циндао¹. Немедленно после объявления японцами войны германский адмирал фон Шнее увёл свой флот из Цзяо Чжоу на Каролинские острова. И когда японцы 27 августа окружили порт Циндао, немецкого флота там уже не оказалось.

Для Китая защита своего нейтралитета в этих условиях стала очень трудной задачей. Создалась обстановка, вынуждавшая китайские власти идти на установление военной зоны в Шаньдунской провинции, как единственное средство снять с себя ответственность перед общественным мнением в стране за действия воюющих сторон на китайской территории. Японцы настаивали на установлении зоны на всей территории Шаньдуня, а китайцы соглашались установить зону лишь к востоку от города Вейсин, на полпути между Циндао и Цзинань-Фу.

Не договорившись с китайцами относительно границ военной зоны, японцы 2 сентября высадили 30-тысячный десант на северном берегу Шаньдуня, в пункте Лункоу. Через 12 дней японцы пришли в столкновение с немцами, а ещё через 11 дней англичане также высадили десант в 1500 человек.

После высадки десанта немцами китайское правительство 3 сентября оповестило представителей держав в Пекине, что оно не может нести ответственность как нейтральная страна за действия воюющих сто-

рон в районах Лункоу, Лайчжоу (где впоследствии высадились англичане) или в узкой полосе вокруг Цзяочжоусского залива. Но воюющие стороны не только не пришли к сведению заявления Китая, но резко отвергли аргумент китайской дипломатии. Немецкий поверенный в делах немедленно заявил протест, обвиняя китайцев в том, что они, устанавливая военную зону, тем самым, очевидно, намереваются облегчить силам союзников ведение военных операций. Японцы же заявили китайскому правительству, что вопрос о военной зоне уже вышел из стадии дипломатических переговоров и зависит лишь от военной необходимости.

Китайцы попытались защитить свой нейтралитет, апеллируя к США. Как известно, США, соблюдавшие в начале войны строгий нейтралитет, отказались вмешаться в это дело.

Опасения китайского правительства, что, начав с Циндао, японцы захватят всю Шаньдунскую железную дорогу, вскоре оправдались: 26 сентября японские войска заняли Вейсин, а 6 октября — Цзинань-Фу. Китайцы протестовали 27 и 30 сентября против нарушения их нейтралитета. Отклонив эти протесты, японское правительство официально пояснило, что целью войны считает «окончательное уничтожение базы влияния немцев на Дальнем Востоке»².

Нарушение нейтралитета Китая японской военной и захват Шаньдунской железной дороги возмутили китайский народ. Тогдашний фактический диктатор Китая Юань Шикай, опасаясь потерять свою власть, пытался всячески добиться помощи англичан и американцев для нажима на Японию с целью убедить её ограничиться лишь мерами, необходимыми для сокращения базы германского влияния. Но Юань Шикай ничего не добился. После капитуляции немцев 10 ноября Цзяо Чжоу был занят японцами, а ещё через несколько дней была занята ими и вся арендованная территория Цзяо Чжоу. 19 ноября японские власти установили военный режим на всей оккупированной ими китайской территории.

Овладев портом Циндао и железной дорогой Циндао — Цзинань-Фу, японцы в короткое время добились больших результатов: они становились хозяевами Шаньдунского полуострова — китайской провинции с населением в 30 млн. человек, богатой запасами ископаемых и плодороднейшими полями, имеющей прекрасные порты большого коммерческого и стратегического значения.

Отношения между Китаем и Японией обострились. Положение Юань Шикай внутри страны в этой связи всё ухудшалось, но тем сильнее стремился он к укреплению своей личной диктатуры. Англо-французский блок поддерживал в этом Юань Шикай. Интересам союзников соответствовало установление твёрдого «порядка» в Китае, чтобы можно было на него опереться и использовать в условиях развязывающейся войны. Япония же, наоборот, Юань Шикай не под-

¹ Территория Цзяо Чжоу, полученная немцами от Китая по договору в 1898 г., равна 200 кв. миль, а порт Циндао, построенный немцами у залива, представляет собой европейского типа большой город, который соединён железной дорогой протяжением в 240 миль со столицей Шаньдунской провинции Цзинань-Фу. Порт был укреплен и подготовлен к защите главным образом со стороны моря. Во время объявления войны немцы держали на Дальнем Востоке крейсерский флот под командой адмирала фон Шнее (2 тяжёлых крейсера — «Шарнгорст» и «Гнейзенау», — 3 лёгких крейсера и несколько коммерческих судов, приспособленных для снабжения крейсеров). Германский гарнизон в Циндао насчитывал 3500 человек. (См. La Fargue. *Op. cit.* p. 18.)

² Mc Murray. Vol. II, p. 1156—1157.

держивала. Она была заинтересована в том, чтобы внутренняя борьба в Китае — между лагерем реакции во главе с Юань Ши-каем и лагерем республиканцев, представленных главным образом Гоминданом во главе с Суя Ят-сеном, — продолжалась как можно дольше.

Действия японцев в Китае в первые месяцы мировой войны крайне обострили внутриполитическую обстановку в Китае и усилили антияпонские настроения в широких слоях населения. Японские власти сочли в этих условиях своевременным принять решительные шаги для получения от Китая таких уступок экономического и политического характера, которые одним взмахом сделали бы Японию гегемоном в Китае.

★

Ночью 18 января 1915 г. японский посол в Китае Хиоки Эки посетил китайского президента Юань Ши-каю и предъявил ему известные «21 требование».

«21 требование» было разделено на пять групп. Содержание первой группы сводилось к тому, что Китай должен был согласиться на любую договорённость, к которой придут между собой Япония и Германия по вопросу о Шаньдунской провинции. Китай обязывался не отдавать в аренду и не уступать третьей державе какую-либо часть территории на Шаньдунском полуострове, или у его берегов, или на близлежащих островах. Китай должен был согласиться на постройку японцами железных дорог на Шаньдунском полуострове (из Чифу до Лункоу для соединения с железной дорогой Циндао—Цзинань-Фу) и на открытие новых портов для японской торговли.

Вторая группа требований касалась Южной Манчжурии и Внутренней Монголии. Японцы требовали продления договоров на «аренду» Порт-Артура и Дайрена, а также Южно-Манчжурской и Андунь-Мукденской железных дорог с 25 до 99 лет, права управления и контроля Гирич-Манчжунской железной дороги на 99 лет, права аренды или приобретения в собственность земли в Манчжурии и Внутренней Монголии, права разрабатывать копи в Южной Манчжурии, селиться и торговать во всех районах и городах этих провинций. Предоставлять какие-либо права третьим державам Китай мог лишь с согласия Японии. Эта группа требований была направлена непосредственно и против других заинтересованных держав в Китае, в особенности же против США.

Третья группа требований касалась важнейшего источника добычи железа в Китае — Ханьпинских железорудных копей. Японцы требовали, чтобы разработка этих копей была предоставлена японо-китайской смешанной фирме, что означало фактически отказ Китая от одного из главных источников развития своей самостоятельной промышленности. Японцы требовали, чтобы «японо-китайская компания» была независимой от китайского правительства и чтобы разработки даже по соседству с этой компанией не велись без разрешения Японии.

Стремясь превратить всю гигантскую страну в свой протекторат, японцы четвёр-

той группой требований обязывали Китай, якобы в целях сохранения его территориальной целостности, не уступать и не сдавать в аренду третьей державе каких-либо гаваней или островов у китайских берегов.

Пятая группа требований предусматривала допущение только японских советников в министерства иностранных дел, финансов, в полицию и армию Китая; закупку 50% и больше всего вооружения китайской армии у Японии; предоставление новой концессии на железную дорогу в долине Янцзы, что дало бы Японии, в противовес другим империалистическим державам, главным образом Англии, власть над сердцем китайской торговли и промышленности.

Удержать в секрете эти требования, японцам не удалось. Через несколько дней после «визита» японского посла содержание «21 требования» стало известно американскому посланнику в Китае Рейншу, и 25 января они обсуждались уже на страницах китайской прессы. В Китае и за границей японские требования вызвали возмущение. Японское правительство не ожидало, что его план будет столь быстро предан гласности. Первым шагом его было простое отрицание самого факта: японский посол в Вашингтоне официально опроверг 27 января подлинность китайского сообщения о предъявленных Японией требованиях. Однако уже 14 февраля японское правительство через своего посла в Пекине вынуждено было заявить послам иностранных держав о своих требованиях Китаю, опубликовав лишь 11 из 21 требования. Пятую группу, содержащую наиболее агрессивные требования, японцы не опубликовали, заявив, что эти требования были предложены Китаю лишь в виде «пожелания».

Хотя требования, предъявленные Китаю, затрагивали интересы Англии, США, Франции, а также России, союзники держались очень осторожно по отношению к Японии, опасаясь её сближения с Германией.

Немцы в 1915 г. усиленно пытались привлечь на свою сторону Японию, а японские официальные представители отнюдь не уклонялись от встреч с немецкими дипломатами и корреспондентами. Русский посол в Китае Крупенский 17 апреля 1915 г. сообщил министру иностранных дел Сазонову, что в Пекине японский посол Хиоки встретился с представителем германского телеграфного агентства, неким Криге. В беседе Криге сказал о предполагавшейся посылке японских войск в Европу, что это «было бы большой ошибкой со стороны Японии, нуждающейся ныне во всех своих силах здесь, дабы распорядиться в Китае по своему усмотрению, в чём она встретит одно лишь сочувствие со стороны Германии, готовой предоставить Японии и после окончания войны полную свободу действий на Дальнем Востоке». На вопрос Крупенского по поводу этого свидания Хиоки со смущением ответил, что он «считал по-

лезным ознакомиться с образом мыслей и взглядами наших врагов»¹.

К немцам, жившим в Японии, отношение во время войны было более чем предупредительное, а в японской печати появлялись сочувственные немцам статьи. Наоборот, по отношению к союзникам, в частности к Англии (союзнице Японии с 1902 г.), японцы не всегда соблюдали лояльность в печати и в публичных выступлениях. В условиях войны, особенно же после предъявления «21 требования» Китаю, Япония всё больше стала тяготиться договором 1911 г., связывающим её «маневренность» по отношению к противной стороне и не способствующим поддержке англичанами японской политики в Китае.

В продолжение четырёх месяцев после предъявления «21 требования» Юань Ши-кай, не будучи в состоянии серьёзно сопротивляться японцам, вёл торг с ними. Заботясь главным образом о том, чтобы позор капитуляции не падал на него, Юань Ши-кай на все лады доказывал китайскому общественному мнению, что он вынужден идти на уступки во избежание ещё худших последствий. Юань Ши-кай всё время надеялся использовать создавшееся во всём мире неблагоприятное по отношению к Японии общественное мнение в связи с разоблачением характера «21 требования», в особенности же пятой группы их.

13 марта 1915 г. министр иностранных дел США Брайан послал меморандум японскому послу, возражая не только против пятой группы требований, но и против четвёртой, как «нарушающей целостность» Китая. В то же время в английском парламенте раздались протестующие голоса заинтересованных в Китае групп буржуазии, встревоженных японскими притязаниями на долину Янцзы. Английское правительство вынуждено было официально ответить на запросы в парламенте, что, не возражая против дальнейшей японской экспансии в Манчжурии и Внутренней Монголии, ожидает от Японии отказа от притязаний на английскую сферу влияния в Центральном Китае.

В Японии военный министр Ока настаивал на разрешении вопроса военным путём. В Китай перебрасывались всё новые войска под предлогом замены находящихся там частей.

Рассчитывая разрядить антияпонскую атмосферу в Англии и США, японское правительство выступило 26 апреля с новыми, несколько изменёнными предложениями.

Китайцы ответили на эти предложения 1 мая, сделав японцам уступки, главным образом по вопросам Внутренней Монголии, но настаивали на определении условий и срока передачи Китаю Цзяо Чжоу и на уходе японских войск. В ответ на этот «окончательно исправленный проект», как назвали его китайцы, 7 мая Китаю был предъявлен ультиматум, срок которого истекал 9 мая, в 6 часов вечера (пятую

группу «пожеланий» японцы в ультиматум не включили).

Правительство Юань Ши-кай капитулировало за день до истечения срока, приняв японский ультиматум, и 25 мая соответствующие протоколы были уже подписаны.

Возмущённый капитуляцией, китайский народ назвал 25 мая «днём национального позора». В стране вспыхнуло движение бойкота японских товаров, японских купцов и банков. Летом 1915 г. возобновилась с новой силой притихшая было во время переговоров с японцами борьба южан-республиканцев против контрреволюционного центрального правительства Юань Ши-кай, который после капитуляции особенно энергично стал готовить монархический переворот.

Россия и Англия готовы были поддерживать честолюбивые замыслы Юань Ши-кай. Они рассчитывали в случае удачи монархического переворота вовлечь Китай полностью в орбиту своего влияния, в противовес не только Германии, но и своей союзнице — Японии. Франция поддерживала в основном политику Англии, предостерегая, однако, Россию и Англию от уступок по отношению к Японии. США, исходя из своей позиции нейтралитета и стремясь использовать созданную войной ситуацию на Дальнем Востоке, проводили активно политику невмешательства во внутренние дела Китая, направленную своим остриём против политики весьма активного вмешательства японцев. Американский посланник в Китае Рейнш являлся деятельным советником Юань Ши-кай.

С точки зрения японских правящих кругов, монархический переворот либо мог усилить Юань Ши-кай и стабилизировать внутреннее положение Китая, либо, в случае неудачи, усилить республиканцев и также стабилизировать положение в Китае, но на другой основе. И то и другое было неприемлемо для японцев, всегда опасавшихся перспективы создания сильного и объединённого Китая. В отношении Юань Ши-кай японская политика поэтому заключалась в том, чтобы его дискредитировать и воспрепятствовать установлению монархии в Китае.

Осенью 1915 г. японцы стали добиваться срыва планов Юань Ши-кай, опираясь при этом в большой степени на поддержку союзных держав, пытались использовать свои отношения с Германией и интриги последней по отношению к Китаю².

Японское посольство в Петрограде направило 27 октября 1915 г. меморандум министру иностранных дел Сазонову, в котором сообщало, что японское правительство опасается нарушения мира на Дальнем Востоке в связи с попытками Юань Ши-кай установить монархию в момент разгара

¹ «Международные отношения в эпоху империализма». Т. VII. Ч. 2-я. д. № 533. Примечание 3-е.

² См. телеграмму о возможности признания монархии в Китае Германией.

войны в Европе и согласовало с Англией демарш в Пекине с целью предупреждения китайского правительства о необходимости «временно отложить изменение формы правления во избежание возможных беспорядков»¹. Царскому правительству предлагалось присоединиться к демаршу. Российский посланник в Пекине Крупенский в тот же день сообщил Сазонову: «Я как раз успел присоединиться к великобританскому поверенному в делах, ехавшему в Вайцзябу (министерство иностранных дел) для преподания совета отложить провозглашение монархии»². Через некоторое время к демаршу Японии, Англии и России присоединились Франция и Италия. Правительство США отказалось присоединиться, заявив устами статс-секретаря Лансинга (4 ноября), что подобное предупреждение Юань Ши-каю означало бы вмешательство во внутренние дела Китая.

Однако монархический заговор зашёл уже очень далеко. Несмотря на демарш союзников Юань Ши-кай повёл ещё более энергичную кампанию по вопросу об «изменении формы власти». Его сторонниками был инсценирован даже референдум, в результате которого провинциальные совещательные органы «единогласно» высказались в пользу монархии.

11 декабря состоялось заседание центральной совещательной палаты (Государственный совет), на котором была установлена конституционно-монархическая форма правления и отменён закон об избрании президента Китайской республики. Вслед за этим был послан адрес от палаты Юань Ши-каю с предложением принять императорский сан. После соответствующих церемоний отказа Юань Ши-кай принял предложение³. Коронацию назначили на 3 февраля 1916 г., в день китайского Нового года.

Возня с монархическим переворотом в Китае происходила не только в обстановке дипломатических махинаций и интриг, но и всё более нарастающего возмущения общественного мнения страны. Вспыхнувшие на юге и югозападе Китая (Юнань, Гуйчжоу, Гуанси, Гуандун, Сычуань, Хунань и Фучжоу) восстания против реставрации монархии показали, что все расчёты Юань Ши-кай провалились. Вынужденный к отступлению, Юань Ши-кай 22 марта 1916 г. издал декрет об отмене монархии. Внезапная смерть Юань Ши-кай в июне 1916 г. сняла вопрос о нём лично, но борьба между республиканским Югом и Севером не прекратилась.

Как мы указали выше, внутренняя борьба в Китае рассматривалась союзными державами как фактор отрицательный для общего дела борьбы с австро-германской коалицией. Япония же была заинтересована в этих внутренних распрях. Японцы активно действовали и в том и в другом лагерях. С южанами у них были связи по каналам, как

общественным, так и дипломатическим и военным. С северянами японцы установили связи главным образом после смерти Юань Ши-кай. Используя внутреннюю борьбу в лагере северян, японцы получили влияние на одну из групп этого лагеря — Аньхойскую — во главе с известным реакционным деятелем Дуань Ци-жуем. Немцы также добивались влияния на китайское правительство, предлагая ему займы и всячески пролезая в общественные и промышленные круги страны.

★

Между тем с развитием войны в Европе соотношение сил на Дальнем Востоке значительно изменилось. В 1916 г. обострились отношения между Англией и Японией. Японская пресса повела инсценированную свыше кампанию против Англии в связи с дискриминацией по отношению к японцам в английских колониях и ограничением импорта в Англию. Японцы добивались всё большей свободы рук на Дальнем Востоке. Англо-японский союз перестал играть прежнюю роль.

С другой стороны, в конце 1915 г. явно наметилась тяга России к сближению с Японией как из соображений, непосредственно связанных с ведением войны, так и по причинам будущей политики закрепления своих позиций в Северной Манчжурии и Внешней Монголии. Это создавало для японцев возможность использовать Россию против Англии и, во всяком случае, добиваться уступок от обеих держав. Одновременно Япония продолжала всячески препятствовать изгнанию немцев из Китая⁴ и предоставила им в Южной Манчжурии возможность ведения шпионской и диверсионной работы, которую немцы вели по всему Дальнему Востоку, начиная от Китая, кончая Индией и британскими колониями в Юго-восточной Азии⁵.

Политика США в отношении Китая активизировалась в 1916 г. главным образом в экономической области. С начала апреля и до последних чисел ноября 1916 г. американские тресты и банки заключили с китайским правительством договоры на различные займы на сумму свыше 16 млн. долларов. Одновременно американская компания Смир и Кэри заключила с китайским правительством соглашение на постройку 5 железных дорог, что вызвало протесты Франции и России. Кроме того Интернациональная банковская корпорация (США) заключила договор с Китаем о

¹ «Международные отношения...». Т. IX, т. № 91, 28 (15) октября 1915 года.

² Там же, д. № 98.

³ Там же, д. № 58. Крупенский — Сазонову.

⁴ «Международные отношения...» Т. XIII, д. № 676. Телеграмма Сазонова Бенкендорфу. Японцы, с одной стороны, возражали против изгнания немцев из Китая под предлогом, что это нарушает китайский нейтралитет, а с другой стороны, предостерегали, что разрешение китайцам выселять немцев и австрийцев может стать опасным прецедентом для всех иностранцев в Китае.

⁵ Немцы были причастны к восстанию индийских войск в Сингапуре в 1915 году. Тогда же немцы направляли из Внутренней Монголии группу диверсантов для взрыва Хинганского узла в Барге на КВЖД.

поставке ему 1,5—2 млн. унций серебряных слитков.

Одновременно с экономическим проникновением США активизировались на этом поприще и японцы. Японский Тёсен-банк предоставил Китаю в 1916 г. три займа на сумму в 5 млн. иен для укрепления валютных фондов и китайских банков в Мукдене, причём обеспечением займов служили налоги Мукденской провинции и вся территория международного селъмента в Мукдене.

Царское правительство с января 1916 г. предпринимало шаги для заключения с Японией нового договора. В Японию был послан великий князь Георгий Михайлович в сопровождении начальника дальневосточного отдела министерства иностранных дел Казакова¹. Японцы выразили готовность заключить с Россией новый договор, но добивались получения всяческих выгод: передачи им той части КВЖД (Куанченцзы—Харбин), которая, по их словам, «входит в сферу влияния Японии», так как связана с Южной Манчжурией; предоставления новых концессий на рыболовство в русских водах и облегчения таможенных тарифов. На этих условиях японцы соглашались продавать России некоторое количество оружия и заключить с ней союзный договор².

Переговоры продолжались несколько месяцев. В правительственных кругах России были разногласия насчёт уступок Японии в вопросе о КВЖД. Линия министра финансов Барка победила, и Японии было отказано в уступке южной ветки КВЖД. Тем не менее 3 июля 1916 г. был заключён союзный договор. Он состоял из гласной и секретной частей. В гласной части договаривающиеся стороны обязывались не вступать ни в какие международные комбинации, направленные против интересов одной из сторон; в случае же угрозы интересам одной из договаривающихся сторон на Дальнем Востоке со стороны третьей державы—обсудить меры совместной защиты. В секретной части³ говорилось, что под «интересами договаривающихся сторон на Дальнем Востоке» подразумевается Китай, и если одной из сторон придётся воевать с третьей державой из-за Китая, то другая сторона приходит ей на помощь и ни одна из них не заключает мира без согласия другой⁴.

¹ Предлогом для поездки послужила коронация японского императора. См. «Международные отношения...» Т. XIII, д. № 528. Телеграмма Кудашева Сазонову.

² «Международные отношения...» Т. X, д. № 217. Меморандум японского посольства в Петрограде министерству иностранных дел.

³ См. Гримм Э. «Сборник договоров и других документов по международным отношениям», стр. 191. Изд. Ин-та востоковедения. 1927.

⁴ «Международные отношения...» Т. X, д. № 232. Из перехваченной переписки с Японией.

В ходе переговоров выяснились непримиримые точки зрения между русской и японской дипломатией по вопросу о вовлечении Китая в войну на стороне союзников. Русская дипломатия стремилась воспользоваться переговорами о японо-русском договоре для совместного с Японией предложения Китаю вступить в войну, мотивируя такое предложение необходимостью для Китая активно защищаться против Германии не только в будущем, но и в происходящей уже войне. Японская дипломатия, не будучи в состоянии опровергнуть эту аргументацию, настояла, однако, на разделении вопросов о союзном договоре и об участии Китая в войне.

Между тем вопрос о разрыве отношений между Китаем и Германией и Австрией всё больше становился предметом дипломатических обсуждений в лагере союзников. Англия в 1916 г., больше чем раньше, считала необходимым вовлечение Китая в войну, но не желала из-за этого обострять отношений с Японией. Франция также не хотела ссориться с Японией, так как рассчитывала получить от неё поддержку живой силой. США в 1916 г. ещё держались позиции строгого нейтралитета и добивались сохранения «свободы морей».

Ситуация резко изменилась с февраля 1917 г., после заявления немцев 31 января, что они возобновляют подводную войну. США, прервав дипломатические отношения с Германией, предложили всем нейтральным странам последовать их примеру. Американский посланник в Китае Рейнш развил большую активность, направленную к разрыву отношений между Китаем и Германией. Правительство Дуань Ци-жуя и северные милитаристы готовы были немедленно откликнуться на призыв президента США Вильсона. Им казалось, что разрыв отношений с коалицией центральных держав и затем вступление в войну на стороне союзников создадут исключительно благоприятные условия для увеличения китайской армии, оснащения её лучшим оружием, а следовательно, откроется возможность разделаться с Югом и закрепить свою власть во всём Китае.

Дуань Ци-жуй при переговорах с Рейншем поставил ряд вопросов: не будут ли военные силы и арсеналы Китая в случае его вступления в войну подчинены иностранному контролю? Могут ли быть даны заверения, что Китай на равных началах будет принимать участие в мирной конференции по окончании войны? Каковы будут отношения держав, вновь вступающих в войну, к Лондонскому соглашению—не заключать сепаратного мира? Кроме этих важных вопросов, касавшихся отношений между Китаем и союзниками, правительство Дуань Ци-жуя поставило условие разрыва дипломатических отношений Китая с Германией и Австрией предоставление Китаю займа в США в 10 млн. долларов, получение вооружения, согласие США оформить свою долю боксёрской контрибуции в виде долгосрочных обязательств Китая, а также нажим США на

союзников с целью добиться от них того же¹.

Рейнш 7 февраля уведомил своё правительство о китайских условиях. Но, боясь, что промедление с ответом может привести в действие силы, враждебные присоединению Китая к союзникам, он послал сам китайскому правительству ноту, в которой, не давая конкретного ответа, обнадеживал китайское правительство в том смысле, что США пойдут полностью навстречу Китаю, стремясь всемерно облегчить ему участие в общей борьбе союзников².

Но через некоторое время американское правительство фактически дезавуировало позицию своего посланника в этом вопросе. Телеграммами от 10 и 17 февраля государственственный департамент предупредил Рейнша о необходимости проводить более осторожную политику по отношению к Китаю, а 26 февраля посланник получил решение государственного департамента, в котором, между прочим, было сказано: «Государственный департамент не расположен, в случае войны между США и Германией, добиваться, чтобы Китай также объявил войну Германии»³.

Чем был вызван такой крутой поворот со стороны США? Главным образом тем, что отношения между Японией и Китаем, с тех пор как там⁴ у власти стали Дуань Ци-жуй и северные милитаристы, снова изменились. Влияние Японии на китайское правительство усилилось, и США не без основания опасались, что присоединение Китая к союзникам в данное время означало бы на деле переход контроля над китайской армией и его вооружением в руки японцев. США в связи с этим начали проводить политику, тормозившую вступление Китая в войну. Япония же, наоборот, энергично стремилась вовлечь Китай в войну.

Дуань Ци-жуй, не дожидаясь официального ответа американского правительства, начал переговоры с посланниками Англии, Франции и России, а затем и Японии, Италии и Бельгии о разрыве отношений с Германией и Австрией. В переговорах, протекавших 13 и 14 февраля, Лю Чен-сян, исполнявший обязанности министра иностранных Дел, сообщил посланникам, что Китай не может взять на себя ответственность за дальнейшие шаги, направленные к вступлению в войну, если державы не дадут заверения, что они предоставят Китаю финансовую помощь, в частности отсрочку платежей по боксёрской контрибуции до конца войны и увеличение таможенных тарифов. Кроме того китайцы просили ликвидировать соглашение боксёрского протокола, запрещавшее держать китайские войска в Тяньцзине.

Одновременно Лю Чен-сян продолжал вести переговоры и с Рейншем, сообщая ему о том, что японцы торопят Китай со вступлением в войну. Когда же выяснилось отрицательное отношение американцев

к этому, китайское правительство стало ещё больше ориентироваться в сторону союзников, главным образом Японии.

В то самое время как шли эти переговоры между Китаем, США и союзниками, японская дипломатия продолжала наступать почву для соглашений с Англией, Россией, Францией и Италией по вопросу о японских претензиях на мирной конференции по окончании войны. Ещё 27 января 1917 г. японское правительство обратилось к Англии с просьбой дать заверения о поддержке притязаний Японии на передачу ей бывших германских прав в Шаньдуне и германских островов в Тихом океане, к северу от экватора. Англичане дали эти заверения 16 февраля и 19 февраля получили в свою очередь заверения, что Япония поддержит требования Англии о передаче ей германских островов на Тихом океане, к югу от экватора⁴.

Французское правительство, заключив 1 марта с Японией такое же секретное соглашение, как и Англия, потребовало, чтобы Япония со своей стороны содействовала разрыву отношений между Китаем и Германией⁵. Царское правительство 20 февраля также присоединилось к предложению Японии. После заключения этих секретных договоров Япония ещё упорнее стала добиваться вступления Китая в войну с Германией.

Достигнув предварительно полной договорённости с японцами, правительство Дуань Ци-жуя 14 марта 1917 г. порвало дипломатические отношения с Германией и Австро-Венгрией. Официальный разрыв этих отношений послужил новым поводом для острой политической борьбы в самом Китае.

Китайская буржуазия, которая в 1917 г. и в начале 1918 г. начала ощущать вполне реально результаты ослабления иностранного импорта и увеличения китайского экспорта, а также усиления своей национальной промышленности, была решительно против борьбы между Югом и Севером. Общественное мнение осуждало и японскую ориентацию правительства Дуань Ци-жуя. Китайские торговые палаты в начале 1918 г. подняли кампанию за прекращение борьбы между Югом и Севером, и за установление мира. Планы Дуань Ци-жуя потерпели поражение, и он вынужден был уйти в отставку. Но к этому времени на сцене появился новый крупный милитарист, объединявший под своей властью милитаристов трёх восточных провинций (Манчжурии), — Чжан Цзо-лин, который двинулся к северным провинциям Китая, предлагая им свою помощь против Юга. Разговоры на Севере о возможности мира с Югом прекратились. Дуань Ци-жуй снова вернулся на политическую арену.

Роль японских империалистов во всей этой внутренней борьбе в Китае была весьма значительна.

¹ La Fargue. Op. cit., p. 87—88.

² Ibidem, p. 89.

³ Ibidem, p. 90.

⁴ См. Гримм Э. Указ. соч. стр. 192.

⁵ Там же, стр. 193.

После вступления Китая в войну был создан военный комитет во главе с Дуань Ци-жуем для получения средств, отпускаемых Китаю союзниками. Япония предложила выплачивать эти средства Дуань Ци-жую от имени всех союзников. Действуя таким способом, японцы приобрели к осени 1917 г. исключительное влияние на севере Китая. Это усложнило японо-американские отношения в Китае. Если раньше эти противоречия проявлялись в обстановке сложных и противоречивых отношений между многими странами, то после начала мировой войны борьба за влияние в Китае всё больше сводилась к соперничеству американцев и японцев. Осенью 1917 г. дипломатии США пришлось решительно определить свою дальнейшую линию: либо продолжать борьбу против Японии либо найти какой-то модус для урегулирования с ней отношений. Вести дальше дипломатическую борьбу против Японии американцы не считали целесообразным по следующим причинам: США уже находились с апреля 1917 г. в состоянии войны с Германией и не могли поэтому обострять свои отношения с Японией; за время войны американский капитал проник в Китай больше, чем в довоенные годы, он, помимо консорциума, намеревался предоставить Китаю большие займы. Ставить под удар уже достигнутые успехи и самую перспективу дальнейшего внедрения в Китай ещё во время войны из-за принципа «открытых дверей» американцы не считали целесообразным.

Японская дипломатия со своей стороны добивалась того, чтобы США, как и другие союзники, считались с «особым» положением Японии на Дальнем Востоке. С этой миссией в США был направлен чрезвычайный полномочный посол Японии виконт Исии. «Японское правительство хоте-

ло воспользоваться этим случаем и путём откровенного обмена мнениями с американскими деятелями относительно китайских вопросов добиться какого-нибудь соглашения»¹. Прибыв 1 сентября 1917 г. в Вашингтон, Исии повёл переговоры с Вильсоном и с Лансингом об особых интересах Японии в Китае. Встречи виконта Исии с президентом и с государственным секретарём США привели, наконец, к обмену письмами между Исии и Лансингом 2 ноября и вошли в дипломатическую историю под названием «соглашения Лансинга—Исии». Смысл этого соглашения заключался в том, что США в дополнение к соглашению Рут—Такахира 1908 г. уточняют своё понимание «обоюдных интересов ваших правительств (Японии и США.— Г. В.) в отношении Китайской республики»².

Этот обмен нотами знаменовал собой известное изменение политики США на Дальнем Востоке. Но это изменение означало лишь временный компромисс между США и Японией.

В дальнейшем в тихоокеанских отношениях японо-американские противоречия, оставаясь основными, продолжают нарастать. Ещё в 1916 г. Ленин не исключал возможности японо-американской войны и считал, что её результаты имели бы всемирное значение³.

Дальнейшее развитие японо-американских противоречий на Дальнем Востоке шло в новой исторической обстановке, созданной последствиями первой мировой войны и Октябрьской революцией в России.

¹ Кикудзиро Исии. Указ. соч., стр. 89.

² Гримм Э. Указ. соч., стр. 194.

³ См. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 182.

К ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОПРОСА О ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦАХ ПОСЛЕВЕРСАЛЬСКОЙ ПОЛЬШИ

А. Манусевич

Великая Октябрьская социалистическая революция декретом о мире, принятым в ноябре 1917 г. II съездом советов, провозгласила право каждой малой или слабой народности решать без малейшего принуждения вопрос о формах своего государственного существования. Эту позицию Советская Россия отстаивала во время переговоров с Четверным союзом в Брест-Литовске. Она требовала увода австро-германских войск с территории бывшей Российской империи и последующего проведения референдума среди населения стран, подвергшихся оккупации, в частности среди поляков, для свободного решения вопроса о присоединении к тому или иному государству или установлении государственной самостоятельности. В процессе переговоров советская делегация по поручению Ленина добивалась предоставления Польше независимости и сделала торжественное заявление о полном признании будущего независимого польского государства.

Декретом Совета народных комиссаров ещё 28 ноября 1917 г. был создан специальный комиссариат по польским делам. Советское правительство особым актом подтвердило за польским народом нерушимое право самоопределения и единства и провозгласило все договоры и акты, заключённые бывшим русским царским правительством с правительствами Прусского королевства и Австро-Венгерской империи, касающиеся раздела Польши, расторгнутыми навсегда.

В то же время польский вопрос стал предметом серьёзных обсуждений в среде руководящих деятелей стран Согласия и США. Польский национальный комитет¹ добивался от них коллективной декларации о будущей Польше, её географических пределах и месте в семье европейских народов. Этот комитет представил межсоюзнической конференции, состоявшейся в Париже 29 но-

¹ Польский национальный комитет, созданный вскоре после свержения самодержавия польскими политическими деятелями в Париже и весьма тесно связанный с кругами французского министерства иностранных дел, был 20 сентября 1917 г. признан французским правительством «официальной польской организацией» с полем деятельности в Западной Европе и США. Аналогичное признание этого комитета со стороны британского правительства несколько задержалось:

ября — 1 декабря 1917 г., проект декларации, где говорилось, что создание независимого польского государства «означает соединение в одном государстве всех польских территорий с предоставлением ему выхода к морю и будет поставлено как одно из условий мира»². Фраза о соединении «всех польских территорий» вызвала возражения среди участников конференции, опасавшихся, что такая постановка вопроса открывает возможность подмены принципа этнографического в деле создания новых национальных государств притязаниями, построенными на взаимоотношениях народов в далёком прошлом. Конференция закончилась, не приняв какого-либо решения по польскому вопросу.

В известной речи 5 января 1918 г. премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж заявил, что независимая Польша, «включающая в себя все исключительно польские элементы, которые пожелают стать её частью (comprising all those genuinely Polish elements who desire to form part of it)», составит необходимое условие стабилизации Восточной Европы³. Из этой речи британского премьера явствовало, в частности, что в будущую независимую Польшу войдут исключительно польские элементы и лишь при условии их согласия на это. В послании президента США Вильсона конгрессу (8 января 1918 г.), содержащем четырнадцать пунктов американской программы мира, спе-

в Лондоне были смущены тем обстоятельством, что члены комитета, якобы действовавшие в пользу создания независимого польского государства, уже тогда претендовали на чужеземные территории и считали, что будущая Польша «заменит Россию» на востоке Европы. Всё же правительство Англии (13 октября 1917 г.), а затем и правительства Италии (30 октября) и США (1 декабря) признали Польский национальный комитет «официальной польской организацией». Руководящую роль в Польском национальном комитете играли Р. Дмовский, бывший член Государственной думы, И. Падеревский, К. Скирмунт, бывший член Государственного совета в России, и др.

² Recueil des Actes diplomatiques, Traités et Documents concernant la Pologne. T. II. La question Polonaise pendant la Guerre Mondiale, p. 296—297. Paris. 1920.

³ «Daily Mail», 6 January 1918.

диально посвящённым Польше тринадцатым пунктом предусмотрено было, что подлежащее созданию независимое польское государство «должно будет включать территории, заселённые неоспоримо польским населением (which should include the territories inhabited by indisputably Polish populations)»¹.

Другую точку зрения развивало большинство польских общественных деятелей как в эмиграции, так и в оккупированных австро-германцами областях. Они придерживались своеобразной теории «исторического права», согласно которой лишь тот факт, что их предки некогда господствовали над другими народами и захватывали чужие земли, даёт и им «право» на угнетение, по крайней мере, в тех же географических пределах, в каких это удавалось их предшественникам. Эта концепция достаточно ясно дала себя знать в протесте, опубликованном Польским национальным комитетом 12 февраля 1918 г. по поводу заключения договора между Четверным союзом и предателями украинского народа из Центральной рады. Поляков возмутило, что в состав инспирируемой Германией «независимой» Украины включались территории, «которые были частью Польши перед разделом и даже частью Польского королевства, образованного Венским конгрессом 1815 года»². Этот документ показывал, что Польский национальный комитет рассматривал себя не как представитель этнографической Польши, но как представитель мёртвой Польши, бесславно закончившей своё существование в 1772 году.

Взгляды Польского национального комитета приобретали тем большее значение, что по воле французского правительства к нему перешло руководство польскими войсковыми соединениями во Франции, превращёнными из иностранной части французской армии в регулярную польскую национальную армию с автономными органами польской военной юстиции в ней, ряд консульских прав в отношении поляков и др.

На конференции глав стран Согласия в Версале 3 июня 1918 г. ещё раз произошёл обмен мнений по польскому вопросу. В результате была принята декларация, гласящая: «Образование польского единого и независимого государства, со свободным выходом к морю, составляет одно из условий прочного и справедливого мира и правопорядка в Европе»³. В этом решении чувствуется недоговорённость: в нём не подтверждается, но и не отвергается этнографический принцип, защищавшийся Вильсоном и Ллойд-Джорджем.

Чья же позиция заставила конференцию руководителей стран Согласия ограничиться двумя сжатыми строками решения по польскому вопросу? Это видно из письма Жоржа Клемансо, направленного им 5 сентября 1918 г. председателю Польского национального комитета Дмовскому. Глава французского правительства заверял Дмовского, что Франция «ничего не пожалеет для того,

чтобы возродить свободную Польшу согласно её национальным стремлениям и в рамках её исторических пределов»⁴.

Под влиянием этих заверений Клемансо польский генерал Иосиф Галлер в приказе от 6 октября 1918 г. по случаю своего вступления в командование всеми польскими вооружёнными силами, сражавшимися против Четверного союза, указывал, что поляки наряду с Варшавой и Краковом должны «освободить» Вильно и Львов⁵.

Когда правительства стран Согласия и США приступили к детальной разработке условий предстоящего соглашения о перемирии с Германией, Польский национальный комитет сделал несколько попыток добиться признания себя правительством де-факто и навязать отвечающее его взглядам решение о восточных границах будущего польского государства.

12 октября 1918 г. генеральный секретарь и глава военной секции Польского национального комитета Вьеловецкий направил союзным правительствам «мемуар». Отмечая неизбежность эвакуации австро-германских войск с захваченных ими территорий на востоке Европы, он предлагал незамедлительно подготовиться к занятию союзными войсками, по крайней мере, трёх наиболее важных русских стратегических пунктов: Брест-Литовска и укреплений в районе Каменец-Подольска и Ковно. «Эта оккупация, — писал Вьеловецкий, — гарантирует Польше безопасность с Востока и сможет служить как будущая база военных действий союзников в России»⁶.

Подкупая, таким образом, державы Согласия перспективой создания плацдармов для борьбы с Советской Россией, Польский национальный комитет пытался обеспечить себе захват руками союзников важных центров Украины, Белоруссии и Литвы. Предложение это было признано «в данный момент невыполнимым» даже представителями французского министерства иностранных дел.

На заседании Верховного военного совета союзников в Версале 1 ноября 1918 г. Клемансо поднял вопрос о предъявлении Германии требования эвакуировать её войска из Восточной Европы и специально из Польши. В связи с этим на следующий день произошла весьма характерная короткая дискуссия о восточных границах Польши. Маршал Фош поставил на обсуждение пункт проекта о перемирии, посвящённый германской эвакуации из Восточной Европы. В этом пункте содержалось в скрытом виде признание прав Польши на её «исторические границы». «Эвакуация германскими войсками... — гласил этот пункт, — всей территории Польши, понимая под этим прежнюю Польшу, какой она была до первого раздела, с Данцигом». Поддерживая Фоша, французский министр иностранных дел Пишон заявил: «Я настаиваю, что под эвакуируемыми территориями должны пониматься все гер-

¹ «The Times», 9 January 1918.

² Recueil... p. 350.

³ Ibidem, p. 465.

⁴ Ibidem, p. 527.

⁵ Ibidem, p. 557.

⁶ S m o g o r z e w s k i C. «L'union sacrée polonaise»... 1918. Paris, 1920.

ритории, которые составляли польское королевство до первого раздела 1772 года...» Тогда с резкой репликой выступил Бальфур: «Я с чувством тревоги услышал это предложение; Польша 1772 года, говорите вы, должна стать Польшей 1918 года. Это — не то обязательство, которым мы связаны. Мы связаны обязательством восстановить Польшу, состоящую из поляков. Польша 1772 года не отвечает этой цели, она не состоит исключительно из поляков». Заканчивая своё выступление, британский министр иностранных дел указал, что не следует включать в условия перемирия вопрос о границах новой Польши, а нужно ограничиться лишь общим пунктом о возвращении германских войск на линию границы 1914 года. Американский представитель полковник Хауз полностью поддержал Бальфура, и предложения Фоша и Пишона были отклонены¹.

Попытки Польского национального комитета прорвать политический и территориальный кредит у стран Согласия под вексель борьбы с Советской Россией продолжались. 4 ноября 1918 г. делегат Польского национального комитета при французском правительстве Пильц направил Пишону обширную ноту, лейтмотивом которой была мелодия о «большевистской опасности». Со своей стороны генерал Галлер обратился к Клемансо с письмом, в котором развивал целый план операций союзнических и польских войск в Восточной Европе и прежде всего — захват Львова и оккупацию наиболее важных пунктов «лимитрофов Польши»².

В те дни, когда деятели Польского национального комитета в Париже осаждали дипломатов держав Согласия просьбами помочь им в осуществлении насилия над другими народами, сторонники этого комитета на родине отмечали зарю национального освобождения Польши грабительскими нападениями на Западную Украину (Восточную Галицию), украинскими и еврейскими погромами по всей стране. События эти вызвали живейший отклик и энергичные протесты как широких демократических, так и официальных кругов в странах Европы и США. Министерство иностранных дел в Лондоне, в частности, 8 ноября 1918 г. сделало представление лондонскому делегату Польского национального комитета о том, что британское правительство «будет рассматривать с серьёзным неудовольствием какие бы то ни было действия, военные или другие, со стороны польского правительства в Восточной Галиции или в другом месте, могущие предвосхитить или предварить решения мирной конференции»³.

Отвергая линию поведения Польского национального комитета в вопросах будущих границ Польши, британское правительство сочло необходимым отклонить предложение французского министерства иностранных дел о признании комитета правительством Польши де факто⁴. Это не помешало Пишону

выдать желаемое за действительное и заявить 29 декабря 1918 г. в палате депутатов, что Польский национальный комитет в Париже признан в качестве «регулярного» (régulier) правительства Японией, Англией, США и Италией⁵.

Признание польского правительства оказалось, однако, делом затруднительным для стран Согласия, ибо на эту роль после подписания Компьенского перемирия претендовала одновременно с эмигрантским центром в Париже группа Пилсудского, захватившая власть в Варшаве. Располагая известными реальными позициями в Польше, группа Пилсудского надеялась завязать непосредственные отношения с державами-победительницами и одновременно использовать в своих захватнических целях германских империалистов. Поэтому в Варшаве был любезно принят германский посол граф Кесслер.

С германским правительством варшавские власти договорились о порядке освобождения Польши германскими войсками и об установлении демаркационной линии на востоке от Польши, где должна была продолжаться оккупация. Линия эта, в грубых чертах охватывая этнографически польские территории, проходила к западу и параллельно железной дороге Ковель — Брест-Литовск — Белосток — Граево⁶. Территории к востоку от демаркационной линии должны были оставаться в сфере германской оккупации. Территории к западу от этой линии и до границ с Германией переходили в ведение польской администрации. Создавалось нечто вроде временной восточной границы устанавливающегося польского государства. Этим разграничением варшавское правительство добивалось также образования обширного территориального буфера между собой и Советской Россией — буфера, которым, как показали последующие события, оно собиралось полностью овладеть. Более того: по соглашению с германским командованием отдельные польские отряды уже в первые дни польской независимости перебрасывались через полосу немецкой оккупации ещё дальше на восток и вступали в соприкосновение с советскими войсками⁷.

Но варшавское правительство всё же опасалось, как бы Польша не очутилась в положении нейтральной страны и не лишилась права участия в мирной конференции. Поэтому, используя все выгоды интриг и заигрываний с Германией, варшавское правительство 15 декабря 1918 г. вручило графу Кесслеру его паспорта и поспешило направить особую делегацию в Париж.

Министерство иностранных дел Франции отказалось вступить в сношения с посланцами варшавского правительства. Однако в Варшаву были направлены полномочные представители Польского национального комитета — Падеревский и другие — в сопровождении антантовских агентов. Во время

¹ Merméix «Les négociations secrètes et les quatre armistices», p. 246—248. Paris 1920.

² Smogorzewski С. Op. cit., p. 13—14.

³ Recueil... p. 584—585.

⁴ Smogorzewski С. Op. cit., p. 42—

⁵ «Journal officiel», 30 décembre 1918.

⁶ Пшибыльский «Войны польского империализма», стр. 80. М. 1931; Smogorzewski С. Op. cit., p. 29—30.

⁷ Пшибыльский Указ. сош. стр. 80

переговоров в Варшаве выяснилось, что обе группировки — варшавская и парижская — имеют общую им великодержавную программу аннексий. Для реализации этой программы объединёнными силами польские политики обоих лагерей вступили в соглашение и образовали коалицию, в которой Пилсудский остался главой государства, а Падеревский возглавил правительство.

В связи с благополучным исходом конфликта между двумя польскими центрами и ввиду приближения срока открытия мирной конференции Пишон 15 января 1919 г. информировал польских представителей, что Польше дано право быть представленной на конференции двумя делегатами. Это известие принято считать первым признанием союзными державами факта существования польского государства.

Верховный совет мирной конференции 29 января 1919 г. приступил к обсуждению польского вопроса. После заслушания доклада польского делегата на конференции — Дмовского — решено было направить в Польшу межсоюзническую миссию для изучения положения на месте. Руководителем миссии был назначен известный французский реакционер Нуланс, бывший посол в России, стяжавший себе печальную славу организатора антисоветских заговоров. Членами миссии были от Франции генерал Ниссель, ближайший сотрудник Нуланса по антисоветской деятельности, от США — Кернан и Лорд, от Англии — Говард и генерал Картон и от Италии — Монтанья и генерал Лонжена. В качестве постоянного органа конференции по польским делам была создана комиссия под председательством французского дипломата Ж. Камбона с участием И. Боумана от США, Турреля от Англии, де ля Торретта от Италии и Отшак от Японии¹.

Как и следовало ожидать, Нуланс использовал свой авторитет главы межсоюзнической миссии для оказания максимальной поддержки пилсудчикам в их стремлениях к территориальным захватам. Недаром польский сейм устроил в честь Нуланса восторженную демонстрацию, во время которой Падеревский провозгласил, что Польша «образует крепостную стену против большевизма»². Пилсудский тогда же заявил корреспонденту агентства Гавас, пугая «большевистской опасностью», что для «обеспечения надёжной защиты надо прежде всего предусмотреть наступательные действия»³.

Если комиссия Камбона сравнительно быстро смогла подготовить материалы о проекте польско-германской границы и представить 12 марта 1919 г. соответствующий до-

клад Верховному совету, то гораздо труднее подвигалось определение восточных границ Польши. Наметившиеся вскоре после Великой Октябрьской революции два направления политики европейских держав в польском вопросе исключительно резко дали себя знать на мирной конференции.

Один английский исследователь вопроса пишет, что «Франция представляла собой главного защитника польской экспансии». По его словам, Франция при этом исходила из того, что «великая и достаточно сильная Польша будет барьером против большевиков и союзником Франции в будущей войне против Германии»⁴. Итальянцы занимали позицию, в общем благожелательную польско-французским планам. Этим планам резко противостояли англичане. Предостерегая от создания нового варианта монархии Габсбургов, представители Англии последовательно добивались установления Польши в её естественных, этнографических пределах. Как разъяснил в палате лордов Керзон, целью союзников должно быть создание объединённой и крепкой Польши, без включения в её состав многих чужеземных единиц, которые явятся впоследствии источником слабости и распрей⁵.

На заседаниях Верховного совета часто происходили резкие дебаты по польскому вопросу. Приглашавшиеся на заседания польские делегаты выдвигали всё новые и новые требования. Однажды Ллойд-Джордж, разгневанный их претензиями, дал суровую отповедь Падеревскому. «Ещё вчера, — говорил английский премьер, — Польша была разделена на три куска и ваши сограждане сражались один против другого и все против независимости своей страны; сегодня, когда вы уверены в воскресшей Польше, которая будет иметь 20 миллионов жителей, вы требуете сверх того непопольское население, к примеру, в Галиции. Вы этого требуете у нас, вы, свобода которых добыта ценою смерти полутора миллионов французов... Это нашей кровью оплачена ваша независимость»⁶. Но, парализуемый отсутствием внутреннего единства и руководствуясь антисоветскими соображениями, Верховный совет в общем мирился с запросами и захватами поляков.

К решающему моменту Парижской конференции — подписанию мирного договора с Германией — руководители Антанты так и не сумели договориться о границах Польши. Они ограничились тем, что записали в статье 87-й Версальского мирного договора, что границы Польши, «не обозначенные настоящим договором, будут установлены впоследствии главными Союзными и объединёнными Державами»⁷. Тем самым с подписавшей договор Польши было взято обя-

⁴ Paton H. «Poland at the peace Conference. A history of the peace Conference of Paris», edited by Temperley. Vol. VI, p. 238, 242. London. 1924.

⁵ «Известия» от 16 марта 1919 года.

⁶ Mermeix «Le combat des trois», p. 245. Paris. 1922.

⁷ Версальский мирный договор, стр. 41. М. 1925.

¹ Fisher H. «America and the New Poland», p. 133—134. New York. 1928.

² Moriez St. du. «La question polonaise», p. 121—122. Paris. 1919.

³ «Temps», 2 avril 1919.

зательство признать эти границы в том виде, в каком они будут зафиксированы главными союзными державами.

Но всё же на конференции были вынесены некоторые предварительные решения в духе великодержавных притязаний польских панов и их французских покровителей. Недаром А. Тардьё, один из главных действующих лиц парижских переговоров, воспевая успехи Франции, писал: «Из-за Польши Франция ведёт шестимесячную борьбу с британскими предрассудками, борьбу за Данциг, борьбу за Верхнюю Силезию, борьбу за Львов, борьбу из-за перевозок дивизии Галлера, из-за снабжения военными материалами, из-за блокады Прибалтики, из-за обязательства оказать помощь для защиты в декабре 1919 г., из-за статута Восточной Галиции»¹.

В Западной Украине 18 октября 1918 г., ещё до того, как капитулировала Австро-Венгрия, сконструировалось национальное правительство, прокламировавшее образование Западноукраинской народной республики. Незамедлительно против этой республики начался мятеж, поднятый польскими организациями во Львове. Поддержанный вскоре вооружёнными силами из Варшавы и Кракова, мятеж постепенно превратился в войну Польши против Западной Украины.

Польские захватчики отважились на вооружённый разбой в те самые дни, когда Польша ещё ждала своего окончательного установления, а руководители стран Согласия съехались в Париж для осуществления чуть ли не вечного мира и образования Общества наций. В этой обстановке даже французские дипломаты, хотя бы внешне, оказались вынужденными отмежеваться от своих польских союзников.

Нуланс, как глава межсоюзнической комиссии в Польше, поручил французскому генералу Бартелеми провести временную демаркацию украинско-польской границы. Тем самым в принципе признавалось равное право Польши и Западной Украины на независимое друг от друга существование. Генерал Бартелеми, один из организаторов гражданской войны и румынской интервенции на юге Советской России, выдвинул такой проект демаркации, при котором к полякам отходили древняя столица Западной Украины — Львов — и нефтяные районы страны². Правительство Западноукраинской народной республики, к этому времени заключившее союз с Приднепровской Украиной, отвергло проект раздела страны и решило апеллировать к мирной конференции.

30 марта 1919 г. в парижской печати появился ответ Вильсона на телеграфное к нему обращение представителя Западноукраинской народной республики. Президент США сообщал, что он придаёт серьёзное

значение конфликту между Украиной и Польшей и считает нужным послать на место специальной межсоюзнической комиссии; он полагал, что Украина с доверием должна стесниться к стремлениям союзных правительств найти справедливое разрешение конфликта между Украиной и Польшей по вопросу о Восточной Галиции³.

Обещание Вильсона плохо гармонировало с решением, которое вырвали у Верховного совета союзников французские и польские представители: о переводе армии Галлера из Франции в Польшу. Ллойд-Джордж не скрывал своих опасений, что эти хорошо обученные и отлично вооружённые войска послужат для варшавских правящих кругов прекрасным орудием завоеваний. Поэтому Верховный совет союзников запретил использовать части Галлера против Западной Украины и взял соответствующее обязательство со стороны польского правительства. Украинским делегатам в Париже были даны успокоительные заверения.

Вскоре прибыла на место, согласно обещанию Вильсона, комиссия по изучению украинско-польского конфликта и демаркации границы между Польшей и Украиной, возглавляемая видным южноамериканским деятелем генералом Бота. Межсоюзническая комиссия, побывав в Западной Украине, наметила польско-украинскую границу, которая, начинаясь у Буга, обходила Львов с запада и, опускаясь на юг, к Карпатам, оставляла за украинцами нефтяные районы с центрами Борислав и Дрогобыч. Комиссия по польским делам 12 мая 1919 г. одобрила предложение миссии генерала Бота и решила сделать соответствующее представление Верховному совету⁴.

Именно тогда, 14—15 мая 1919 г., нарушая собственные обязательства, польское правительство двинуло свои вооружённые силы и в первую очередь войска, прибывшие из Франции, в новое наступление против Западной Украины. Командующим всем противоукраинским фронтом был назначен генерал Галлер. Беспрецедентный цинизм этих действий, выраженное в них презрение к своим обязательствам и открытое игнорирование решений мирной конференции наплч своих «учёных» защитников и толкователей. Один из них, некто Пшибыльский, откровенно и упоённо объяснял, что в таких приёмах польской политики виноваты... союзники: «Союзники, главным образом Англия, приняли по отношению к вопросу о передаче Восточной Галиции такую неблагоприятную позицию, что фактическое занятие территории и полное овладение ею составляли для Польши лучшую гарантию защиты её прав на эту территорию»⁵.

³ «Temps», 30 mars 1919.

⁴ Blociszewski J. «La restauration de la Pologne et la diplomatie européenne», p. 186. Paris, 1927.

⁵ Пшибыльский. Указ. соч., стр. 108.

¹ Тардьё А. «Мир», стр. 330. М. 1943.

² Martel A. «La France et la Pologne», p. 92. Paris, 1931.

В кругах Парижской мирной конференции надувательство и агрессия поляков вызвали большое возбуждение. Украинская делегация заявила о своём отъезде. По предложению Вильсона Совет четырёх выслушал жалобу украинцев. Но Клемансо сумел воспрепятствовать принятию каких-либо справедливых решений. Клемансо искусно использовал острый кризис в международных отношениях, вызванный опасениями того, что Германия откажется подписать Версальский мирный договор. Он спекулировал на революционных событиях, потрясавших Венгрию и ряд других европейских стран, и проповедывал политику полного окружения Советской России. В итоге 25 июня 1919 г., за три дня до срока, когда предстояло либо подписание Версальского договора либо отклонение его, Верховный совет решил предоставить Польше право проведения военных операций против советских войск до линии реки Збруч. Решение оговаривало, что оно не предвосхищает мнения Верховного совета о политическом статусе Галиции¹.

Комиссией по польским делам было внесено предложение установить над Западной Украиной, оккупированной польскими войсками, контроль Лиги наций и вручить Польше мандат на управление подконтрольной территорией в течение 25 лет. Был разработан проект обширного договора между союзными и объединившимися державами, с одной стороны, и Польшей — с другой. По этому договору, между Польшей и Западной Украиной устанавливалась граница, которая на юговостоке от Польши должна была идти по линии реки Сан и включать в себя округа Цешанув, Ярослав, Перемышль, Добромил и Лиско, передаваемые Польше; Западная Украина должна была иметь свой сейм, своё правительство, свои национальные военные формирования и т. д.

21 ноября 1919 г. Верховный совет одобрил проект договора, и он был сообщён Польше. Польское правительство 10 декабря 1919 г. ответило нотой, в которой указывало, что предоставление автономии Западной Украине под контролем Лиги наций явится источником смутений и беспорядков в государстве и будет служить постоянной угрозой внутреннему миру. Клемансо специально посетил Лондон, чтобы убедить Ллойд-Джорджа в серьёзности аргументации поляков и необходимости повременить с установлением мандата на Западную Украину².

Не внесли ничего нового в международно-правовое положение Западной Украины и договоры, заключённые союзными державами 10 сентября 1919 г. в Сен-Жермен-ан-Ле с Австрией и 4 июня 1920 г. в Трианоне с Венгрией. 10 июля того же года в Севре Румынией, Чехословакией, Сербо-словено-хорватским государством и Польшей, с одной стороны, и Францией, Великобританией, Италией и Японией — с другой, был подписан специальный договор, точно определявший границы первой из поименованных

групп государств. Договор признавал суверенитет Польши на территориях бывшей Австро-венгерской монархии к северу от линии, исключавшей Западную Украину. По договору, Польша, Чехословакия и Западная Украина рассматривались как равные субъекты международного права, имеющие общую сопредельную пограничную полосу³.

Польша, саботируя обязательство о признании границы в том виде, в каком она будет установлена главными союзными и объединившимися державами (обязательство, содержащееся в статьях 87-й Версальского мирного договора, 89-й Сенжерменского мирного договора и 74-й Трианонского мирного договора, подписанных Польшей), отказалась подписать договор об установлении пограничного размежевания между вновь образованными государствами в связи с тем, что территория Западной Украины признавалась не принадлежащей Польше. Союзники не попытались заставить Польшу выполнить свои обязательства.

Столь же произвольно, путём насилия и нарушения международного права, утверждала Польша центральную и северную части своей восточной границы.

Верховный совет союзных и объединившихся держав, собравшихся на мирную конференцию в Париже, одобрил представление своей комиссии по польским делам об установлении границ Польши в соответствии с принципами вводной части особого договора в защиту прав национальных меньшинств, который был заключён между США, Великобританией, Францией, Италией и Японией и Польшей и подписан 28 июня 1919 г., в день подписания Версальского мирного договора с Германией⁴.

Этот международный акт исключительной принципиальной важности указывал, что Польша осуществляет суверенитет «над частью бывшей Российской империи, населённой в большинстве поляками», и решал, что пока ещё не установленные границы Польши должны быть «определены главными союзными и объединившимися державами».

Стремясь поставить мирную конференцию перед свершившимися фактами, польское правительство ещё в феврале 1919 г. на основе соглашения с Германией о смене польскими войсками немецких оккупационных войск на востоке от Польши перебросило свои вооружённые силы на линию Скидель — Зельвянка — Ружаны — Пружаны — Кобрин, а также захватило Белосток. Поляки заняли Слоним, Пинск, обманым путём захватили Вильно, затем Барановичи, Лиду, Ровно, Сарны и продвинулись до рек Березина и Стырь. Широко используя материаль-

³ Błociszewski J. Op. cit., p. 189—190; «A history of Peace Conference of Paris», edited by Temperley. Vol. IV, p. 135—136. London. 1921.

⁴ Договор опубликован в приложении к «A history of the Peace Conference of Paris», edited by Temperley. Vol. V, p. 437—446. London. 1921.

¹ Błociszewski J. Op. cit., p. 187.

² Ibidem, p. 188—189.

ную и дипломатическую поддержку Франции, поляки стремились «силой создать совершившийся факт, чтобы позднее получить признание де юре. Надо было саблей разрешить вопрос о восточных границах Польши, стоящий на очереди в высших международных комиссиях»¹.

Главные союзные державы прошли мимо применённого поляками кавалерийского метода разрешения международных вопросов. 8 декабря 1919 г. они приняли «Декларацию по поводу временной восточной границы Польши», подписанную Клемансо как председателем мирной конференции.

«Главные союзные и объединившиеся державы, — говорилось в декларации, — признав, что важно прекратить, поскольку это возможно, состояние современной политической неуверенности, в котором находится польская нация, и не предвосхищая окончательного решения о восточных границах Польши, декларируют признание в настоящее время прав польского правительства осуществлять в порядке, предусмотренном договором с Польшей от 28 июня 1919 г., организацию регулярной администрации на территориях бывшей Российской империи, находящихся к западу от ниже установленной линии...»

Началом пограничной линии была избрана точка, где бывшая граница России и Австро-Венгрии сходилась с рекой Буг; отсюда граница должна была идти по течению Буга, оставляя Брест-Литовск России, и к югу от Немирова отойти от течения Буга, повернуть на северо-восток; далее граница должна была повернуть на север и спуститься по течению реки Свислочь (приток Немана) и следовать, оставляя Гродно России, и т. д. до пункта, где новая граница сходилась со старой границей между Россией и Восточной Пруссией»².

Намеченное разграничение (получившее затем наименование «линии Керзона», по имени отстаивавшего его нового британского статс-секретаря по внешним делам) в целом соответствовало этнографическим границам Польши, но не отвечало великодержавным аппетитам пилсудчиков и кое-кого из их зарубежных вдохновителей.

После решения Верховного совета союзных и объединившихся держав советское правительство 22 декабря 1919 г. обратилось к польскому правительству с предложением мирных переговоров. Это было не единственное аналогичное предложение. За ним последовали обращения от 28 января 1920 г. и от 2 февраля 1920 года. Польское правительство не выражало желания ни признать решения о границе, принятое Верховным советом, ни вступить в переговоры с советским правительством.

Державы Антанты, использовав Польшу Пилсудского для нанесения ударов Советской России, в новой обстановке, созданной разгромом белогвардейской контрреволюции

в России, постепенно приходили к выводу о нецелесообразности дальнейшей вооружённой борьбы уже ослабленной Польши против Советской России. 24 февраля 1920 г. Верховный совет на заседании в Лондоне принял решение о том, что он не видит оснований поддерживать польскую агрессию против России и что Польша может рассчитывать на поддержку только в случае угрозы для «законной границы (legitimate frontiers)»³. Такой «законной границей» считалась линия, утверждённая декларацией от 8 декабря 1919 года.

6 марта 1920 г. советское правительство ещё раз сделало мирные предложения Польше. Лишь 27 марта 1920 г. последовал польский ответ, в котором выражались пожелания о начале мирных переговоров, причём местом переговоров назывался город Борисов и предлагалось заключение местного перемирия. Советское правительство считало необходимым предварительным условием мирных переговоров прекращение военных действий на всём фронте. 7 апреля 1920 г. польское правительство предъявило ультимативное требование о ведении переговоров в Борисове и при условии лишь местного перемирия. На следующий день, 8 апреля 1920 г., советское правительство обратилось к правительствам стран Согласия с указанием на затруднительность ведения мирных переговоров в зоне военных действий и выразило готовность начать мирные переговоры с Польшей в Лондоне, Париже или другом месте. Безрезультатность этого обращения побудила советское правительство выступить 23 апреля 1920 г. с предложением об открытии советско-польских переговоров в Гродно или Белостоке. Мирная политика советского правительства, видимо, рассматривалась в Варшаве как признак его слабости, и авантюристы, правящие Польшей, 26 апреля 1920 г. начали широкое вторжение на советские земли. Они не хотели довольствоваться землями, лежащими за линией фронта, которую Ленин называл «линией Пилсудского»⁴, они имели целью отторгнуть от советской державы Правобережную Украину и Белоруссию и помочь белогвардейской армии Врангеля. Когда Красная Армия нанесла сокрушительный удар польским войскам и погнала их далеко на запад, польское правительство, столько раз нагло попиравшее благоразумные рекомендации своих высших покровителей, поспешило воззвать о помощи к собравшейся в Спа международной конференции.

10 июля 1920 г. представители держав, собравшиеся на конференции в Спа, вынесли обширное решение по польскому вопросу. Предлагалось добиться перемирия на советско-польском фронте на условии повсеместного отхода польских войск за линию, признанную 8 декабря 1919 г. в качестве

¹ Пшибыльский. Указ. соч., стр. 100—101.

² Błociszewski J. Op. cit., p. 192—193.

³ Wilson Harris H. «The Bolsheviks and diplomacy. A history of the Peace Conference of Paris», edited by Temperley. Vol. VI, p. 319. London. 1924.

⁴ См. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 406, 483, 487.

границы Польши («линия Керзона»). В Восточной Галиции подлежала образованию нейтральная зона по фактической линии нахождения советских и польских вооружённых сил. В Лондоне должна была состояться конференция представителей Советской России, Польши, Финляндии, Латвии и Литвы. Предусматривалось предоставление возможности представителям Западной Украины предъявить свои требования Лондонской конференции. Кроме того польское правительство обязывалось принять решения Верховного совета о границах Литвы, о будущем устройстве Западной Украины, о Тешине и о польско-данцигском договоре¹.

Решения, принятые в Спа, требовали от Польши проведения политики международного сотрудничества и уважения к международным актам. Показательно, что конференция сочла необходимым снова поднять вопрос о положении Западной Украины.

12 июля советским правительством была получена нота, подписанная Керзоном. В ноте указывалось, что, по условиям предлагаемого к немедленному заключению перемирия, польская армия должна будет отступить «на линию, намеченную в прошлом году мирной конференцией в качестве восточной границы области, в которой Польша имеет право вводить польскую администрацию.

Линия эта приблизительно проходит так: Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и дальше западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат»².

Широко используя военную поддержку Франции и деятельность её военной миссии во главе с генералом Вейганом, в критические дни войны фактически отстранившим от оперативного руководства польскими войсками и главнокомандующего Пилсудского и военного министра Соснковского, Польша уклонилась от действительных переговоров с Советской Россией. Помогли ей, кроме поддержки французского командования, вредительские действия Троцкого и его сторонников среди тогдашнего командования Красной Армии. Несколько улучшив своё военное положение, но опасаясь новых ударов со стороны Красной Армии, Польша пошла на мирные переговоры и отказалась от захваченных ею территорий. Однако, пользуясь тяжёлым положением Советской России и отвергнув предложение советского правительства о проведении демократического плебисцита в Восточной Галиции, польское правительство навязало Советской России договор, заключённый 18 марта 1921 г. в Риге (Рижский мир), по которому западные части Украины и Белоруссии остались аннектированными Польшей.

★

Действуя теми же методами открытого разбоя, Польша установила и северный участок своей восточной границы.

Ещё 19 апреля 1919 г. поляки обманым путём захватили Вильно. Вскоре вопрос об этой агрессии был поставлен перед Верховным советом союзников, который 18 июля 1919 г. установил демаркационную линию между Польшей и Литвой. Получив название «линии маршала Фоша», эта линия должна была начинаться у реки Неман и проходить параллельно железной дороге Гродно — Вильно — Двинск.

Поляки не только и шагу не сделали для того, чтобы уйти за «линию маршала Фоша», но продолжали наступление. Когда их изгнала Красная Армия, освобождённое Вильно было передано Литве. После отхода советских войск между Польшей и Литвой начались дипломатические переговоры, прерывавшиеся частыми провокациями и вооружёнными нападениями со стороны поляков. Литва апеллировала к Лиге наций. Последняя направила в Вильно специальную комиссию и оказала значительное влияние на Польшу, побудив её подписать 7 октября 1920 г. договор с Литвой, признающий её права на Вильно и прилежащие территории. А 9 октября 1920 г. польские войска вторглись на литовскую территорию и захватили Вильно. Попытки принудить поляков к восстановлению справедливости закончились неудачей. Виленский вопрос в течение многих лет являлся одной из угроз миру и безопасности Восточной Европы.

Так, вся восточная граница послеверсальской Польши оказалась созданной не на основе добрососедской договорённости заинтересованных государств, учитывающих национальный состав населения, его волеизъявления и стремления, а путём разнузданной агрессии, путём империалистических войн со стороны одержимых великодержавными замыслами польских правителей. Глумясь над принципами международного права, над собственными международными обязательствами, над правами народов и государств, польские паны строили Польшу как тюрьму народов, отторгнутых от родины.

Создание той уродливой Польши, которая насильно удерживала в своих границах миллионы украинцев и белоруссов, оказалось возможным вследствие либо прямой поддержки со стороны некоторых великих западных держав либо их непротivления панской агрессии. Но эти границы не были признаны народами, права которых попрали поляки. Эти границы искусственно разорвали на части украинские и белорусские земли, лишили литовцев их столицы. Продукт разбойничьей политики огня и меча, эти границы были ещё до своего установления обречены на то, чтобы в новой исторической обстановке исчезнуть и уступить место новой восточной границе грядущей демократической, сильной и единой Польши.

¹ Błociszewski J. Op. cit., p. 196.

² «Известия» от 18 июля 1920 года. В газете ошибочно напечатано Валовка вместо Яловка.

ПАМЯТИ ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВКП(б) В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Акад. Ем. Ярославский

Товарищи! История нашей партии представляет для всего советского народа великую школу знаний общественных отношений, знаний законов развития общества, знаний условий победы социализма в одной стране.

История нашей партии есть великая школа мужества для советского народа, школа непревзойдённого мужества, все качества которого особенно проявились в эти дни Великой отечественной войны.

60 лет прошло с того момента, когда образовалась в России первая марксистская организация — группа «Освобождение труда», — выступившая в сентябре 1883 года.

Это был период необычайно тяжёлый для нашей страны, период, который историки общественных отношений в России характеризуют как период безвременья, когда была разгромлена партия «Народная воля», когда потерпело крушение движение народничества, период, захвативший свыше десятилетия, когда, казалось, нет сколько-нибудь значительной общественной силы, которая могла бы поднять знамя борьбы против царского самовластия, против бесправного положения рабочего и крестьянина.

И вот выступает группа «Освобождение труда». Она теоретически обосновала программу рабочего класса. Она ещё не была связана с рабочим движением, но выполняла колоссальную работу по распространению марксизма, она выполняла огромную работу критики, идеологического разгрома народничества, которое являлось идейным препятствием к образованию рабочей партии.

Понадобилось примерно десять лет, пока марксистские кружки в России, марксистское движение в России обрели в лице Владимира Ильича Ленина вождя, который сумел соединить марксистскую теорию с практическими задачами рабочего движения, создав «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — первую, зародышевую ячейку боевой рабочей партии нового типа.

Вы знаете, что «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» послужил образцом, примером для создания других подобных организаций.

Именно в этот период ещё шире распространяется марксистская теория. Ленин выступил не только как глубокий знаток, как глубокий теоретик марксизма, но также как замечательный организатор рабочего класса.

Именно Ленину принадлежит заслуга выделения из различных марксистских групп, из всего того капитала, который был накоплен движением революционного марксизма, основного костяка — нашей большевистской партии.

В этом году исполнилось 40 лет со времени образования большевистской фракции, большевистской группы, которая превратилась в пар-

* Стенограмма вводной лекции по курсу истории ВКП(б) на открытии работы I курса Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) 16 августа 1943 года. Публикуется впервые.

тию. Это величайшая заслуга Ленина, потому что без образования большевистской партии немислимо было разрешение исторических задач, которые стояли перед рабочим классом нашей страны.

Вспомните, какая была обстановка в этот период. Это были пред-революционные годы. Рабочий класс завоевывал своё место гегемона буржуазно-демократической революции. Он поднимал своей борьбой широкие слои крестьянства, он спланивал своей борьбой трудящиеся массы, угнетённые царизмом национальности, он поднимал на борьбу огромную, многомиллионную армию трудящихся России.

Надо было в этот период ковать партию, которая способна свалить царизм.

Когда оглядываешься назад и представляешь себе партийную организацию того времени, поистине поражаешься глубокой уверенности революционных марксистов в том, что величайшие задачи будут разрешены несмотря на всю их сложность, всю их трудность.

В самом деле: небольшие подпольные группы марксистов, имеющие сравнительно примитивную технику для печатания и распространения своих подпольных изданий, только что начавшие создавать свои первые вооружённые ячейки, только что завязавшие связи в войсках с передовыми, революционно настроенными солдатами и матросами, борются не только против царизма, против огромной машины, которая имеет в своём распоряжении армию, полицию, жандармерию вместе с огромным судебным, полицейским аппаратом для подавления революции, для подавления народных масс, но эта партия, для того чтобы завоевать своё место гегемона революции, вождя, ведёт также борьбу и против всех других партий, разоблачая их непоследовательность, подталкивая одних и разоблачая предательство других.

Огромная идейно-политическая воспитательная работа партии с массами, её руководящая роль во всех передовых схватках, её непревзойдённое умение разговаривать с массами понятным этим массам языком и выдвигать перед ними задачи, которые они могут осуществить, — всё это выдвинуло нашу партию на роль организатора борьбы всего народа. Строго классовая, пролетарская партия, партия революционного марксизма была вместе с тем с самого начала своего существования всенародной партией, ибо никто кроме неё не сумел так глубоко сочетать задачи борьбы за социализм, задачи пролетарской борьбы, с задачами борьбы за демократическое преобразование нашей страны, за разрушение всех пережитков и остатков крепостничества, за сплочение всех трудящихся для борьбы за новое человеческое общество.

Идейная работа партии выдвинула её и на международную арену как борца за создание подлинно революционных, марксистских партий. И на международной арене наша партия вела в годы подполья борьбу против всех оппортунистических, против вражеских элементов, которые мешали рабочему классу, его революционной борьбе.

Партия выступила как организатор трёх революций. Задача, которая казалась такой непосильной, такой огромной в 1903—1905 гг., — свержение царизма — была осуществлена в 1917 г. потому, что рабочий класс имел большевистскую партию. Без этой партии немислимо было бы выполнение такой грандиозной исторической задачи.

Надо ли доказывать сегодня, что это было возможно лишь потому, что во главе рабочего класса, во главе деревенской бедноты, во главе революционных элементов царской армии в 1917 г. выступила наша славная партия Ленина и Сталина. И, как ни трудна была эта задача, как ни каркали чёрные вороны из всех других партий — меньшевистских, эсеровских, кадетских и других, — великая, историческая задача была выполнена: впервые в истории человечества победила социалистическая революция. И знамя, поднятое в 1917 г., более четверти века высится над великой нашей страной, и оно не опустится никогда!

Партия большевиков выступила как организатор первого в мире социалистического государства. Никакого опыта построения социалистического государства нам история не оставила. Мы имели великолепно разработанную марксистско-ленинскую теорию, и это послужило основой всех наших действий, основой движения вперёд на трудном пути построения первого в мире социалистического государства, первого в мире социалистического общества.

Мы имели кратковременный опыт Парижской коммуны, которая дала кое-какие общие указания; мы имели замечательную программу, созданную Марксом и Энгельсом ещё в конце 1847 и в начале 1848 г. в виде «Коммунистического манифеста». Но нам пришлось действовать в новую эпоху, в эпоху империализма, после четырёх лет первой мировой войны, в разорённой стране, в стране, где подавляющая масса населения, в особенности национальная окраина, была неграмотна, в стране, где капиталисты и помещики при поддержке интервентов поднимались против народа, против рабочих и крестьян в гражданской войне. Руководимая партией Ленина — Сталина, наша страна построила социалистическое государство, социалистическое общество, которое в дни Великой отечественной войны выдержало испытание во всех отношениях. И политическая система этого государства оказалась самой прочной, нерушимой. И экономическая основа этого государства дала возможность вести самую тяжёлую войну. И вооружённые силы этого государства поражают мир своими мужеством, выдержкой, стойкостью и непоколебимой волей к победе.

Ничто не может помешать нам покончить с самым гнусным выродком человечества, с самым злейшим врагом народа — фашизмом. И эту роль мы выполняем потому, что во главе нашей Красной Армии стоит организатор нашей партии, нашего советского государства, нашей Красной Армии — великий полководец товарищ Сталин.

Когда мы изучаем историю партии в дни Великой отечественной войны, мы невольно останавливаемся особенно подробно на главах гражданской войны, на годах борьбы с интервенцией. Этот величайший опыт нам помогает, мы в прошлом нашем черпаем уверенность в грядущей нашей победе.

Товарищ Сталин не раз указывал на период 1918—1919 гг., когда мы не имели такой военной техники, как сейчас, когда страна была разорена предыдущей войной, когда у нас не было союзников, когда мы были одни.

Мы изучаем документы гражданской войны по истории партии, мы изучаем эту изумительную историю, когда мы одни боролись против огромной коалиции империалистических государств и победили.

Мы по-новому изучаем сегодня историю партии. Когда мы в VIII главе, например, подходим к итогам гражданской войны, а эти итоги, я должен сказать, от слова до слова сформулированы товарищем Сталиным, мы видим, что те самые условия, которые дали нам возможность победить в гражданской войне, победить и разгромить интервентов, — они и сегодня, в новой обстановке, помогают нам выполнять нашу великую задачу.

Наша партия выступила в роли организатора невиданного по своим размерам, по своей глубине величайшего, исторического значения строительства трёх сталинских пятилеток.

Всё значение этого строительства мы познали в дни Великой отечественной войны. И здесь надо сказать особенно о гениальности предвидения, которое было в разработке этих трёх сталинских пятилеток. Вы помните борьбу, которую вела партия против правых и «лева-

ков» в вопросах социалистического переустройства нашей страны, какую борьбу мы выдержали за то, чтобы выполнить эти три сталинские пятилетки, которые преобразовали совершенно нашу страну.

Нельзя даже представить себе сегодня, в каком тяжёлом положении мы очутились бы, если бы не была разрешена эта грандиозная задача.

Ведь товарищ Сталин предвидел неизбежность того обстоятельства, что Восток, Урал, Сибирь, отчасти Дальний Восток и вся Средняя Азия должны будут стать поставщиками оружия и всего, что необходимо для ведения войны, если только возникнет война с Запада, а если она возникнет на Востоке, то в этом случае создание Второго Баку и второго Донбасса на Востоке должно будет сыграть роль совершенно исключительную.

Мы видим не только на общих планах этого строительства, мы видим и на деталях этого строительства, как глубоко товарищ Сталин предвидел военную обстановку борьбы.

Враг захватил в короткое время довольно обширные территории с густой сетью железных дорог, с развитой промышленностью. Нам пришлось в 1941 г. почти что до конца перебазировать эту промышленность, перевозить, эвакуировать в глубь страны заводы, рабочих, станки. Выполнение этой задачи невозможно было бы без социалистической реконструкции и нашей промышленности и нашего транспорта, без воспитания огромных кадров рабочих, техников, инженеров (всем этим мы были страшно бедны в начале первой пятилетки). Здесь мы не только смогли выполнить эту задачу, но уже в конце 1941 г. и в начале 1942 г. смогли дать такое количество вооружения, такое количество боеприпасов, которое обеспечило разгром немцев под Москвой, Ростовом, Тихвином, Ленинградом, Калинином, а в 1942 г.— под Сталинградом и Воронежем. И наконец, в 1943 г., летом, начато было наступление против врага, который подготовил на коротком пространстве для наступления огромное количество танковых дивизий и по 5—8 комплектов снарядов на каждую дивизию.

Мы не могли бы достичь подобных результатов, если бы не было этой грандиозной социалистической перестройки. Нечего говорить уже о том, что без этой грандиозной перестройки мы не имели бы такого сельского хозяйства, которое в условиях войны, когда мобилизовано такое огромное количество людей, транспорта, когда общая площадь посева в связи с занятием врагом ряда районов значительно сократилась, смогло в достаточной мере снабжать страну и армию. Мы не могли бы этого сделать, если бы не была нашей колхозной, социалистической системы сельского хозяйства, которая не деградировала, как это бывает во время больших войн, а, наоборот, показывает образцы роста по целому ряду наших областей.

Когда мы теперь изучаем период борьбы за социалистическую реконструкцию народного хозяйства, мы не должны забывать ни на одну минуту, что и здесь мы храним наше наследство, как говорил Ленин, не как архивариус, не для того, чтобы восхищаться, как мы, мол, хорошо сделали, а надо иметь в виду ту грандиозную задачу, которая стоит сейчас перед нами. Мы ведём войну самую кровопролитную, страшную. Враг уничтожил десятки городов, тысячи и тысячи селений сравнял с землёй. Недаром обозреватели говорят, что на многих участках Сталинграда местность напоминает лунный ландшафт: на десятки километров площадь земли изрыта воронками от снарядов и бомб, траншеями, рвами, окопами.

Нам придётся много и много работать, чтобы восстановить сотни городов, тысячи и тысячи селений, чтобы снова восстановить жизнь на этих опустошённых врагом землях. И мы будем черпать в истории нашей партии, в истории строительства Днепротэса, Кузбасса вдохновение,

мужество, уверенность. Мы указывали нашим людям в трудные моменты войны, как тяжело нам было в 1918 г., когда враг подступал к Петрограду, как тяжело было, когда денкиинцы подступали к Орлу и Туле.

Мы указываем в нашей пропаганде, агитации, в нашей восстановительной работе новым людям, как в прошлом преодолевали мы величайшие трудности, и на этом прошлом учим наших людей строить на этой земле ещё более прекрасную жизнь, жизнь социалистического общества.

Мы в прошлом, нашем тяжёлом прошлом, черпаем для себя громадный опыт связи с массами.

Не было и нет другой партии, которая была бы так тесно связана с массами, как большевистская партия.

Ленин говорил, что надо уметь, если надо, слиться с беспартийной рабочей массой.

Товарищ Сталин указывал, как опасно отрываться от масс. Когда у нас началось великое движение за коллективизацию сельского хозяйства, кое-где обнаружили перегибы — люди хотели быстрее дорваться до ста процентов коллективизации, — я знаю здесь, в Московской области, случай, когда не хватало одной сотой доли до ста процентов, так как не хотела вступать в колхоз одна какая-то старуха, и она всё же была учтена. После выступления товарища Сталина, когда начали проверять, то скатились до 11% — товарищ Сталин указал, насколько опасно отрываться от масс, забегать вперёд.

И сейчас, в дни Отечественной войны, мы особенно чувствуем, какое огромное значение имеет, когда партия рабочего класса идёт впереди, идёт со всей массой народа. Этому учат нас Ленин и Сталин.

Помните, как Владимир Ильич говорил, что если сомкнуться с самой широкой крестьянской массой, потом не будет уже такой силы, которая смогла бы остановить наше движение.

И вот этому непревзойдённому уменью — связаться с массой — мы учимся у истории нашей партии.

И ещё один важный урок этой борьбы. Это было со всякого рода извращениями, даже с самыми мелкими извращениями линии партии. Ибо самые маленькие извращения линии партии, даже мало заметные, если с ними своевременно не вести борьбу, если отнестись к ним беззаботно, могут вырасти в очень серьёзную ошибку, могут принести огромный вред.

Когда мы подходим к изучению борьбы с различного рода внутрипартийными группировками, извращавшими линию партии, и видим, как эти группировки потом складывались в подпольные антипартийные группы, как эти группы потом перерастали в шпионские организации, мы должны из этого извлечь определённые уроки.

Мы знаем, что буржуазная пресса — европейская, американская — очень много проливала слёз по поводу того, что большевики ведут очень суровую, слишком непримиримую борьбу. А ведь в этой-то непримиримой борьбе с врагами большевизма, с малейшими извращениями линии партии — исключительная сила большевиков.

Какая была бы опасность для нашей страны, если бы до войны мы не выкорчевали без остатка благодаря бдительности нашей партии, благодаря бдительности товарища Сталина все бухаринские, троцкистские, рыковские и всякие другие группировки, ставшие прямыми пособниками и агентурой врага, группировки, переродившиеся в диверсионные группы! Все эти тухачевские, гамарники, якиры, которые имели известное положение в армии, — какой огромный вред они могли бы принести нашей стране, если бы своевременно мы не уничтожили это осиное диверсантское гнездо, не уничтожили их физически!

История нашей партии показывает, что, пользуясь марксистско-ленинским методом, величайший теоретик нашей партии товарищ Сталин ещё до второй мировой войны, когда только что обрисовывались её первые

контуры, сумел предугадать и направление этой войны и всю глубину её опасности. Формулировки, данные в «Кратком курсе» истории ВКП(б) в связи с нарастанием опасности второй мировой войны, отличаются изумительной чёткостью, точностью, все положения оправданы ходом войны.

Подготовка к этой войне нами велась не только на заводах, изготавливающих пушки, самолёты. Это было, конечно, самым необходимым условием успешности нашей борьбы, ибо партия предвидела, что нам придётся вести тяжёлую борьбу, отражать натиск врага, вооружённого до зубов новейшей техникой. Но мы вели и другого рода подготовку к этой войне — подготовку идеологическую.

И товарищ Сталин, когда обсуждался вопрос о перестройке нашей пропагандистской работы в связи с выпуском «Краткого курса» истории ВКП(б), указал, что этот курс должен идейно вооружить против фашизма всех наших советских людей, чтобы они устояли при всех, самых тяжёлых испытаниях. Трудно даже сказать, какое громадное значение имеет эта идейная подготовка, в которой изучение «Краткого курса» истории ВКП(б) сыграло самую важную роль.

В Музее Ленина вы можете видеть очень интересный экземпляр «Краткого курса» истории ВКП(б), пробитый пулей, — в нём застряла пуля. Танкист возил с собой «Краткий курс» истории ВКП(б) и, очевидно, в перерывах между боями изучал историю партии: это давало ему силу для борьбы в самой трудной обстановке. Он не полагался на броню только своего танка, на пушку, которую возил этот танк: он считал необходимым вооружить себя знанием истории партии, идейно сохранить себя для борьбы с врагом.

Больше двадцати миллионов экземпляров «Краткого курса», изданного на языках народов нашей страны и народов мира, конечно, сыграли огромную роль в идейном вооружении трудящихся не только в нашей стране, но и за рубежом. Ибо не было ни у одного народа такой изумительной истории за последние десятилетия, как у нашего народа, и не было ни одной другой партии, которая могла бы вести народ к такому глубокому изменению, преобразованию всей жизни, как ведёт наш народ, нашу страну великая партия Ленина — Сталина.

Может быть, лучшим доказательством значения нашей партии для нашего народа является число принятых во время войны в партию. Идёт страшная война. Только тогда, когда народ уверен в победе, когда уверен в том, что партия большевиков стоит на верном пути, только тогда возможен такой факт, что за время войны принято в партию кандидатов больше двух с половиной миллионов человек, а в члены партии принято около одной четверти миллиона. При этом, вы знаете, многие вступают в партию перед боем, они хотят умереть коммунистами, если смерть застигнет их, или победить коммунистами, членами той партии, которая построена Лениным и Сталиным.

Это есть выражение величайшего уважения, доверия народа к нашей партии, это есть выражение уверенности народа в том, что партия Ленина — Сталина — организатор великих побед советского народа и в Великой отечественной войне ведёт народ к победе.

С роспуском Коминтерна каждая коммунистическая партия действует самостоятельно, руководствуясь громадным опытом, накопленным за это время. Ряд компартий ведёт с достоинством, мужеством, в полном соответствии с великими заветами марксизма-ленинизма борьбу за независимость, честь и свободу своего народа. Можно указать, например, на компартию Франции.

Несомненно, что наша большевистская партия послужила образцом для других коммунистических партий. В арсенал борьбы рабочих партий других стран уже прочно вошло величайшее наследие — идейное, организационное, тактическое — большевистской партии.

И вот когда сегодня, в величайшие дни войны, мы мысленно проходим путь борьбы нашей партии, когда мы изучаем историю победы над царизмом, над помещиками и белогвардейскими армиями и армиями интервентов, когда мы изучаем, как наша партия победила экономическую отсталость нашей страны и превратила её в могучую социалистическую, индустриальную и колхозную державу, когда мы изучаем, как наша партия сумела из огромного конгломерата народов царской России, свобода которых подавлялась, культура которых подавлялась, создать нерушимое, великое содружество народов, — тогда у нас ещё больше крепнет уверенность в том, что мы сумеем не только завершить победой эту войну против ненавистного врага, но мы сумеем с честью разрешить величайшие задачи, которые встанут на другой день после войны.

Нам надо эту уверенность передать всем нашим народам, самым отсталым и далёким слоям. Для этого надо тщательно изучить прошлое нашей страны, историю нашего народа.

Мы должны детально изучать историю нашей партии, учитывая особенно вопросы, которые стоят перед нами сейчас, во время войны. Особенно следует изучать вопрос об огромной роли русского народа как ведущего народа, без мужественной борьбы которого, без объединяющей роли которого не могли бы самостоятельно справиться с задачами народы нашей страны.

Без ведущей, организаторской роли нашего русского народа эти народы могли бы стать добычей врага.

Сейчас, во время войны, пишутся поучительные новые главы истории нашей партии, истории нашего народа. Это будут самые яркие, самые поучительные главы нашей истории.

И мы имеем в книге товарища Сталина «О Великой отечественной войне Советского Союза» основы этой новой главы истории партии. Это есть продолжение той огромной теоретической работы, которую товарищ Сталин вёл всегда, начиная с юных лет, когда он только что приобщался к революционной работе марксистских кружков в Закавказье. И сегодня, в дни Отечественной войны, товарищ Сталин, на плечах которого лежит огромная работа по выполнению сложнейших государственных задач, товарищ Сталин, который руководит нашей партией, находит время и для огромной теоретической работы. Ибо его обращения к народу, начиная с 3 июля 1941 г., его приказы, его многочисленные заявления, собранные в этой книге, являются результатом большой теоретической работы, глубокого понимания международных отношений, общественных отношений, отношений внутри страны, глубокого предвидения хода войны, того, что мы должны делать, чтобы победить.

Руководимая товарищем Сталиным, руководимая партией Ленина—Сталина, страна наша идёт к победе.

Как ни тяжелы бои, которые ведёт Красная Армия сейчас, стремительно двигаясь на запад, но то обстоятельство, что во главе нашей армии стоит Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин, вселяет в нас глубокую уверенность, что недалёк час, когда сверкающий меч возмездия опустится на голову ненавистного врага и снесёт эту голову.

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ИСТОРИК Е. М. ЯРОСЛАВСКИЙ

А. Панкратова,
член-корреспондент АН СССР

I

В одной из своих статей, написанных в дни Великой отечественной войны, Е. М. Ярославский так сформулировал основную задачу советской исторической науки: «Историческая наука должна быть такой же боевой, как и всякая другая наука в СССР. Не оборона против фашистских ублюдков, фальсифицирующих историю, а нападение, наступление — вот чем должна быть проникнута работа историков СССР»¹.

Эта формулировка боевых задач марксистско-ленинской исторической науки в дни Отечественной войны как нельзя лучше отражает общий подход Е. М. Ярославского к истории. Для него историческая наука прежде всего — одно из самых сильных средств борьбы против врагов пролетариата и социализма, против фальсификаторов передовой, революционной теории и политической линии партии Ленина—Сталина.

Не оборона, а нападение. Нападение всюду, где идейной и политической чистоте марксизма-ленинизма грозит опасность, всюду, где враги марксизма-ленинизма пытаются извратить, исказить и ложно направить нашу революционную идеологию. Этот наступательный, боевой характер воззрений Е. М. Ярославского на историю как науку определяется всем мировоззрением и личным темпераментом тов. Ярославского как профессионального революционера-большевика.

Крупнейший представитель общественной науки в СССР, выдающийся учёный и пламенный пропагандист великих идей партии Ленина — Сталина, Е. М. Ярославский не случайно избрал историю своей научной специальностью. Историческая наука давала ему широчайшую возможность сочетания теории и практики, науки и политики, прошлого и современности. Органически сочетая в себе черты передового учёного-теоретика и практика-пропагандиста, тов. Ярославский с большим искусством применял передовую науку в деле большевистской пропаганды, а пропаганду марксизма-ленинизма ставил на строго научную базу. Он проявлял строгую объективность исторического знания и пламенную страстность в пропаганде и борьбе за марксистское направление этого знания. Значение выступлений тов. Ярославского на фронте исторической науки, в борьбе против всякого рода ошибок и извращений трудно переоценить. Тов. Ярославский с особой остротой всегда своевременно реагировал на антимарксистские извращения или отступления от марксизма, на принципиальные ошибки в области исторической науки. В этом отношении он был для советских историков образцом и примером.

Известно, например, как реагировал тов. Ярославский на указания товарища Сталина в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция», озаглавленном «О некоторых вопросах истории большевизма». Это была полоса серьёзнейшей самокритики на фронте советской исторической науки. Следуя указаниям товарища Сталина, изложенным в этом

¹ «Исторический журнал» № 6 за 1942 г., стр. 24.

замечательном письме, тов. Ярославский в 1931 г. возглавил большевистскую самокритику на фронте исторической науки, пересмотрев всё ранее написанное им в области истории.

Когда в 1934 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком вынесли известные решения о перестройке преподавания истории в школах и предложили подготовить новые учебники по истории СССР и по всеобщей истории, тов. Ярославский организовал работу также и по пересмотру учебников по истории партии. В своей статье «Шире поставить изучение истории партии»¹ тов. Ярославский выдвинул задачу — написать новый учебник по истории партии, используя весь имеющийся документальный материал.

Появление в печати в 1935 г. «Замечаний на конспекты новых учебников» товарищей Сталина, Кирова и Жданова, давших большевистскую программу развития всей исторической науки в СССР и разоблачивших антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские взгляды «школы» Покровского, дало новый толчок для развёртывания самокритики на историческом фронте. Тов. Ярославский, и ранее неоднократно не соглашавшийся с М. Н. Покровским по ряду принципиально-исторических вопросов, и на этот раз, проводя в жизнь эту программу развития исторической науки, возглавил пересмотр и критику неправильной концепции и отдельных взглядов советских историков, допускавших ошибки под влиянием «школы» Покровского. В ряде своих статей, напечатанных в журнале «Историк-марксист» за 1935—1936 гг., тов. Ярославский подверг критике работу исторических журналов и научно-исследовательских учреждений, а также работы отдельных историков, которые ещё не до конца преодолели пережитки взглядов и концепций «школы» Покровского.

С особенной силой тов. Ярославский раскрывал политическое и идейное значение указаний товарища Сталина для дальнейшей разработки общей методологии и конкретных проблем истории. Во вводной статье к сборнику Института истории АН СССР «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» тов. Ярославский показал, что известная формула Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое, ведёт к извращению исторической перспективы, к модернизации истории. Отказ М. Н. Покровского от признания истории объективной наукой даёт повод врагам большевизма отрицать объективное историческое знание. Тов. Ярославский требовал тщательно соблюдать указание товарища Сталина о необходимости изучать исторические события «в определённых исторических рамках, учитывая конкретные особенности, отличающие одну страну от другой в пределах одной и той же исторической эпохи»².

Решительно выступая против всякого рода искусственных социологических схем, тов. Ярославский писал в той же статье: «Необходимо самым основательным образом пересмотреть всё наследство «школы» Покровского, вскрыть грубейшие ошибки, заключающиеся в его произведениях, и дать им надлежащую марксистско-ленинскую оценку. Без этого полного разгрома «школы» Покровского нельзя развернуть подлинную марксистско-ленинскую историческую науку»³.

Опубликованные в 1937 г. постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР и письмо товарища Сталина составителям учебника по истории партии положили начало работе советских историков, прежде всего в области создания учебников. И здесь тов. Ярославский показал пример, приняв непосредственное участие в подготовке «Краткого курса» истории ВКП(б), внеся в эту

¹ «Историк-марксист» № 1 за 1935 г., стр. 9—14.

² Сборник «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». Ч. 2-я, стр. 10—11. Изд. АН СССР. 1940.

³ Там же, стр. 24.

работу весь свой громадный опыт пропагандиста и популяризатора и обширную научную эрудицию в области исторической науки.

Появление в 1938 г. «Краткого курса» истории ВКП(б), написанного при непосредственном участии и под руководством товарища Сталина, было громадным научным событием в нашей стране. «Краткий курс» истории партии, представляющий собой настоящую энциклопедию большевизма, в небывалой степени способствовал развитию исторической науки. Тов. Ярославский в целом ряде статей и выступлений показал советским историкам неоценимое значение этого научного труда и громадную роль в его создании товарища Сталина.

На XVIII съезде партии, говоря о работе товарища Сталина по составлению «Краткого курса» истории ВКП(б), тов. Ярославский так охарактеризовал её: «У всех нас вызывает восхищение эта работа товарища Сталина, для которой он нашёл время,— а времени потребовалось, как вы знаете, очень много,— среди гигантской государственной работы, выполняемой товарищем Сталиным! Но этот труд — не единственная работа товарища Сталина на историческом фронте, на фронте науки за последний период. Достаточно напомнить вам целый ряд указаний товарища Сталина, тт. Кирова и Жданова по составлению учебников новой истории, указания по составлению учебника истории СССР и других учебников».

Специально подчёркивая значение «Краткого курса» для советских историков, тов. Ярославский оценил его как «большое событие в жизни ВКП(б) и в то же самое время большое событие на историческом фронте».

Тов. Ярославский выступал вдохновителем советских историков не только в борьбе за чистоту марксистско-ленинской методологии: воинствующим историком-марксистом, действующим под лозунгом «Не оборона, а нападение», он выступал и при разработке конкретно-исторических проблем.

Обращает на себя внимание широкий диапазон научных вопросов, которыми занимался тов. Ярославский. Центральной проблемой в сфере научно-исторических интересов Е. М. Ярославского являлась проблема исторической роли рабочего класса и руководящего значения его партии. В подходе к разработке этой основной проблемы тов. Ярославский проявлял необычайную широту исторического кругозора, рассматривая все конкретные вопросы, связанные с этой проблемой, в свете политических и практических задач русского и международного революционного движения на разных его этапах.

В работах тов. Ярославского выступают две ярко характеризующие его как историка черты: с одной стороны, исключительная научная добросовестность автора, всегда привлекающего для своих работ громадный фактический и документальный материал, и, с другой стороны, политическая острота и даже полемичность тона всех его исторических работ. При анализе идейной борьбы автор стремится выяснить самые глубокие исторические корни этой борьбы; он анализирует ту конкретную социально-экономическую обстановку, которая породила те или иные разногласия; он определяет политический смысл и общее значение их для рабочего класса.

Но исторические работы Е. М. Ярославского, однако, никогда не сбиваются ни на чисто описательные, ни на газетную публицистику. Научно обоснованные, богато документированные, они ставят новые проблемы или по-новому разрешают старые, выдвигают продуманные концепции, твёрдо опираясь на важнейшие марксистско-ленинские принципы.

Необходимо отметить замечательное умение Е. М. Ярославского использовать марксистско-ленинское наследие. Историческая теория классиков марксизма-ленинизма и их конкретные указания по отдельным вопросам истории постоянно являлись предметом особого внимания

Е. М. Ярославского, который умел с большим искусством развить и применить эти указания в отношении истории нашей родины. Над разработкой идейного наследства и заветов Маркса, Энгельса и Ленина, над пропагандой идей товарища Сталина Е. М. Ярославский работал с особенной любовью и воодушевлением. Его работы, посвящённые жизни и деятельности классиков марксизма-ленинизма, являются самыми популярными из работ этого рода. Написанные им биографии Ленина и Сталина широко известны не только в СССР, но и за границей. Они переведены на многие иностранные языки.

В своей книге «Биография В. И. Ленина» тов. Ярославский так характеризует свою задачу: «Миллионы людей — взрослые, подростки, школьники-пионеры — хотят и должны знать, как рос и воспитывался Ленин, как он учился, как он стал революционным борцом за рабочее дело, за победу коммунизма, как он вёл борьбу на протяжении всей своей жизни. В этой книге мы расскажем о жизни Владимира Ильича Ленина, о его борьбе. В этой книге мы расскажем о том великом и прекрасном, что сделал Ленин и что он завещал нам — его последователям и ученикам»¹.

С чувством величайшей ответственности работал Е. М. Ярославский над биографиями вождей пролетариата, сознавая, что их великая жизнь является орудием политического воспитания миллионов. Показывая в своей книге «О товарище Сталине», что жизнь и деятельность великого вождя народов СССР самым тесным образом связана с жизнью и деятельностью большевистской партии, тов. Ярославский писал: «А рассказать об этом тем более необходимо, что знание жизни и деятельности величайших пролетарских революционеров — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — помогает нам лучше учиться и работать, помогает нам лучше усваивать черты работы этих величайших гениев человечества»².

В последние годы своей жизни Е. М. Ярославский мечтал написать большую исследовательскую работу об отношении Маркса и Энгельса к России и о распространении марксизма в России. Глубокий интерес к изучению литературного наследства Маркса и Энгельса возник у Е. М. Ярославского давно. Он нашёл отражение в большом количестве книг, статей и докладов, которые являются фрагментами задуманной им монографии о марксизме в России. В одной из таких статей — «Маркс и Энгельс о России»³ — тов. Ярославский подчеркнул, что ни один серьёзный историк не может пройти мимо глубоких обобщений и конкретных указаний Маркса и Энгельса, касающихся развития отдельных стран.

По инициативе Е. М. Ярославского в Институте истории АН СССР была начата работа по подготовке систематизированного сборника высказываний Маркса и Энгельса о России, но война прервала эту работу. В материалах к своей будущей монографии о распространении марксизма в России Е. М. Ярославский дал общую характеристику и оценку литературного наследства Маркса и Энгельса, касающегося истории России. Это наследство он разбивает на четыре раздела. Первый раздел включает работы Маркса и Энгельса, посвящённые общей истории России: «Хронологические выписки» К. Маркса о русской истории, «Разоблачение дипломатической истории XVIII столетия», в которой истории России отведено много страниц «Предварительных замечаний», и др. Второй раздел включает работы об отдельных периодах русской истории. Третий раздел литературного наследства Маркса и Энгельса о России составляют статьи по внешней политике России. В четвёртый раздел

¹ Е. М. Ярославский «Биография В. И. Ленина», стр. 8. Изд. АН СССР. 1942.

² Е. М. Ярославский «О товарище Сталине», стр. 4. Госполитиздат. 1939.

³ «Историк-марксист» № 10 за 1940 год.

входят переписка Маркса и Энгельса с русскими революционерами и общественными деятелями России, а также многочисленные выступления Маркса и Энгельса против народников, анархистов, панславистов и др.

Е. М. Ярославский считал, что изучение наследства Маркса и Энгельса должно базироваться на строго научном учёте конкретной исторической обстановки, в которой работали Маркс и Энгельс и которая определяла их высказывания о России, о характере русской революции и её перспективах.

Весьма интересна и содержательна статья Е. М. Ярославского, посвящённая 60-летию со дня смерти К. Маркса, — «Провозвестник нового мира»¹. В этой статье в сжатом виде дана целая программа исследовательских работ советских историков по изучению влияния Маркса и Энгельса на развитие научного социализма в России. Великая отечественная война внесла новый момент в понимание роли Маркса и Энгельса и их отношения к различным европейским народам. Тов. Ярославский приводит правильные оценки и характеристики Маркса и Энгельса, касающиеся, например, пруссачества.

Тов. Ярославский указывает, что Советская страна, в частности, советские историки должны тщательно и бережно хранить и разрабатывать революционное наследство Маркса и Энгельса². «На родине Маркса, — писал Е. М. Ярославский в указанной статье, — фашисты палачествуют в течение десяти лет. Стёрт с лица земли домик в Трире, где родился и жил Карл Маркс, где зародились первые революционные мысли в его юношеской голове. Сожжены в Германии и оккупированных гитлеровцами странах великие творения мысли Маркса. Замучены, убиты сотни тысяч учеников Маркса. Германские фашисты считают, что этим они уничтожили марксизм. Жалкие пигмеи, калифы на час! Хотя они сумели испакостить половину Европы, но только слепой не видит, что от гитлеровской партии не останется ничего, кроме воспоминаний об их страшных злодеяниях, кроме кровавого следа от шествия этой коричневой чумы. А марксизм живёт и будет жить, как величайшее учение, помогающее человечеству создать строй, обеспечивающий радостное существование всех людей»³.

Работы Е. М. Ярославского об идейном наследстве Маркса и Энгельса органично дополняются соответствующими его работами о Ленине. В статье «Идейное наследство В. И. Ленина»⁴ Е. М. Ярославский дал замечательную оценку Ленина как учёного, в частности как историка России. Он показал, что Маркс и Энгельс не могли дать характеристику нового этапа русской истории, связанного с переходом к империализму. Они умерли, когда империализм как новая, высшая стадия капитализма ещё не оформился. Ленин и Сталин на новом историческом этапе не только восстановили во всей чистоте учение Маркса и Энгельса, но и развили его, обогатив опытом новой эпохи, и явились гениальными защитниками марксистского метода в науке.

Последние статьи Е. М. Ярославского, посвящённые изучению идейного наследства классиков марксизма-ленинизма, являются наиболее глубокими и свежими по своему творческому замыслу.

- II

Какие проблемы русской истории выдвигал в своих трудах Е. М. Ярославский? Это были по преимуществу проблемы, непосред-

¹ «Исторический журнал» № 3—4 за 1943 год.

² В письме от 9 сентября 1942 г. к автору статьи «Советская историческая наука за 25 лет...» (см. сб. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР») Е. М. Ярославский писал, что нужно «отметить некоторые недостатки исторического фронта, например очень слабую разработку историками СССР литературного наследства Маркса и Энгельса...»

³ «Исторический журнал» № 3—4 за 1943 г., стр. 18.

⁴ «Вестник Академии наук СССР» № 1 за 1942 год.

б «Исторический журнал» № 4.

ственно связанные с теми теоретическими вопросами, которые волновали его как пламенного пропагандиста великих идей партии Ленина—Сталина, или с той политической борьбой, которую проводила партия большевиков на том или другом этапе своего развития.

Тов. Ярославский уделял больше всего внимания вопросам истории русского рабочего класса и его большевистской партии. Он посвятил ряд своих работ истории развития капитализма в России, формированию рабочего класса и его первых организаций, изучению различных форм борьбы пролетариата, от первых стихийных стачек до вооружённого восстания, возникновению и развитию передовой пролетарской партии и её борьбе за большевистскую идеологию пролетариата.

Исходя из ленинской оценки народнического социализма как мелкобуржуазной идеологии, Е. М. Ярославский одним из первых выступил с критикой той идеализации народничества, которая господствовала в советской исторической литературе и отразилась в дискуссии по вопросу о значении «Народной Воли». В одном из писем в редакцию журнала «Большевик» тов. Ярославский указал на неправильность модернизации и идеализации некоторых взглядов «Народной Воли», проявившихся в дискуссии в Коммунистической академии. «Юбилей «Народной Воли» — писал он, — позволяет со всей остротой подчеркнуть глубокую принципиальную разницу, яркий контраст между пролетарской гегемонией на основных этапах революции и гегемонией мелкобуржуазного якобинизма «Народной Воли» в героической революционной борьбе против царского самодержавия, за полное завершение крестьянской демократической революции... Утопическая мелкобуржуазная идеология, программа, тактика и организация «Народной Воли» являются прямой противоположностью программе, тактике и организации пролетарской партии — ВКП(б) — на основных этапах её исторического развития. Вот это и надо подчеркнуть наряду с изображением несомненных заслуг перед революцией партии «Народной Воли»¹.

Выступая в оценке «Народной Воли» как против идеализации её «социализма», так и против недооценки её боевого демократизма, Е. М. Ярославский в ряде своих трудов, посвящённых борьбе марксизма с народничеством, конкретно показывает весь ход этой борьбы, завершившейся торжеством марксизма.

Особенно тщательно изучает Е. М. Ярославский историю рабочего класса и рабочего движения в годы активного выступления пролетариата на революционную арену, когда сложилась и стала руководящей силой в революционной борьбе большевистская партия пролетариата. Революционная борьба русского рабочего класса как гегемона буржуазно-демократической революции нашла своё конкретно-историческое отражение во всех работах тов. Ярославского, посвящённых истории первой русской революции 1905—1907 годов.

Тов. Ярославский проявил идейную непримиримость и страстную большевистскую принципиальность в борьбе против врагов большевизма. В ряде своих выступлений в основных исторических и теоретических журналах, в докладах и лекциях тов. Ярославский разоблачал антиленинские формулировки и оценки по вопросам характера и движущих сил революции 1905 г. и показал, кто и как искажает историю этой революции. Однако Е. М. Ярославский не ограничился этой разоблачающей критикой. Он проделал огромную исследовательскую работу по истории революции 1905 г., создав ряд монографий, посвящённых этому периоду. Так, его монография «Декабрьское восстание 1905 года», переизданная в 1926 г. под заглавием «Вооружённое восстание 1905 года», до сих пор остаётся самой значительной документальной историей первой русской революции.

¹ «Большевик» № 3—4 за 1930 год.

В ряде работ Е. М. Ярославский исследует отдельные проблемы революции 1905 г.: опыт массовой политической стачки, её перерастание в вооружённое восстание, опыт организации вооружённых сил революции, влияние революции 1905 г. на международное революционное движение, значение борьбы Ленина с примиренчеством в период первой русской революции и другие.

Тов. Ярославский, непосредственно принимавший участие в руководстве военной работой большевистской партии в годы первой русской революции, подытоживает богатый опыт работы партии большевиков в армии. Вопрос о роли армии в русской революции представляет огромный интерес, не только исторический, но и практический. В статьях «Всенная работа РСДРП (б)», «Подпольная работа армии в 1906 году», «Катехизис солдатский» и др. Е. М. Ярославский показывает, что партия большевиков развернула большую работу по организации революционных элементов внутри армии, стремясь создать революционное ядро будущего революционного правительства.

Тов. Ярославский отмечал большое политическое значение работы советских историков по изучению военно-боевого опыта революции, тем более, что ряд военных историков буржуазно-капиталистических стран внимательно штудировал этот опыт для того, чтобы использовать его впоследствии для подавления революций. Таковы работы немецкого полковника Хартенштейна «Боевое использование охранительной полиции при внутренне-политических волнениях», польского полковника Ровецкого «Уличные бои» и др. Указывая на наличие подобного рода работ, тов. Ярославский отмечал, что советские историки должны серьёзно и всесторонне изучать боевой опыт революции.

Большую исследовательскую работу Е. М. Ярославский проводил и по изучению истории Великой Октябрьской социалистической революции. В особенности его интересовали проблемы, связанные с оценкой международной роли Октябрьской революции. В целом ряде работ Е. М. Ярославский показывает, почему к началу XX в. Россия стала центром революционного движения в Европе. Вопрос о всемирноисторическом значении русской революции и в особенности первого в мировой истории опыта победоносного вооружённого восстания пролетариата он вновь ставит во всех своих трудах, посвящённых истории Великой Октябрьской революции. В книге «Международное значение Октябрьской революции», в большом количестве статей и докладов на эту тему, вплоть до статей, написанных уже в годы Великой отечественной войны, тов. Ярославский ставит вопрос о значении тех идейных достижений русского пролетариата, которые, в результате его всемирноисторической победы стали достоянием мирового пролетариата и классическим образцом для него. В статье «От великих утопий к Великой социалистической Октябрьской революции» тов. Ярославский показал, что во все времена существования классового общества лучшие умы человечества мечтали о «золотом веке», когда наступит равенство людей, но только победа Великой пролетарской революции превратила эти мечты в действительность. Пролетариат построил новое, социалистическое общество, опираясь на творческую инициативу всего советского народа, создал новую систему хозяйства, новые формы труда, новые общественные отношения.

В своей небольшой, но значительной и интересной книжке, посвящённой 25-летию юбилею советского государства, тов. Ярославский подытожил (впервые в нашей исторической литературе) творческий опыт первой в истории победоносной пролетарской диктатуры. В статье «Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции»¹ тов. Ярославский вновь отметил всемирноисторическую роль Великой Октябрьской социалистической революции и её место в истории человечества.

¹ «Исторический журнал» № 10 за 1942 г., стр. 7—11.

Во всех своих работах Е. М. Ярославский с большой силой подчёркивал роль партии большевиков как руководящей силы, обеспечившей победоносный исход революции. Что бы ни писал тов. Ярославский, он неизменно возвращался к вопросу о роли большевистской партии. Он был неутомимым историком большевистской партии. Его перу принадлежат многочисленные труды по истории ВКП(б). Е. М. Ярославский прочитал сотни лекций в партийных и общих учебных заведениях. Его доклады по истории партии, прочитанные для партийного актива, для интеллигенции, для армии, являются образцами замечательной пропаганды великих идей партии Ленина—Сталина.

Большое количество брошюр и статей, ряд учебников по истории партии, отдельные исследования, посвящённые истории почти всех съездов ВКП(б),— всё это характеризует Е. М. Ярославского как творческого историка партии, считавшего для себя честью и обязанностью популяризировать и пропагандировать великие идеи партии Ленина—Сталина.

Отдельные работы Е. М. Ярославского по истории партии представляют собой самостоятельные исследования. Так, например, его брошюра, посвящённая Таммерфорсской конференции большевиков, участником которой он был, является единственной работой, конкретно описывающей обстановку, роль и значение этой конференции. Основываясь не только на своих личных воспоминаниях, но и на архивных источниках, тов. Ярославский этой работой сделал научный вклад в историю партии, тем более что история Таммерфорсской конференции была мало освещена в печати, так как не сохранилось ни протоколов конференции, ни сколько-нибудь полных воспоминаний её участников.

Столь же большое значение имеют и некоторые другие исследования Е. М. Ярославского по истории партии, например его работы, посвящённые первому съезду нашей партии, по истории большевистской «Правды» и многие другие.

Необходимо отметить, что Е. М. Ярославский является первым историком советского периода истории СССР. Этот период до сих пор остаётся малоизученным. Советские историки пока ещё робко и неуверенно подходят к изучению этой грандиозной эпохи, разрабатывать которую будут историки всех стран и многих поколений. Несомненно, в этом будущем гигантском труде по воссозданию всемирноисторического опыта рождения и развития советского государства работы тов. Ярославского займут почётное место.

III

Обращаясь к литературно-историческому наследству Е. М. Ярославского, нельзя не остановиться на тех его статьях и выступлениях, в которых формулировались важнейшие задачи, стоявшие на разных этапах перед историческим фронтом. Многие из этих задач до сих пор составляют конкретную программу действий, ныне реализуемую советскими историками. Е. М. Ярославский принял самое активное участие в создании перспективного плана работ в области истории, обсудив его контуры на широких совещаниях историков, созывавшихся в редакции «Исторического журнала». Впоследствии этот план был уточнён и положен в основу работы Института истории АН СССР и других научно-исторических учреждений.

Будучи избран в 1939 г. в состав действительных членов Академии наук СССР, Е. М. Ярославский принимал активное участие в выработке планов Академии наук СССР в области общественных наук вообще и исторических наук в частности. В ряде статей и докладов Е. М. Ярославский выступал с критикой работы советских историков, слишком

медленно или непоследовательно осуществлявших научные и политические задачи, сформулированные ЦК ВКП(б) и товарищем Сталиным и поставленные перед историческим фронтом на том или другом этапе.

В одной из таких статей, озаглавленной «Невыполненные задачи исторического фронта», тов. Ярославский подчеркнул, что историки СССР не могут пожаловаться на недостаточное внимание к ним со стороны партии и советского правительства. «Нигде в мире,— писал он,— нельзя найти другое правительство или другую политическую партию, которые бы столь внимательно относились к историческому фронту. ЦК нашей партии и лично товарищ Сталин и другие члены Политбюро: тов. Жданов, тов. Молотов, тов. Киров — не раз выступали с ценнейшими указаниями по вопросам истории. Где ещё можно найти ЦК руководящей партии, который бы занимался проверкой и редактированием учебника истории, писал бы конспекты для этого учебника, занимался бы серьёзным историческим исследованием? Кроме ВКП(б) другой такой партии нет! Если возьмём всю сумму указаний, которые сделали по вопросам истории товарищи Сталин, Жданов, Молотов, Киров, то получим целую программу развития исторической науки в СССР, в которой затронуты важнейшие узловые вопросы»¹.

Исходя из этой программы, намеченной в указаниях ЦК нашей партии и лично товарищем Сталиным, Е. М. Ярославский конкретизировал задачи советских историков на каждом новом этапе.

В 1939 г., когда наша страна в условиях фактически уже развернувшейся второй мировой войны стремилась сохранить возможность мирного социалистического строительства, тов. Ярославский требовал от советских историков серьёзного творческого труда в разработке новых проблем. Прежде всего он требовал от советских историков более интенсивного изучения истории советского периода нашей страны; этому изучению он придавал огромное воспитательное значение. «С октября 1917 г., — писал Е. М. Ярославский, — начинает создаваться новая система государства, складывается новая общественно-экономическая формация, строится и теперь уже построено в основном социалистическое общество. Хотя этот невиданный исторический процесс находится ещё в начальной стадии своего развития, но он уже и сегодня является фактором, действующим революционизирующе на весь мир. Изучение этого периода в истории человечества представляет огромную важность»².

Тов. Ярославский считал одним из серьёзных недостатков нашей исторической науки то, что советский период истории СССР остаётся слабо изученным. «Необходимо главное внимание уделять истории СССР советского периода,— полной героизма и имеющей огромное воспитательное значение»³, — писал он.

В числе проблем, над которыми историки ещё мало работали и над которыми им предстоит огромная работа, тов. Ярославский называл также проблемы, связанные с изучением героического прошлого отдельных народов нашей страны: «В Москве, на Украине, в Азербайджане, в Казахстане приступили к составлению учебников по истории народов. Однако в большинстве республик Советского Союза этой работой ещё серьёзно не занимаются, партийные и советские организации ещё не руководят повседневно историками, работающими над составлением учебников и разрабатывающими монографии по истории отдельных народов СССР. Между тем действительно научная история отдельных народов СССР может быть создана лишь при участии в ней местных историков... Необходимо, чтобы часть аспирантов занялась серьёзным изучением языков народов СССР, чтобы возродить ценнейшие памят-

¹ «Историк-марксист» № 4 за 1939 г., стр. 5.

² Там же, стр. 7.

³ Там же.

ники народного эпоса и чтобы обработать имеющееся большое количество рукописей, относящихся к истории народов СССР»¹.

Е. М. Ярославский указывал на необходимость более интенсивного изучения проблем славяноведения. Советские историки занимаются историей славянства ещё недостаточно. А между тем историческая наука в Советской стране может и должна обеспечить создание в СССР мирового центра славяноведения. «Достаточно взглянуть на карту Европы и учесть изменения, происшедшие за последнее время, достаточно вдуматься в обстановку, в которой приходится работать историкам славянских стран, чтобы понять, что единственная страна, в которой обеспечена действительно научная разработка истории славянских народов, страна, в которой сосредоточены наиболее крупные силы славяноведов,— это СССР. У нас налицо все условия для создания такого центра славяноведения: огромное книжное богатство, огромные богатства рукописей и большое число учёных с крупными именами. Необходимо, чтобы к этому делу были привлечены также и молодые аспиранты»², — писал Е. М. Ярославский в 1939 г. в статье «Невыполненные задачи исторического фронта».

Тов. Ярославский весьма остро поставил вопрос о необходимости разработки военной истории, в особенности истории русского военного искусства. Теперь, когда у нас выросли замечательные кадры военных специалистов, овладевших теорией исторического материализма, имеются все основания ожидать появления солидных работ по истории войн и военного дела. В частности, историкам, работающим в области военной тематики, надо возможно скорее создать марксистские труды по истории первой мировой войны, опыт которой во многом поучителен в наше время.

Тов. Ярославский считал неправильной тенденцию некоторых военных историков замыкаться в узкие рамки разбора чисто тактических операций и отказываться от изучения общего хода войны и связи её с политикой правительства и господствующих классов. Недопустимо также, что гражданские историки часто игнорируют необходимость серьёзного изучения военных событий в общих работах.

Так же настоятельно Е. М. Ярославский выдвигал задачу изучения истории культуры и общественной мысли в нашей стране. «По истории культуры СССР,— писал он в той же статье,— у нас сделано очень немного, а необходимо дать историю науки, историю хозяйства, историю быта, историю нравов, историю торговли в СССР... В этой области, несомненно, за последние годы есть движение, но недостаточное, и собственно-историки здесь не сказали ещё своего веского слова, не дали крупных научных произведений по истории культуры СССР»³.

Эти статьи Е. М. Ярославский писал накануне нового этапа мировой истории, после того как гитлеровские империалисты зажгли пожар второй мировой войны. Война уже разразилась в Европе и бушевала недалеко от границ Советского Союза. Но советское правительство принимало все меры к тому, чтобы и в напряжённой международной обстановке не ослаблять внимания к фронту науки. Отмечая это, тов. Ярославский со всей силой подчёркивал, что никакие обстоятельства не могут помешать развитию научной деятельности в СССР, хотя бы многим советским учёным пришлось сменить перо на винтовку.

«Мы, большевики,— писал он,— люди, в любую минуту готовые и способные сменить перо на винтовку, если этого потребуют обстоятельства. Мы должны с удесятёрённой энергией работать над выполнением больших научных задач, стоящих перед историческим фронтом. На своём месте мы выполняем свой долг перед нашим социалистическим

¹ «Историк-марксист» № 4 за 1939 г., стр. 8.

² Там же.

³ Там же, стр. 9.

отечеством, уверенные в том, что тем самым мы наилучшим образом выполняем долг и перед всем прогрессивным человечеством»¹.

Эти слова Е. М. Ярославского в полной мере оправдались в дни Великой отечественной войны. В напряжённые, суровые месяцы 1941—1942 гг., когда немецко-фашистские полчища устремились в глубь нашей страны, Е. М. Ярославский с сбычным для него большевистским оптимизмом писал свои боевые статьи, посвящённые выяснению характера и задач Великой отечественной войны. В эти же дни Е. М. Ярославский, как всегда, выступал неутомимым пропагандистом великих идей партий Ленина—Сталина, показывая её огромную организующую роль в мобилизации всех сил и ресурсов советского государства и советского народа для подготовки окончательного разгрома гитлеровской Германии. Перед советскими историками в эти трудные дни Е. М. Ярославский выдвигал основную задачу — содействие полному и окончательному разгрому злейшего врага народов СССР и всего прогрессивного человечества — немецкого фашизма.

«Нет никакого сомнения в том, — писал Е. М. Ярославский, — что историки СССР проникнуты, как и все учёные, все трудящиеся СССР, сознанием важности главной и основной задачи — разгрома гитлеровской Германии. Они сделают всё, чтобы фронт исторической науки был таким же боевым, как и все другие фронты. Для этого работы историков должны приобрести политическую остроту, диктуемую моментом, ту силу научной объективности и исторической правды, которая убеждает, покоряет и вместе с тем ярко освещает примерами прошлого пути к победе»².

В условиях Великой отечественной войны против немецко-фашистских извергов боевой лозунг большевистского историка «Не оборона, а нападение!» зазвучал ещё более сильно. Е. М. Ярославский добивался того, чтобы советская историческая наука стала серьёзным оружием в разоблачении фашизма, его эксплуататорской классовой сущности и его человеконенавистнической, реакционной идеологии. Впротивовес наглым и бесстыдным бредням фашистов необходимо, говорил тов. Ярославский, во всём объёме показать, что Германия и в особенности прусское юнкерство и германский империализм являлись душителями освободительных движений, поджигателями международных конфликтов.

Все статьи и выступления Е. М. Ярославского периода Великой отечественной войны пронизаны одной центральной идеей, — чтобы советские историки, опираясь на изучение опыта всех прошлых войн, помогли народам Советского Союза глубже понять освободительный характер Великой отечественной войны как самой справедливой войны в истории.

Ставя задачу конкретного изучения истории освободительных войн и боевых традиций русского народа и всех других народов Советского Союза, Е. М. Ярославский добивался, чтобы историки особенно подробно изучали опыт освободительной войны советского народа в период гражданской войны и интервенции 1918—1920 годов. Е. М. Ярославский выдвинул задачу — собирать материалы по созданию будущей величественной истории Отечественной войны. Подготовительная работа в этом направлении должна вестись советскими историками везде и всюду — на фронте и в тылу. История Отечественной войны — это не только история движения войсковых частей, наступления и отступления, побед и поражений; это не только история партизанской войны в тылу врага, но это также история всей многообразной работы советского народа,

¹ «Историк-марксист» № 4 за 1939 г., стр. 11.

² «Исторический журнал» № 6 за 1942 г., стр. 24.

взаимодействия всех частей фронта и тыла, того морально-политического единства советского народа, которое обеспечивает ему победу над врагом.

Как и всегда, центральной задачей советских историков Е. М. Ярославский считал конкретное изучение роли славной коммунистической партии большевиков, без которой вообще по-другому выглядела бы история последнего полувека, в особенности история России.

«Историки СССР,— писал об этом тов. Ярославский в статье «О ближайших задачах исторической науки в СССР»,— имеют перед собой благороднейшую задачу: показать влияние ВКП(б) на все стороны жизни СССР, проследить роль великих организаторов большевистской партии и советского государства — Ленина и Сталина, — показать, как партия рабочего класса воспитала и выдвинула великолепных организаторов государства, администраторов, новаторов в науке, в технике, в методах и организации трудовых процессов, представителей искусства»¹.

Подводя итоги и намечая перспективы работ советских историков в условиях Великой отечественной войны, тов. Ярославский писал в той же статье: «Работы советских историков, какого бы периода они ни касались, должны быть проникнуты одной идеей: они должны воспитывать народы СССР в духе любви к обретенной ими в октябре 1917 г. общей родине, к отечеству, которое дорого трудящимся всего мира; они должны укреплять чувство дружбы и братства между народами СССР; они должны служить, как и вся наша наука и литература, прививкой против малейших следов расовой ненависти, против малейших остатков реакционной старины в сознании людей»².

В этих словах с особенной силой отразился благородный облик советского учёного-гуманиста, пламенного борца за идеалы трудящихся, лучшего представителя передовой советской науки — академика Е. М. Ярославского.

Его научно-историческое наследство, характеристика которого дана в настоящей статье лишь в общих чертах, должно быть изучено советскими историками самым детальным образом; оно должно быть освоено и использовано поколениями советских учёных, для которых Е. М. Ярославский навсегда останется примером большевистского историка, страстного борца за чистоту марксистско-ленинской теории, пламенного пропагандиста великих идей партии Ленина—Сталина.

¹ «Исторический журнал» № 6 за 1942 г., стр. 24.

² Там же, стр. 19.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СССР ДО XIX ВЕКА *

Проф. С. Валк

Внимание советской историографии было направлено в значительной степени на изучение новейшей истории нашей родины. Это обуславливалось прежде всего стремлением исторически осознать грандиозные события Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с этим древняя история СССР была отодвинута советской историографией на второе место. Тем не менее советская археография дала в области древней истории СССР такие издания, которые могут быть без колебаний отнесены к числу классических трудов. Эти издания на долгие десятилетия сохраняют своё научное значение.

I

Сто лет назад Н. В. Калачов напечатал своё исследование о Русской Правде, в приложении к которому дал критическое издание текста Русской Правды на основе более сорока списков её. Однако Калачов нарушил подлинный порядок текста Русской Правды и, дав своё деление её на отдельные статьи, разместил эти статьи по группам, соответственно теориям, господствовавшим в учениях середины XIX в. об уголовном и гражданском праве и процессе. Необходимость иного издания Русской Правды была осознана давно и прежде всего самим Н. В. Калачовым. После Калачова, в восьмидесятых годах XIX в., Мрочек-Дрездовский издал некоторые списки Русской Правды, а в начале XX в. В. И. Сергеевич выпустил в свет своё небольшое издание списков Правды, которые он считал основными. Таким образом, задача пересмотра в целом труда Калачова была давно поставлена, но в течение семидесяти лет, с момента выхода книги Калачова до Октябрьской революции, русская историография так и не собралась произвести эту работу.

При том интересе, который советская историография проявила к изучению Киевского государства, выпуск нового издания Русской Правды стал жгучей научной потребностью. В 1928 г. Археографической комиссией Академии наук СССР была выделена специальная комиссия по изданию Рус-

ской Правды во главе с акад. Е. Ф. Карским при участии Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова и В. П. Любимова. Работы этой комиссии скоро прервались, но Е. Ф. Карский выпустил в 1930 г. фототипическое издание древнейшего списка Правды (Синодального, XIII в.) с транскрипцией текста и со словарём.

В 1935 г. в издании Украинской академии наук вышло первое советское критическое издание Русской Правды, явившееся итогом громадной работы С. В. Юшкова. С. В. Юшков обнаружил более ста списков Русской Правды, дал свою классификацию этих списков по пяти редакциям, предложил своё деление Правды на статьи и напечатал полностью семь списков Правды.

В 1940 г. вышел под редакцией акад. Б. Д. Грекова первый том Русской Правды, подготовленный Институтом истории Академии наук СССР (В. П. Любимовым, Н. Ф. Лавровым, М. Н. Тихомировым, Г. Л. Гейермансом, Г. Е. Кочиним). Академическое издание Русской Правды рассчитано на три тома: в первом томе, который уже вышел в свет, дано критическое издание текстов Правды; во втором будут даны фототипические воспроизведения основных пятнадцати списков Правды; в третьем будет изложена двухсотлетняя история изучения Русской Правды и дан обширный постановительный комментарий. Издание это, когда оно будет закончено печатанием, явится совершенно исключительным в мировой литературе: ни Салическая, ни какая-либо другая из так называемых варварских Правд не были до сих пор издаваемы с таким богатством научного аппарата. В основу академического издания легла новая детальная классификация списков Правды, установленная В. П. Любимовым.

Следует отметить ещё учебные издания Русской Правды под редакцией А. И. Яковлева и Л. В. Черепнина (1928), исторического факультета Ленинградского университета под редакцией Б. Д. Грекова (1934), Института истории Академии наук под редакцией Б. Д. Грекова и Н. Ф. Лаврова (Л. 1940), Московского института истории, философии и литературы под редакцией М. Н. Тихомирова (М. 1941). Академическое издание даёт два списка Правды, оно снабжено богатым комментарием на основе подготовляемого третьего тома академического издания Правды. Издание М. Н. Тихомирова даёт три списка Правды и ряд дополнительных материалов; комментарий М. Н. Тихомирова

* Обзор изданий по истории СССР XIX — XX вв. см. в статье С. Н. Валка «Советские документальные публикации по истории СССР XIX—XX вв.», помещённой в сборнике «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М. 1942.

не ставит себе историографических задач, подобно академическому комментарию, и отражает главным образом точку зрения автора.

К Русской Правде непосредственно примыкает изданное С. В. Юшковым «Правосудье митрополичье» («Летопись занятий Археографической комиссии». Т. 35), памятник исключительно важного значения для изучения русского права XIII—XIV вв., развивающий и дополняющий нормы Русской Правды.

В менее благоприятном положении оказалось дело издания летописей. Крупным событием в этой области могло бы явиться издание Лаврентьевской летописи, подготовленное к печати акад. Е. Ф. Карским («Полное Собрание Русских Летописей». Т. I. 2-е изд. Л. 1926—1928). Но Е. Ф. Карскому остались чужды все новые взгляды на историю летописания, которые развиты были А. А. Шахматовым, и поэтому вопросы о привлекаемых к изданию списках летописей, о построении критического аппарата и другие основные вопросы издания решены были по устаревшей традиции; к тому же Карский взглянул на дело издания летописи с точки зрения филолога, в связи с чем уже одна синтаксическая нерасчленённость текста, не говоря о других чертах издания, создаёт немалые затруднения пользующемуся им историку. Кроме изданий Рогожской («ПСРЛ». Т. XV. 1922) и Типографской («ПСРЛ». Т. XXIV. 1922) летописей и окончания печатания важнейшей Новгородской IV летописи («ПСРЛ». Т. IV. 2-е изд. 1915—1929) надо отметить изданные Институтом истории Академии наук «Псковские летописи» (Т. I. М. 1941). А. Н. Насонов, один из лучших у нас знатоков истории летописания, изучил 24 списка «Псковских летописей», установил историко-текстовую связь всех списков и в результате исследования обнаружил три последовательно составленных в Пскове летописных свода, чем совершенно изменил существовавшие ранее представления о ходе развития псковского летописания. Первая «Псковская летопись» (до работы А. Н. Насонова её считали второю, а третьей не выделяли) составила изданный первый том «Псковских летописей».

В последние годы, когда стал общепринятым взгляд А. А. Шахматова на начало летописания (Шахматов относил его к середине XI в.), должен был обостриться интерес к сохранившимся иностранным источникам, современным событиям IX—X веков. М. Д. Приселков сделал опыт описания общественно-политического и международного положения Киевского государства в X в., основываясь на договорах с греками и на знаменитом труде византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» («Учёные записки Ленинградского государственного университета», серия историческая. Т. X. Л. 1941). Государственная академия истории материальной культуры издала новый перевод важнейших частей трудов Константина Багрянородного («Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». Л. 1934). Институт

истории Академии наук предположил дать целую серию «Rossica» — иностранных источников о России. Самым замечательным выпуском этой серии явилось знаменитое «Путешествие на Волгу» Ибн-Фадлана (Л. 1939), перевод которого под редакцией акад. И. Ю. Крачковского был сделан по недавно найденной в Мешхеде наиболее полной и исправной рукописи.

Среди скудных материалов по истории хазарского каганата изданная ещё в XVI в. переписка хазарского кагана Иосифа с саванником испанского калифа Хасдаем Ибн-Шафрутом давно являлась одним из важных, но спорных по своему значению документов. Акад. П. К. Коковцов собрал в один том и эту переписку и другие связанные с ней литературные памятники и дал, после четырёхсотлетнего хождения прежнего издания, новый критический текст всех документов («Еврейско-хазарская переписка в X веке». Изд. Акад. наук. Л. 1932). Для истории СССР особенно ценно устанавливаемое П. К. Коковцовым значение упоминания в одном из этих документов имени кн. Олега, которое он возводит к литературной византийской традиции.

Переходя к изданиям документов по древнейшей истории отдельных народов СССР, отметим, что мы получили за эти годы ряд сборников, которые стремятся дать основные документы, охватывающие всю историю изучаемого народа. Институт истории Академии наук Украинской ССР приступил к изданию ряда томов: «История Украины в документах и материалах». Первый том этого издания (Киев. 1939) охватывает Киевское государство и феодальные княжества XII—XIII веков. Такой же характер имеет изданная Институтом истории Академии наук БССР «Гісторія Беларусі у дакументах і матэрыялах» (Т. I. Минск. 1936; второй том под заглавием: «Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі». Минск. 1940). Первый том содержит материалы, относящиеся к периоду до воссоединения Белоруссии в 1772 г. с Россией; второй доведён до 1903 года. Это издание представляет большой интерес, включая в свой состав также впервые публикуемые материалы. Первый сборник издания «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», выпущенный Государственной Публичной библиотекой Казахстана и Казахским научно-исследовательским институтом национальной культуры (Алма-Ата. 1935), охватывает время от V в. до н. э. до XVIII в. нашей эры. Сборник этот содержит новые переводы ряда отрывков из восточных источников. Иной характер имеет капитальное издание Института востоковедения Академии наук СССР «Материалы по истории туркмен и Туркмени» (томы I—II. Л. 1938—1939). Первый том, охватывающий VII—XV вв., содержит арабские и иранские источники; второй — XVI—XIX вв. — даёт источники иранские, бухарские и хивинские. Почти все помещённые в обоих томах материалы мы видим в русских переводах впервые.

Мордовский научно-исследовательский институт языка литературы и истории при

СНК МАССР предпринял издание «Документов и материалов по истории Мордовской АССР». В вышедших трёх томах (томы I—II. Саранск. 1940. Т. III. Ч. 1-я. Саранск. 1939. Под ред. А. И. Яковлева и Л. В. Черепнина) собраны воедино уже имеющиеся в печати материалы о мордве, начиная с Геродота. За этим собранием ранее напечатанных материалов должна последовать, по мысли редакторов, серия впервые публикуемых материалов.

«История Татарии в материалах и документах» (Институт истории АН СССР и Татарский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма. М. 1937) охватывает период от болгарского ханства до середины XIX в.; в ней впервые издан ряд любопытных документов, особенно в разделе о классовой борьбе и национально-освободительном движении в Татарии XVII—XIX веков.

Отдельных изданий по древнейшей истории народов СССР издано немного. Институт истории и истории материальной культуры Армянского филиала АН издал «Историю епископа Себеоса» (перев. Ст. Малхасянца. Ереван. 1939), который жил в VII веке. Институт истории Азербайджанского филиала АН издал «Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-Камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асира» (Баку. 1940). Этот арабский автор, живший в конце XII—начале XIII в., даёт материалы для воссоздания истории крупного крестьянского движения против иноземных завоевателей—арабов—и местной феодальной знати, которое развернулось в IX в. под предводительством Бабека. «Общество обследования и изучения Азербайджана» издало отрывки из «Истории» известного арабского историка ал-Якуби (Баку. 1927), в компиляции которого содержатся сведения по истории Азербайджана со времени арабского завоевания 642 г. до 870 года. Из изданий, посвящённых истории Средней Азии, отметим хрестоматию «Древние авторы о Средней Азии», VI в. до н. э.—III в. н. э., под ред. Л. Баженова (Ташкент. 1940).

II

Для времён феодальной раздробленности мы обладаем такими важными памятниками, как судные грамоты. Псковская судная грамота была незадолго до Октябрьской революции переиздана по двум сохранившимся её текст (одна—частью) рукописям; теперь А. И. Яковлев и Л. В. Черепнин, не переиздавая текста, дали прекрасное к нему научное дополнение в виде перевода грамоты на современный русский язык и подробного комментария, подводящего итог разработке грамоты и в то же время дающего ряд новых важных точек зрения (в «Исторических записках». Т. VI).

Тогдашней Руси пришлось вести труднейшую борьбу на Западе—с немецкой агрессией ливонских рыцарей—и на Востоке—с татарами. Для изучения борьбы Руси против немецкой агрессии совершенно исключительное значение имеет «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, в латинском подлиннике и в полном переводе, с обстоятельными ком-

ментариями С. А. Аннинского, изданная Институтом истории (Л. 1938). Весь разбойничий и разрушительный характер этой агрессии, а также та самоотверженная борьба, которую вели с нею русские княжества Прибалтики, помогавшие в этом деле латышам и эстам, прекрасно отражены в рассказе Генриха.

Для истории борьбы Руси на Востоке, а также для истории других народов СССР в эти века изучение истории Золотой Орды имеет крупнейшее значение. В. В. Тизенгаузен издал в 1884 г. свой первый том «Материалов по истории Золотой Орды» с текстами и переводами арабских авторов. Вторым том этих «Материалов», содержащий ещё менее известные данные—сообщения персидских авторов,—оставался в рукописи в течение нескольких десятилетий и только теперь издан Институтом востоковедения Академии наук (Л. 1941). Один из своеобразнейших памятников этой эпохи, который В. В. Бартольд считал «произведением богатырского эпоса», создавшегося вокруг имени Чингис-хана, а новый его исследователь, С. А. Козин,—«эпическую хроникой», появился под заглавием «Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.» (Институт востоковедения. Л. 1940). Материалы венгерских хроник о татарах переведены С. А. Аннинским в «Историческом архиве» (Т. III).

III

Образование русского национального государства и кризисы, которые оно переживало в XVI—XVII вв., были предметом особого внимания советских историков. Особенно много сделано для экономической истории того времени и для истории классовой борьбы. Давно уже, по статьям И. Е. Забелина, было известно о сохранившихся материалах по истории хозяйства боярина Б. И. Морозова. Этот совершенно исключительный для XVII в. материал (известен только ещё один подобный частный архив XVII в.—стольника Безобразова,—послуживший материалом для исследования А. А. Новосельского «Вотчинник и его хозяйство в XVII в.» М. 1929) явился предметом даже двух изданий. Институт истории издал сперва подготовленные В. Г. Гейманом для печати важнейшие документы морозовского архива в двух томах под заглавием «Хозяйство крупного феодала-крепостника в XVII веке» (Л. 1933—1936), а в 1940 г. вышел в том же издании под редакцией инициатора опубликования морозовских материалов проф. А. И. Яковлева первый том «Актів хозяйства боярина Б. И. Морозова» (М. 1940), причём издание А. И. Яковлева ставит себе задачей дать полное издание морозовских актов. Для истории хозяйств XVI—XVII вв. представляет первостепенный интерес также хозяйство именитых людей Строгановых, получившее для своего освещения ряд документов в изданном А. А. Введенским сборнике «Торговый дом XVI—XVII вв.» (Л. 1924).

Феодальная монастырская вотчина представлена в издании Центрархива—«Памятники социально-экономической истории Московского государства» (Т. I. М. 1929).

Всё издание отведено материалам крупнейшего по своим владениям и значению Троице-Сергиева монастыря. Две из старейших приходо-расходных книг XVI в. — по Пзвлову Обнорскому (за 1568—1570 гг.) и по Болдигу Дорогобужскому монастырям (за 1585—1607 гг.) — изданы в «Русской исторической библиотеке» (Т. 37. Птрг. 1924). Выборки из приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря, относящихся к крестьянским выходам за 1577—1588 гг., опубликованы Н. Тимофеевым в «Историческом архиве» (Т. II).

Первые шаги в истории русской мануфактуры получили своё освещение в трёхтомном издании документов Историко-археологического института «Крепостная мануфактура» (томы I—III. Л. 1930—1933). Первый том этого издания содержит материалы преимущественно по тульским и каширским заводам, второй — по истории Олонецких медных и железных заводов, третий отведён «Дворцовой полотняной мануфактуре» XVII в.; помещённые в нём документы относятся к Кадашевской и Тверской Константиновской (Хамовной) слободам в Москве и ярославским сёлам Брейтову и Черкасову. Отметим также материалы к истории Поташных заводов в «Красном архиве» (1935. Т. 71. 1669—1672).

Для истории крестьян XVI—XVII вв. ни одного нового тома материалов мы не получили. Отметим только весьма важные акты Спасо-Прилуцкого монастыря, так называемые деревенские кабалы, опубликованные В. Г. Гейманом (в «Сборнике Государственной Публичной библиотеки». Т. II. Л. 1924) и поставившие вопрос о некоторых путях закабаления крестьян на монастырской пашне. Очень большой интерес представляют издания Н. С. Чаевым акты, характеризующие борьбу за землю крестьян Емецкого стана против Антониева Сийского монастыря («Исторический архив». Т. I), а также помещённые в «Красном архиве» (1936. Т. 79) документы о волнениях крестьян в митрополичьих вотчинах Белгородского уезда. Для истории кабального холопства мы получили капитальную публикацию А. И. Яковлева «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов» (М. 1938). Особенно ценны в опубликованных А. И. Яковлевым книгах содержащиеся в них расспросные данные о поступающих в кабальное холопство, позволяющие поставить целый ряд вопросов о происхождении и составе этой группы московского зависимого населения. А. И. Яковлев издал также ряд интереснейших документов по холопским делам в своём обширном исследовании «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» (М. 1943).

Существеннейший материал для истории движения Степана Разина даёт подготовленное Н. С. Чаевым (умер 22 февраля 1942 г. в Ленинграде) издание Института истории «Разгром Разинщины» (Л. 1934). Изданные здесь переписные книги 1671—1672 гг. по сёлам Мурашкину и Лыскову дают яркую картину разгрома, произведённого в этих торгово-промышленных центрах при ликвидации восстания. Не-

сколько новых документов по истории разинского движения дали Б. Д. Греков («Летопись занятий постоянной Историко-археологической комиссии». Т. XXX) и К. Н. Сербина («Исторический архив». Т. I).

Особенно тщательного подбора требует важнейшая разновидность источников для истории XV—XVII вв. — актов материал. Несистематичность и даже беспорядочность публикаций актов в течение долгих десятилетий деятельности Археологической комиссии и обнаружившаяся непреодолимая косность её в этом деле побудили ещё в 1900 году А. С. Лаппо-Данилевского в двух чрезвычайно интересных записках поставить вне Археологической комиссии перед Академией наук вопрос о систематическом научном издании актового материала. В качестве материалов, подлежащих изданию, Лаппо-Данилевский наметил фонд грамот Коллегии экономии. Почти двадцатилетняя работа А. С. Лаппо-Данилевского по подготовке к изданию «Сборника грамот Коллегии экономии» не была завершена при его жизни, и два тома этого сборника вышли в свет в 1922—1929 годах. Они содержат акты северных уездов Московского государства — Двинского и Важского.

Из изданий отдельных групп актового материала надо совершенно особо отметить работу П. А. Садикова (умер в апреле 1942 г.), столь много сделавшего для изучения времени Ивана Грозного и, в частности, опричнины. В «Историческом архиве» (Т. III. Л. 1940) П. А. Садиков напечатал исключительно богатое собрание актов для внутренней истории опричнины, её земельной политики, социального состава, связав издаваемые акты с крупнейшими событиями периода опричнины. В 1929 г. Н. С. Чаев подготовил образцовое издание «Северных грамот XV века» («Летопись занятий постоянной Историко-археологической комиссии». Вып. 35-й). Актовый материал преимущественно XVII в. содержит подготовленные к печати А. И. Андреевым «Материалы по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.» (Л. 1930). «Украинские грамоты XIV—XV вв.» (Т. I) издал проф. В. Розов (Украинская академия наук. К. 1928).

Из изданий писцовых книг, важных при изучении экономической и социальной истории, надлежит отметить издание Историко-археологическим институтом «Писцовых книг Оболенской пятины 1496 и 1563 гг.» (Л. 1930). Первая из них — одна из немногих известных нам книг XV века. Тот же Институт издал «Писцовые книги г. Казани 1565—1568 и 1646 гг.» (Л. 1932).

Публицистическая и историческая литература XVI—XVII вв. не пополнилась крупными сборниками произведений, ранее неизвестных. В 1925 г. вышли третьим изданием давно и прочно вошедшие в оборот собрания С. Ф. Платоновым «Памятники древней письменности, относящиеся к Смутному времени» (РИБ. Т. XIII. Вып. 1-й). Новые произведения должны были войти во второй выпуск, который, к сожалению, так и не появился в печати.

Из издаваемых в последние годы писаний иностранцев наименее интересен «Трактат о двух Сарматиях» М. Меховского (перевод С. А. Аннинского. Л. 1936), впервые изданный в 1517 году. Меховский в России никогда не был и сведений о России собрал весьма мало. Для времён Ивана Грозного наша литература приобрела самое ценное среди других иностранных материалов издание. Мы имеем в виду прочно вошедшее в наш научный оборот сочинение Генриха Штадена «О Москве Ивана Грозного» (перевод И. И. Полосина. М. 1925), в котором этот немецкий авантюрист, повествуя с бесстыдным цинизмом о своих похождениях в качестве опричника Ивана Грозного, даёт попутно ряд ценнейших сведений, которые он собрал в период своего длительного пребывания в описываемой им обстановке, проявив при этом острую наблюдательность. Менее интересны сочинения других современников тех же событий — Альберта Шлихтинга («Новое известие о России времён Ивана Грозного». Перевод А. И. Малейна. Л. 1934, и 4-е изд. 1935), а также двух опричников — ливонцев Таубе и Крузе (перевод Рогинского. «Русский исторический журнал». Кн. 8-я. 1921). Для всей истории второй половины XVI в. и в особенности для истории русско-английских отношений того времени сочинения английских дипломатов, моряков и купцов являются, как известно, ценнейшим материалом. В издании «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» (М. 1937) акад. Ю. В. Готье дал свод сведений путешественников-англичан; одни произведения здесь появляются впервые, другие — давно и хорошо известные, как например Дженкинсона, — даны впервые без пропусков. Для времени крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII в. надлежит отметить новый перевод давно и хорошо известного сочинения Исаака Массы «Краткое известие о Московии в начале XVII в.» (перевод А. Морозова. М. 1937). Голландец Я. Стрейс в своих «Трёх путешествиях» (перевод З. Бородиной. М. 1935) не даёт материала большого исторического значения и интересен для исследователя некоторыми бытовыми сведениями и своими сообщениями о захвате Астрахани Степаном Разиным. Стрейс был очевидцем этого захвата, так как служил в то время на строившемся в Астрахани корабле. М. П. Алексеев поместил в своём труде «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников» (Иркутск. Т. I. 1932; Т. I. Вып. 2-й. 1936; Т. I. 2-е изд. 1941) ряд относящихся к Сибири выдержек из сочинений авторов XIII—XVII веков. Особую ценность книге М. П. Алексеева придают его вводные замечания к каждому отрывку, содержащие исключительно богатые, при всей своей сжатости, сведения об авторах сообщений и об их сочинениях. Дополнением к сборнику является переведённая М. П. Алексеевым рукопись неизвестного автора середины XVII в. о его путешествии по Сибири («Исторический архив». Т. I).

Переходим к изданиям документов по истории народов СССР. Академия наук

УССР имела в своём составе Археографическую комиссию, издававшую «Український археографічний збірник» и «Український архів», а также Еврейскую историко-археографическую комиссию, издававшую свой «Збірник праць єврейської. Исторично-археографічної комісії». Однако в «збірниках» обеих комиссий основное место заняли исследования, а документы явились приложениями к этим исследованиям. Для XVII в. можно отметить во втором томе «Збірника праць» выборку данных из еврейских источников, относящихся к истории событий 1648—1656 годов. Украинская академия наук приступила к переизданию известного, важного труда Велички («Літопис Величка». Т. I. К. 1926). Центральное архивное управление УССР издало «Архив запорізької Січі» (К. 1931), содержащий описание материалов этого архива. Белорусская академия наук издавала «Белорускі архіў» (томы I—III. Минск. 1927, 1928, 1931), в котором помещён ряд материалов для истории белорусского крестьянства, его положения и крестьянских движений, а также для истории белорусского города. Чрезвычайно своеобразным документом является «Дневник» Захария Акулисского (Ереван. 1939), армянского купца и путешественника. «Дневник», помимо своего значения для изучения экономической жизни страны, ценен и для характеристики истории восстания 1677 года. В области истории Грузии проф. М. А. Полиевктов по поручению Тбилисского государственного университета в течение многих лет работал над подбором и изданием документов по истории грузино-русских отношений. Неисчерпаемый архив Посольского приказа послужил ему источником для систематической публикации «Материалов по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг.» (Тбилиси. 1937). Ранее М. А. Полиевктовым были изданы документы двух московских посольств — «Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева 1650—1652 гг.» (1926) и «Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарёва в Кахетию (1640—1643)» (1928). Для истории Средней Азии «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР» (Т. I. 1933), изданные Историко-археографическим институтом, заимствованы тоже из фонда Посольского приказа. Основная тема этих материалов — экономические взаимоотношения Московского государства и государств Средней Азии в XVI—XVII вв., но в то же время в них содержатся материалы для характеристики международного положения государств Средней Азии, а также внутренней борьбы, здесь кипевшей.

Изданные Институтом востоковедения «Материалы по истории каракалпаков» (Л. 1935) охватывают XVII—XIX вв. и включают разнообразный материал. Институт истории Академии наук предпринял систематическое издание материалов по истории башкирского народа, над которым в течение многих лет работал один из лучших знатоков истории башкирского народа — умерший в начале 1942 г. в Ленинграде А. П. Чулошников. Из подготовленных им к печати томов вышел только первый — «Материалы

по истории Башкирской АССР» (Ч. 1-я. Л. 1936). Основной темой этого тома являются башкирские восстания XVII и первой половины XVIII века.

Для Сибири XVI—XVII вв. надо отметить прежде всего новое издание первого тома «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера в новом переводе, с обширными приложениями актового материала (Л. 1937), и первое русское издание второго тома (Л. 1941) под общей редакцией С. В. Бахрушина; о значении этого издания излишне распространяться. Для истории Якутии XVII в. выпущен сборник Историко-археографического института «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» (Л. 1936), который содержит разнообразный материал, выходящий за пределы названия сборника. Специально подобрал материалы по истории холопства в Сибири XVII в. Н. Н. Степанов («Исторический архив», Т. I). «Красный архив» (Т. 76. 1936) напечатал документы к истории сбора ясака среди бурят и к истории бурятских волнений. Совершенно исключительный интерес представляет изданная С. Токаревым запись обычного права бурят, включённая в отписку енисейского воеводы Степана Коробына 1693 г. («Исторический архив», Т. II). Она важна не только для характеристики общественного строя бурят в момент их первого столкновения с русской властью, но и для параллелей и сопоставлений с древнейшими законодательными памятниками, как например с Русской Правдой.

Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР издал два сборника. Первый—«Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.» (под редакцией В. Г. Геймана. Петрозаводск. 1941)— содержит свод (небольшой) летописных данных по истории Карелии, а в основном — актовый материал XV—XVI вв.; для XV в. в сборнике напечатан ряд не известных ещё до сего времени грамот. Второй сборник содержит более двухсот актов о «Карельской деревне в XVII в.» (сост. Р. Б. Мюллер, под редакцией А. И. Андреева. Петрозаводск. 1941), её экономическом быте, социальном строе, о расслоении крестьянства и правительственной политике, в частности об опыте организации «пашенных солдат», своего рода военных поселений.

IV

Дворянская империя XVIII в. поздно стала предметом внимания досоветской историографии. В литературе этого малозученного века наиболее тёмной оставалась хозяйственная история страны. Из подготовленной Институтом истории серии «Материалов по истории крестьянской промышленности» свет увидел пока только один первый том (Л. 1935), который содержит материалы по истории крестьянских предприятий в области кожевенного производства, производства шляп, канатов и др. Вся эта серия открывает совсем не изученную страницу в истории русской промышленности, однако особо существенное значение в ней имеют именно не вышедшие пока томы, плод многолетней работы покойного И. В. Мешалина в архивах Ленинграда, Москвы и города Иваново, рас-

крывающие яркие страницы развития наиболее важной отрасли крестьянской промышленности — текстильной — в городе Иванове и его районе. Упомянутая в предшествующей главе серия «Крепостная мануфактура в России» содержит два тома по XVIII век. Четвёртый том серии — «Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.» (Л. 1934) — содержит статистическую разработку данных, имеющихся в «сказках» рабочих, которые были собраны в 1732—1733 и 1737—1740 годах. Пятый том «Крепостной мануфактуры в России» отведён «Московскому суконному двору» (Л. 1934) и охватывает 1704—1813 годы. Аналогичные материалы были изданы Институтом истории Белорусской академии наук — «Материалы да истории мануфактуры Беларусі у часы распада феодализма» (томы I—II. Минск. 1934—1935). Наконец, для истории первых русских заводов, их техники и экономики давно уже пользовалась известностью рукопись петровского строителя заводов В. Геннина «Описание уральских и сибирских заводов 1735 г.», подготовленная к печати М. Ф. Злотниковым (умер в Ленинграде в 1942 г.) и изданная «Историей фабрик и заводов» (М. 1935). Борьба рабочих и крестьян против крепостнической мануфактуры составляет предмет «Материалов по истории крестьянских волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.» (Л. 1937).

Среди документов этого тома особо примечательны редчайшие, исходящие от самих рабочих прошения и письмо рабочего Монсеева к своему знакомому, рабочему же, об обстоятельствах усмирения волнений. «Красный архив» (Т. 91. 1938) сообщил материалы к истории волнений рабочих на Глушковской суконной фабрике (Курской губернии) в 1797—1798 годах.

Из народных движений XVIII в. в петровское время наиболее крупным было булавинское движение, которому Историко-археографический институт отвёл подготовленный к печати Н. С. Чаевым и др. том «Булавинское восстание» (М. 1935).

Движению Емельяна Пугачёва, пошатнувшему до основ Россию XVIII в., посвящено изданное Центроархивом собрание документов «Пугачёвщина» (томы I—III. М. 1926—1931), разносторонне его освещающее. С. А. Голубцовым была проведена громадная работа по изучению Государственного архива, архива гр. Панина и других фондов; оттуда им был извлечён исключительный по интересу материал, характеризующий как деятельность самого Пугачёва, так и участие в движении крестьянства, рабочих, казачества, отдельных народов. Дополнением к этим материалам служат изданные в «Красном архиве» показания Е. Пугачёва (томы 69—70) и атамана Хлопуши (Т. 68).

В конце XVIII в. в борьбу с самодержавием и крепостничеством вступает А. Н. Радищев. В хранящемся в Институте истории архиве Воронцовых были сделаны вскоре после революции и накануне нынешней войны важные открытия радищевских рукописей (Радищев был теснейшим образом связан с Воронцовыми). Уже изданы материалы, относящиеся к выработке Радищевым по

возвращении из ссылки проекта жалованной «Грамоты российскому народу», обсуждавшегося в негласном комитете, и проекта гражданского уложения (у В. Семеннинова. «Радищев». П. 1923; в издании Института литературы АН СССР выпущен сборник «Радищев. Материалы и исследования». Л. 1936); остаётся издать новые материалы, характеризующие экономические взгляды Радищева, совсем ещё мало изученные. В 1935 г. было переиздано «Путешествие из Петербурга в Москву» (Изд. «Academia»), первый том которого представляет собой фотолитографическое воспроизведение первого издания, 1790 г., а второй — содержит богатейший комментарий, составленный таким знатоком этой эпохи, каким был покойный Я. Л. Барсков. Институт литературы АН СССР приступил к изданию трёхтомного «Полного собрания сочинений Радищева» (томы I—II. Л. 1939—1941). Наибольший интерес в этом издании представит третий том, куда войдёт ряд новых материалов, частью связанных со служебной деятельностью Радищева.

Небольшой том «Неизданных сочинений» виднейшего дворянского публициста второй половины XVIII в., кн. М. М. Щербатова, подготовлен к печати столь много сделавшим для изучения истории XVIII в. П. Г. Любомировым (Государственный Исторический музей. М. 1935).

Война прервала печатание двух важнейших изданий по истории правительственной деятельности в XVIII веке. Первое из этих изданий — труд целой жизни ленинградского учёного Н. А. Воскресенского, посвятившего многие годы самоотверженной работе по подготовке к изданию документов по истории государственной деятельности Петра Великого. Н. А. Воскресенский предпринял громадные, казалось бы, непосильные для единичного исследователя розыски в Государственном, Сенатском и других архивах и обнаружил множество не бывших в научном обороте петровских бумаг и автографов. Результаты этих трудов составили подготовленное Н. А. Воскресенским восьмитомное издание документов Петра Великого. Первый том отведён законодательным актам петровского времени (его издаёт Институт права АН СССР), причём таким важным, как генеральный регламент, закон об единонаследии и др. Издание Н. А. Воскресенского содержит ценнейший материал для изучения основных вопросов государственной деятельности Петра. Нет никакого сомнения, что выход в свет всех томов этого грандиозного труда будет крупнейшим явлением для всей петровской литературы.

Второе издание, предпринятое Институтом истории АН СССР, — обширное собрание документов по истории международных отношений эпохи французской революции. Первый том этого издания был к началу войны уже сверстан. Более узкой теме — «Россия и Франция в годы французской революции» — посвящено издание донесений русского посла в Париже Симолтина. В этих донесениях описываются парижские события и сообщаются материалы, которые дают представление о развитии контрреволюционной

политики Екатерины II («Литературное наследство» № 29—30).

Для того чтобы ввести в научный обиход важнейшие материалы, хранящиеся в архиве Академии наук, архив издал «Труды» под редакцией директора архива Г. А. Князева. В первом томе «Трудов» дан общий обзор фондов архива («Архив Академии наук СССР». Л. 1933), во втором томе напечатано описание «Учёной корреспонденции Академии наук XVIII в.» (составил И. И. Любименко. Л. 1937; том охватывает 1766—1782 гг.), в третьем томе дано описание 950 «Рукописей Ломоносова» (составил Л. Б. Модзалевский. Л. 1937), и, наконец, в последнем из вышедших томов — четвёртом — «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках» (составила В. Ф. Гнучева. Л. 1940; описание охватывает экспедиции 1717—1908 гг.). В каждом томе некоторые из описываемых документов печатаются полностью. Так, например, в ломоносовском томе находим неизвестную диссертацию Ломоносова о способе определения меридиана, в «Учёной корреспонденции» — письма ряда выдающихся учёных того времени. Деятельность географических экспедиций была выдающейся страницей русской науки XVIII века. Особенно почастливилось экспедициям Беринга, которые освещены теперь в ряде изданий: Свен Ваксель «Вторая камчатская экспедиция В. Беринга» (перевод Ю. Бронштейна, ред. А. И. Андреева, изд. Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. 1940), «Экспедиция Беринга» (подг. А. А. Покровский. Изд. ГАУ НКВД СССР. М. 1941) и ряд документов в «Красном архиве» (томы 71—74. 1935—1936).

Среди изданий, относящихся к истории отдельных народов СССР, отметим для Украины сборник документов «Повстання селян в селі Турбаях» (1789—1793) (Центральный архив управления УССР. 1933), который содержит документы о крупнейшем из крестьянских волнений того времени. Документы эти были уже предметом исследований ряда авторов, в том числе А. Я. Ефименко. Для гайдамачины 1771—1772 гг. довольно обильный материал даёт «Коденська книга судових справ» («Украинский архив». Т. II. К. 1931). Археографической комиссией Всеукраинской академии наук издана «Цехова книга бондарив, стельмахов, колюдиич, столлярив міста Кам'янця-Подільського від 1601 до 1803 р.» (Киев. 1932), отмечающая в повседневных записях события цеховой жизни, как например приём учеников и его условия и т. п. Ею же издана книга глуховского калачного цеха («Український архівний збірник». Т. I). Для социально-политической и экономической истории весьма существенное значение имеют материалы генерального следствия, произведённого на Гетманщине в 1729—1731 гг. с целью проверки прав на владение землями. К известным уже в печати материалам этого следствия теперь добавлены более обстоятельные сведения, относящиеся к Стародубскому полку («Украинский архив». Т. I. К. 1929). Для более позд-

него времени издан «Опис Новгородсѣверскаго наместничства» (К. 1931).

Казахстан освещён в единственном вышедшем пока томе подготовляемой Институтом истории АН СССР серии «Материалов по истории Казахской ССР» (Т. IV. 1785—1828 гг., сост. М. И. Стеблин-Каменская и Н. В. Устюгов, ред.—М. П. Вяткин. Л. 1940). Период, охватываемый этим томом, был временем упадка Малой Орды и обострения политической борьбы в ней. Один из основных предметов тома — широкое движение, возглавлявшееся батырем Срымом, и борьба Срыма против усилившегося к концу века феодально-колониального гнёта. Для характеристики более раннего времени ряд материалов дан «Красным архивом» (Т. 78; Т. 87. 1935. 1938). Им же издано составленное в 1761 г. В. Бакуниным «Описание калмыцких народов» (Т. 94. 1939), содержащее ряд исторических и других сведений. «Материалы по истории Осетии», собранные Г. Кокиевым (Т. I. Североосетинский научно-исследовательский институт. Город Орджоникидзе. 1933), своим содержанием в значительной мере обусловлены разведками горных богатств Осетии, но в то же время они дают достаточный материал для характеристики внутренних отношений в Осетии, а также для изучения взаимоотношений осетин с кабардинскими феодалами. Североосетинский научно-исследовательский институт издал также подготовленную к печати Г. Кокиевым книгу «Осетины во II половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера» (город Орджоникидзе. 1940).

Записи Штедера содержат данные для географии, экономики и социальных отношений в крае. Для истории освоения природных богатств Осетии значительное количество материалов дал также «Красный архив» (томы 83, 85. 1937; Т. 88. 1938). Из двух сборников по истории народов Сибири колониальная сторона сибирской истории особенно выступает в сборнике «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.» (сост. С. Б. Окунь. Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Л. 1935). Изложение в сборнике начинается походом пятидесятника Влад. Атласова в 1697 году. Сборник этот даёт материал также для истории борьбы и восстаний камчадалов, коряков и чукчей против колониальной власти и для истории внутреннего строя у этих народов. В «Сборнике материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в.». Вып. 1-й (под ред. В. Гирченко. Центральный архив Управления Бурят-Монгольской АССР. Верхнеудинск. 1926), составленном на основании архивов местных родовых управлений и степных дум, находим материал для характеристики хозяйства, родового управления и суда, а также обычного права бурят. Другой характер имеют «Материалы для истории Бурят-Монголии», издаваемые Институтом востоковедения АН СССР (томы I—IV. Л. 1935—1940). Вышедшие томы этой серии содержат исторические сочинения, написанные в 60—80-х годах XIX в., которые названы в серии летописями.

СЕЛИГЕРСКИЙ ПУТЬ БАТЫЯ К НОВГОРОДУ В 1238 ГОДУ

С. Ильин

6 декабря 1240 г. (ст. ст.) — день взятия Киева татарами — считается датой завоевания монголами всей тогдашней Руси. Захват Киева и южнорусских княжеств предшествовал разгром в 1237—1239 гг. севернорусских княжеств, проведённый Батыем с небывалой жестокостью.

Продолжавшийся два с половиной столетия период, известный в истории под названием татарского ига, исчерпывающе охарактеризован К. Марксом в «Секретной дипломатии XVIII в.»: «Это иго не только давило, оно оскорбляло самую душу народа, ставшего его жертвой. Монгольские татары установили режим систематического террора, причём разорения и массовые убийства стали его постоянными институтами».

Из всех областей тогдашней Руси только одна Новгородская земля избежала непосредственного разгрома её татарами, но и новгородцы принуждены были так же уплачивать дань, как платила её татарам вся русская земля.

Так как Новгородская земля была расположена на северозападе Руси и отдалена от

остальных русских княжеств, татары начали поход на Новгород уже обессиленные героическим сопротивлением русских людей до этого похода.

Начинавшаяся весенняя распутица значительно затрудняла продвижение татар по трудно проходимой озёрно-лесистой местности южной окраины Новгородской земли и явилась главной причиной отказа Батыя от дальнейшего похода на Новгород.

Татары настолько опустошили захваченную ими территорию, что материалы о подробностях нашествия Батыя почти не сохранились. Только этим можно объяснить отсутствие подробностей о походе Батыя на Новгород после того, как на реке Сити он разгромил дружины великого князя Юрия и захватил город Торжок, в течение двух недель стойко сопротивлявшийся татарам.

Ряд летописей примерно в одних выражениях указывает, что после захвата Торжка татары «гнашася... от Торжку Серегерским путём даже и до Игнача креста, а все людей

секуще аки траву, за 100 вёрст до Новгорода не дойдоша»¹.

Древнерусским летописцам, очевидно, было хорошо известно, где пролегал Селигерский путь, где стоял Игнач-крест, но нам, живущим спустя семьсот лет после похода Батыя, этот вопрос недостаточно ясен. В то же время он представляет значительный интерес, тем более что попытки историков установить действительный маршрут похода Батыя в районе озера Селигер и особенно найти местоположение Игнач-креста на протяжении почти двухсот лет не дали, как известно, положительных результатов. Не вызывает сомнений, что Селигерский путь в его центральной части пролегал по озеру Селигер, крупнейшему из всех верхневолжских озёр, расположенному в пределах нынешней Калининской и Ленинградской областей.

Но для решения вопроса о направлении Селигерского пути на самом озере необходимо остановиться на других указаниях летописцев об этом пути в связи с другими событиями в истории нашей страны.

Первое упоминание о пути через Селигер имеется в Новгородской летописи под 1199 г. и связано с поездкой по озеру делегации новгородцев, направлявшейся во Владимир-Залесский для приглашения на княжение в Новгород одного из сыновей Всеволода Большое Гнездо.

Участник делегации — архиепископ Мартирий — в пути заболел и умер. Смерть Мартирия произошла на Селигере и послужила причиной упоминания об озере в Новгородских летописях в конце XII столетия.

Второе упоминание о водном пути по Селигеру относится к 1216 г. и повествует о походе озером в Торопецкое княжество новгородского князя Мстислава Удалого, выступившего против владими́ро-суздальского князя Юрия II и его союзника Ярослава Всеволодовича, князя переяславль-залесского. Поход Мстислава закончился удачно для новгородцев. В битве под Липицей они разбили своих противников и заставили их на известное время отказаться от агрессивной политики в отношении Новгорода.

Третье упоминание летописей о Селигере содержится под 1229 г., в связи с нападением литовцев на новгородские владения в окрестностях озера.

Наконец, последнее упоминание летописей о собственно Селигерском пути указывает на движение этим путём татарской армии в сторону Новгорода в 1238 г., о чём уже сказано было выше.

Значительное внимание к Селигеру в древнерусских летописях показывает, что путь Селигерский являлся основным путём для сообщения Новгорода с «низовскими» землями, с бассейнами Волги, Западной Двины, а отчасти и Днепра.

Положительной стороной Селигерского пути являлись удобные и небольшие по длине волоки, спокойное течение рек по обе стороны водораздела между Ильменем и

Волгой (полная противоположность порожистой Мсте, допускаявшей свободное движение судов только в сторону Новгорода, вниз по течению реки) и, наконец, сильная разветвлённость самого Селигера, позволявшая караванам и судам, идущим одновременно в разных направлениях, двигаться без помехи друг другу.

Очевидно, эти обстоятельства учитывал летописец, когда он назвал всю местность в верховьях Волги, Днепра и Западной Двины «волоковским лесом», вкладывая в это понятие огромное значение для водных сообщений древней Руси всего интересующего нас района, центром которого по всем неоспоримым признакам являлось озеро Селигер.

Рекой Селижаровкой Селигер соединяется с Волгой и является для последней немало важным питающим бассейном. Преодолев сравнительно небольшие волоки, из Селигера в трёх пунктах можно выйти на притоки реки Пола, по которой через Ловать и Ильмень открывается удобный путь до самого Новгорода. В другую сторону из Селигера можно попасть на Западную Двину, используя для этого ряд речек и озёр с небольшими волоками между ними. По Западной Двине, в среднем течении близко подходившей к притокам Днепра, можно было пройти водным путём до самого Киева.

Несомненно, озеро Селигер являлось узлом водных путей в районе Верхней Волги и важнейшим участком этого водного пути, называвшегося по имени озера Селигерским.

Но очертания берегов Селигера, наличие больших разветвлений — плёсов, идущих по всем направлениям, — затрудняют до известной степени выяснение трассы водного пути на самом озере.

Выход из Селигера на Ильмень мог быть осуществлён по двум вариантам: 1) Берёзовский плёс — волок длиной до 2½ км от Залучья — озеро Шебериха — река Шебериха — река Пола — река Ловать — озеро Ильмень; 2) Полновский плёс — система речек и мелких озёр с волоками между ними на 5—6 км длиной — озеро Велье — река Явонь — река Пола — река Ловать — озеро Ильмень.

Сравнивая оба варианта, следует отдать предпочтение первому из них и считать Селигерский путь проходившим преимущественно через Берёзовский плёс Селигера. Это предположение подтверждается рядом достаточно убедительных доводов.

Как уже было сказано, выход из Селигера на Ильмень возможен через волоки у селений Залучье на Берёзовском и у Полново на Полновском плёсах озера.

Залученский волок сразу у Селигера начинается болотистой долиной, идущей в северном направлении к озеру Шебериха. Повышения рельефа волока мало заметны для глаза и ощутимы только вблизи озера Глубочек с вытекающим из него ручьём, почти тут же впадающим в озеро Шебериха.

На волоке до сих пор сохранились следы от переволокивания по нему новгородских судов. Следы эти имеют форму куветообразных углублений, тянутся по трассе волока на десятки метров. Они особенно заметны при переходах с болотистых на сухопутные уча-

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. IV. IV Новгородская, стр. 33—34.

стки и на спуске к озеру Глубочек, в самом конце волока.

На Селигере, там, где начинался волок, в древности стояло укрепление, охранявшее волок и подступы к нему. Раскопки Берёзовского Городища — высокого холма с обрывистыми склонами, на котором некогда стояло укрепление, — также дали положительные результаты, подтверждающие наличие именно в этих местах основного направления Селигерского пути. Археологи Государственного Исторического музея, три года подряд (1938—1940) производившие раскопки Городища, нашли здесь много предметов древнеславянского быта и вооружения, по которым можно установить прежних обитателей этого района и военное предназначение Берёзовского Городища.

Берёзовская волость вместе с Городищем принадлежала, как свидетельствуют Новгородские писцовые книги за 1495—1501 гг., новгородским боярам Борецким. От последней представительницы Борецких — Марфы Борецкой — владения эти перешли в собственность великого князя Ивана III после покорения им Новгорода.

Наше предположение подтверждается также старинным названием селения близ Городища — Берёзовский Рядок. Селение с подобным названием могло появиться только в районе оживлённого водного пути и развитых торговых отношений, в результате которых и возникали «рядки», «торги» и прочие пункты.

Всех этих особенностей лишён волок у Полнова, в северной оконечности Селигера, по которому также был возможен выход на реку Полу через озеро Велье и реку Явонь.

По расстоянию полновский волок в два с половиной раза длиннее залученского (5—6 км против 2½); кроме того он проходил по холмистой местности. При сравнении этих двух волоков все преимущества остаются за Берёзовским плёсом.

По мнению проф. Н. П. Барсова¹, Селигерский путь на озере шёл по обоим плёсам: сообщение Новгорода с Поволжьем осуществлялось через Полновский, а с Подвиньем — через Берёзовский плёс.

Преимущества пути по Берёзовскому плёсу в сравнении с Полновским настолько очевидны, что едва ли есть необходимость подробно останавливаться на необоснованных утверждениях проф. Барсова о таком искусственном разделении Селигерского пути.

Нельзя определять древние водные пути по Селигеру, не будучи знакомым с самым озером и с топографией окружающей его местности. Проф. Н. П. Загоскин², говоря о путях по Селигеру, вообще отказался определять, где эти пути пролегли по озеру, так как был приведён в полное замешательство обилием волоков и верховьев рек в этом

районе Валдайской возвышенности, центральную часть которой занимает Селигер.

Но он совершил явную ошибку при разрешении этого вопроса тем, что пытался приписать название собственно Селигера всей водной системе в верховьях Волги и для обоснования неверной трактовки о Селигерском пути тенденциозно комментировал известие Новгородской летописи о смерти Мартирия на Селигере в 1199 году.

Эта явно неудачная попытка Загоскина разрешить вопрос о Селигерском пути ещё более подчёркивает важность личного знакомства с Селигером и районом верховьев Волги для авторов, занимающихся изучением древних путей в этом районе, и в особенности с определением трассы упоминаемого в летописях пути Селигерского.

Мнение краеведов-практиков имеет в разбираемом нами вопросе огромное значение.

Археологические данные и изучение района озера Селигер не оставляют сомнения в том, что Селигерский путь пролегал именно по Берёзовскому плёсу с выходом в бассейн Ильменя через волок у Залучья и озера Шебериха. Этот водный путь Селигерский, как свидетельствуют летописи, и послужил в 1238 г. основным направлением, по которому шли татары на Новгород.

По свидетельству летописей, продвижение татар в сторону Новгорода прекратилось на том же Селигерском пути, в местности, называемой в летописях «Игнач-крест», на расстоянии 100 вёрст от Новгорода.

Пользуясь тем, что нам уже известен путь Батые в районе Селигера, можно определить и местонахождение Игнач-креста. Пойсками местонахождения Игнач-креста в районе между Селигером и Ильменем занимались многие историки, особенно в дореволюционное время, но, насколько известно, вопрос этот продолжает оставаться невыясненным и в наши дни.

Начало этим поискам положил С. М. Соловьёв³, предполагавший с оговоркой «быть может», что нынешние Крестцы стоят на месте древнего урочища Игнач-крест, упомянуемого в летописях.

После Соловьёва его предположение повторил ряд авторов и в их числе В. П. Семёнов — редактор многолетнего издания «Россия»⁴. На страницах «России» утверждалось, что путь Батые проходил по льду озёр Селигер и Велье «во всю их длину», по «тяжёлым и непривычным для сынов степей лесным дебрям до Игнач-креста в районе нынешних Крестцов».

Причиной ошибок Соловьёва, Семёнова и их последователей является то, что они искали объяснение отказа Батые от похода на Новгород в «промысле божьем», а не в объективных условиях, сложившихся для татар в районе Селигера: они продвигались здесь по трудно проходимой озёрно-лесистой местности, почти не заселённой, не могущей обеспечить продовольственные и

¹ Барсов Н. «Очерки русской исторической географии», стр. 27—28. Варшава. 1885.

² Загоскин Н. «Русские водные пути и судовое дело в древней Руси», стр. 132. Казань. 1910.

³ Соловьёв С. «История России». Т. III. Гл. 2-я, стр. 823.

⁴ Особенно т. I, стр. 424—425 (СПБ. 1899), и т. III, стр. 75 и 354 (СПБ. 1900).

фуражные пужды армии завоевателей. К тому же приближалась весенняя распутица.

Название «Крестцы» упомянутые авторы производили от слова «крест», беря последний в религиозном понимании. Но кажется более правдоподобным, если это название производить от перекрёстка дорог (крест-накрест), на котором находятся Крестцы. Что в вопросе об определении Игнач-креста отобразилось религиозное мировоззрение авторов, могут подтвердить упреки Н. М. Карамзина¹ по адресу В. Н. Татищева, которого Карамзин считал чуть ли не атеистом за неправильное, по мнению Карамзина, но более объективное и достоверное истолкование Татищевым причин отказа Батые от похода на Новгород.

Гораздо ближе к вопросу об определении местонахождения Игнач-креста подошли военные историки прошлого столетия: М. Н. Иванин² и Н. С. Голицын³, утверждавшие, что татары шли Селигерским путём на северозапад от нынешнего Осташкова по льду Селигера, в направлении на Старую Руссу.

Не указывая отдельных звеньев этого пути, Иванин и Голицын всё же правильно предполагали его направление. По предположению Иванина и Голицына, продвижение татар к Новгороду приостановилось на реке Пола, у селения Игнатицы, в 190 верстах от Новгорода (фактически же от Игнатиц до Новгорода по трассе пути Селигерского всего лишь около 120 км).

На первый взгляд, это расстояние в 190 вёрст резко расходится с данными летописей, по свидетельству которых татары не дошли до Новгорода всего 100 вёрст. Но противоречие здесь только кажущееся. Глубоко неправы те историки прошлого и нашего времени⁴, которые в соответствии с летописью утверждают в своих работах, что татарам оставалось пройти до Новгорода 100 вёрст, когда они отказались от продолжения похода.

Следует отметить, что верста у летописца представляла собой другую единицу длины, нежели теперь, и современные историки укорачивают версту периода Батые «в погоне за точностью» ровно в два раза. Для установления этой простой истины достаточно было бы заглянуть в энциклопедию. Акад. Б. Д. Греков во всех своих работах по вопросу о татарском нашествии указывает, что татары не дошли до Новгорода около 200 километров. К сожалению, акад. Греков не объясняет, что за версту в то время принималось расстояние, в два раза большее, чем современная верста. Теперь, когда известно, что расстояние в 100 вёрст, упоминаемое в летописях, равно 200 километрам современным, становится ясным, что Крестцы (от них

до Новгорода 79 вёрст, или 39½ вёрст «летописных») никак не могут находиться на месте древнего Игнач-креста и что его следует искать в другом месте.

Принять утверждения С. Соловьёва, В. Семёнова и других авторов о том, что Крестцы тождественны Игнач-кресту, значит согласиться с тем, что летописцы значительно преуменьшили опасность, грозившую Новгороду от приближения к нему татарской армии. В действительности же скорее можно было ожидать другого, создавая грозную опасность для Новгорода от приближения татарских полчищ, летописцы могли преувеличить её.

Нельзя согласиться и с мнением М. Иванина, которое разделял и Н. Голицын, о том, что Игнатицы на реке Пола тождественны летописному Игнач-кресту. Иванин и Голицын считают от Игнатиц на реке Пола до Новгорода 190 вёрст, но определяют это расстояние по направлению, оставшемуся непройденным татарами в части от Игнач-креста до Новгорода через Старую Руссу в обход Ильменя с югозапада, чтобы выйти к Новгороду со стороны Пскова.

Непонятно, чем руководствовался Иванин, исчисляя расстояние на водном пути по сухопутному варианту, уклоняющемуся, к тому же, значительно в сторону от пути Селигерского, на который ссылаются летописи и по которому они исчисляли расстояние от Игнач-креста до Новгорода равным 200 километрам. Совершенно очевидно, что предположения Иванина неосновательны.

Указаниям летописи о местоположении Игнач-креста на пути Селигерском примерно на расстоянии 200 км от Новгорода по трассе водного пути весьма удачно соответствует нынешнее селение Игнатовка, расположенное у северозападной оконечности озера Шебериха, в пределах Калининской области (у границ её с Ленинградской областью).

Селение Игнатовка (по-местному Игнашовка) существует несколько столетий и упоминается в переписной книге Деревской пятины за 1495—1501 гг. в составе Берёзовской волости, принадлежавшей боярам Борецким.

Расстояние Игнатовки от Новгорода, исчисляемое по водному пути, равняется 200—210 км, что почти совпадает с расстоянием, приводимым в летописи. В прямом направлении, измеренном по карте, Игнатовка находится в 160 км от Новгорода.

Таким образом, и местоположение Игнатовки, и расстояние от неё до Новгорода, и, наконец, фонетические признаки — всё это подкрепляет предположение, что именно Игнатовка стоит на месте древнего урочища Игнач-крест, от которого татары прекратили движение на Новгород и пошли обратно в юговосточном направлении.

Поблизости от Игнатовки расположены селения Большие Татары, Малые Татары, Пустынка; эти названия, очевидно, связаны с прохождением татар в этой местности и с опустошениями, произведёнными ими.

В заключение необходимо остановиться на причинах, заставивших Батые двигаться на Новгород по Селигерскому пути, хотя тата-

¹ Карамзин Н. «История государства российского». Т. III. Прим. 367.

² Иванин М. «О военном искусстве и завоеваниях монголов». СПб. 1846.

³ Голицын Н. «Русская военная история». Ч. I-я, стр. 115. СПб. 1877.

⁴ Как, например, проф. А. В. Шестаков в статье «Восточная Европа под властью монгольских завоевателей» («Пропагандист и агитатор РККА» № 33 за 1937 г.).

ры имели возможность сразу после захвата ими Торжка идти к Новгороду более прямым путём, в северозападном направлении, через нынешние Вышний Волочок, Валдай, Крестцы и Бронницы, причём в этом случае путь до Новгорода сокращался для татар почти на 150 километров.

Несмотря на свои победы над русскими татары были настолько обессилены потерями в людском и конском составе при взятии русских городов и в битве на реке Сити, что Батый должен был опасаться сильных контрударов со стороны новгородцев.

Если бы Батый пошёл на Новгород через Валдай, Крестцы, Бронницы, то под самым Новгородом татарам пришлось бы в условиях весеннего разлива переправляться через две большие реки — Мсту и Волхов, — подставляя себя на переправах под удары воинов новгородских дружин.

Двигаясь на Новгород по описанному нами пути, Батый не только избегал переправ через большие реки в непосредственной близости от Новгорода, но и становился на путях между Новгородом и Псковом, тем

самым разъединял эти города, получал возможность разгромить их поодиночке, что всегда составляло излюбленную тактику татарских военачальников и прежде всего самого Батыя.

Перспектива более лёгкого разгрома новгородских дружин и захвата Новгорода продиктовала Батыю необходимость пренебречь кратчайшим, но менее выгодным в военном отношении путём и идти на Новгород более длинным путём — Селигерским.

Большие пробелы в летописях о подробностях татарского нашествия заставляют нас многие из событий того времени строить на предположениях, тем более вероятных, чем больше фактического материала приведено в обоснование такого рода предположений.

Приводимые в настоящей статье доказательства и предположения могут быть использованы как исходный материал для дальнейшего выяснения интересующих историческую науку вопросов, до сих пор мало освещённых в исторической литературе.

К ИСТОРИИ ГОРОДА ТЕРМЕЗА

Б. Лукин

На территории Узбекской ССР расположен город Термез, известный своим богатейшим историческим прошлым, запечатлённым как в письменных источниках средних веков, так и особенно в многочисленных и разновременных памятниках материальной культуры.

50 лет назад (1894 г.) вблизи руин древнего Термеза, у небольшого поселения (кишлака) Патта-Кесар, на афгано-бухарской границе, началось строительство пограничного укрепления (крепости) Термез. Между Патта-Кесаром и крепостью стал быстро расти населённый пункт. В 1928 г. последовало решение о слиянии бывшего укрепления «урочище Термез» с кишлаком Патта-Кесар и о наименовании быстро выросшего при советской власти поселения городом Термезом. Так было восстановлено прежнее историческое наименование города.

* * *

Достоверные находки остатков материальной культуры свидетельствуют о существовании на месте Термеза поселения городского типа уже в эпоху так называемого греко-бактрийского царства¹. Поселе-

¹ Район Термеза вообще исключительно богат археологическими находками, подчёркивающими важнейшее историко-культурное значение Термезской округи. Так, к северу от Термеза, в Байсунском районе, в 1938 г. была открыта палеолитическая стоянка мустьерского возраста, в пределах которой обнаружены костные останки молодого неандертальца. Недалеко от Термеза, в ущелье Зараут, Ширабадского района, в 1939 г.

ние это было связано большой дорогой с Балхом, столицей Бактрии, в которой, как известно, скрещивались важнейшие караванные торговые пути из Индии и Ирана (развалины Балха находятся в 80 км от современного Термеза, на территории Афганистана). Протекавшая вблизи поселения судоходная река Аму-Дарья открывала путь в области верхнего Пянджа, а равно и в расположенные по течению реки культурные очаги Хорезма. Охранявшие поселение оборонительные сооружения располагались на удобных и выгодных для этой цели возвышенных плато.

Поселение быстро разрасталось. В начале нашей эры оно представляло крупный центр, сведения о котором (под названием Та-ми) сообщают, в частности, китайские источники (например буддийский монах Сюань Цзан в описании своего путешествия).

Открыта наскальная живопись в основном эпохи бронзы, частично же восходящая, видимо, к верхнему палеолиту. На территории термезских городищ часты отдельные находки скребков и других кремнёвых поделок; некоторые из них, возможно, принадлежат культурам неолита. Известны здесь и находки фрагментов крашеной керамики, весьма родственной поздним стадиям культуры типа Ачау.

К числу выдающихся открытий, относящихся к более позднему времени, принадлежат остатки буддийского пещерного монастыря в Термезе, поразительной работы фрагмент скульптурного каменного карниза с фигурными изображениями первых веков нашей эры из находок на территории городища Айртама, в 18 км от Термеза, и др.

вия VII в., когда область Термеза с прилегающими местностями принадлежала туркам). Видное место в общественно-экономической жизни Термеза занимали буддийские общины, которые имели торговые сношения с Индией, Китаем, Ираном и Римом.

С середины VII в. арабы-завоеватели, преодолевая упорное сопротивление аборигенов, всё более овладевали местностью вокруг Термеза вплоть до берегов Аму-Дарьи. Сначала Термезом владели отдельные арабские военачальники (например с 689 г. Муса бен Абдалах), но в VIII в. область Термеза уже и формально вошла в состав арабского халифата. Утвердившемуся в городе Саганиане эмиру были подчинены области Термез, Шуман и Харун.

В X в. Термез был оживлённым ремесленно-торговым городом (шахристан), имевшим цитадель (кала), большой пригород (рабад) и приречную пристань. В период правления в халифате династии Аббасидов (с середины VIII в.) и впоследствии, при династии Саманидов (с конца IX в.), город имел собственный монетный чекан.

Постепенное ослабление могущества халифата, а затем и утрата им власти в Средней Азии не отразились на значении Термеза как крупного городского центра. Наибольшего развития Термез достиг в X—XII веках. Войны с феодалами замударьинских областей, или Мавераннахра («Заречья»), и отражение набегов кочевников-карлуков привели к усилению оборонительных сооружений Термеза. Рост населения и размах экономических связей повлекли расширение шахристана и особенно рабада. Последний располагал тогда несколькими главными улицами, базарами, многочисленными зданиями, в том числе зданиями мечетей, медресе, караван-сараяв. Местная промышленность была представлена ремесленниками — металлистами, оружейниками, керамистами, стеклодувами, фармацевтиками, мыловарами, кожевниками, ткачами, мастерами по изготовлению лодок.

Различные сведения о Термезе мы находим у известных арабских авторов IX—X и последующих веков. О Термезе, в частности, говорит Ибн-Хордадбех, Ибн-Хаукаль, Макдиси и др. Термез фигурирует и в древнем эпосе «Шах-Намэ». Для характеристики объёма и размаха жизни Термеза в период, предшествовавший монгольскому завоеванию, показательны, что остатки цитадели, зданий и стен города занимают сейчас площадь около тысячи гектаров (так называемая приамударьинская группа развалин).

Нашествие монголов и взятие Термеза Чингиз-ханом (617 г. хиджры, или 1220 г. н. э.) сопровождалось разгромом и упадком города. Возрождение его происходило медленно и уже на новом месте (к востоку от «старого» Термеза и ближе к правому берегу реки Сурхан-Дарья), на землях, принадлежавших термезским духовным феодалам. Проф. М. Е. Массон, один из современных исследователей прошлого Термеза, не без основания предполагает, что выбор места для вновь возникавшего города был обу-

словлен прежде всего интересами группы духовных феодалов, всячески стремившихся использовать борьбу политических конкурентов для усиления своей роли и влияния. Являясь хозяевами значительного количества воды, местные духовные феодалы (из термезских сейидов) были, естественно, заинтересованы в том, чтобы заново возникавший город находился близко к их земельным владениям. Река Сурхан-Дарья являлась главным источником водоснабжения города и орошения возделанных под садовые и другие культуры пригородных земель. Говоря о термезских сейидах, уместно вспомнить здесь указание Маркса, что на Востоке «одной из материальных основ государственной власти... было регулирование водоснабжения»¹.

После перемещения на новое место город рос сначала довольно медленно, жители его были представлены всего несколькими сотнями семей, главным образом поселенцев-скотоводов. Временный упадок городской жизни в общем соответствовал и тому тяжёлому политическому положению, в каком находились в XIII в. жители многих местностей Средней Азии, испытывавшие не только гнёт монголов, но и переживавшие в своей среде период высшей феодальной раздробленности и междоусобиц.

Постепенно сказывались, однако, издавна сложившиеся здесь благоприятные условия городской жизни. Уже Рюи Гонзалес де Клавихо в дневнике путешествия посольства испанского короля Генриха III ко двору Тимура в Самарканде писал о Термезе, что, «вошедши в него (в 1404 г. — Б. Л.), мы ехали так долго, что приехали в своё помещение совсем раздосадованными: и всё время ехали по площадям и многолюдным улицам, где продавались разные разности». В окрестностях города «было много садов и воды».

В Термезе бывал Тимур. В 1399 г. он посещал, например, погребения термезских сейидов («потомков пророка») и мазары «старого» Термеза — ходжи Мухамед Али хаким Термези и шейха Абу Бекра Варраха.

Впоследствии Термез подчинился Балху. В XVI в. враждебные действия Абдуллы-хана побудили восстановить крепость «старого» Термеза на берегу Аму-Дарьи. В XVII в. Термез принадлежал узбекскому роду кунград и также входил в состав балхских владений. Непрестанные феодальные распри вели к упадку города. В начале второй половины XVIII в. основоположник династии мангытов эмир Бухары Мухамед Рахим хан пытался, по некоторым сведениям, восстановить город. «Однако, — замечает по данному поводу проф. М. Е. Массон, — это искусственное мероприятие не оправдалось, очевидно, ни экономическими, ни политическими условиями и результаты его были недолговечны»².

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 482. Примечание, М. 1937.

² Массон М. «Городища старого Термеза и их изучение». Сб. «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.», стр. 11. Ташкент, 1941.

К концу XVIII в. некогда обширный, цветущий город представлял собой развалины. В середине XIX в. у руин древнего Термеза возникло небольшое бухарское селение Патта-Кесар, затем русские построили крепость и поселение, и на их основе в дальнейшем возник новый город Термез, который особенно значительно разросся за годы советской власти: он обогатился рядом промышленных предприятий, новых жилых строений, зданием городского театра, благоустроенным Домом Красной Армии, стадионом и т. д.

Многогранное историческое прошлое и памятники материальной культуры Термеза давно привлекали внимание любителей старины и исследователей-специалистов. Руины древнего Термеза посещали, в частности, геолог И. В. Мушкетов, худ. Н. Н. Каразин, ориенталист Е. Ф. Каль, археологи А. А. Бобринский, А. А. Захаров и А. А. Семёнов, военные инженеры Б. Н. Кастальский и И. Т. Пославский и др.

Покойный академик В. В. Бартольд, интересовавшийся прошлым Термеза, занимался извлечением сведений о нём из письменных источников.

Однако правильно организованное и планомерное изучение памятников Термеза стало осуществляться лишь в годы советской власти, когда на смену отдельным, отрывочным и часто случайным наблюдениям пришли правильно поставленные и систематически проводимые работы. Плодотворные изыскания были проведены экспедициями Музея восточных культур и Уэкомстариса (Узбекистанского комитета по изучению и охране памятников старины и искусства в Ташкенте)—работы проф. Б. П. Денике, архитектора Б. Н. Засыпкина, археолога В. Л. Вяткина, историков-искусствоведов Б. В. Веймарна и В. Н. Чепелева и др.¹ Большую работу по собиранию вещественных находок, литературных и архивных данных по Термезу провёл уполномоченный Уэкомстариса и директор местного музея Г. В. Парфёнов.

Исключительно ценные результаты дала Термезская археологическая комплексная экспедиция, организованная Комитетом наук Узбекской ССР и работавшая под руководством доктора археологии проф. М. Е. Массона и при участии сотрудников Государственного Эрмитажа (проф. Б. Б. Пиотровский и др.). Раскопочные и разведочные работы экспедиции дали много дополнительных и новых материалов для истории Термеза, разрешения вопросов его исторической топографии, изучения системы водоснабжения и ирригации древнего города, техники средневекового строительного искусства, научной фиксации наземных архитектурных сооружений и т. д. Особенно хорошие результаты дали раскопки пригородного ансамбля дворцовых сооружений, включающего в себя аудиенц-залу термезских правителей. Стены, столбы и полуколонны залы были облицованы (XI в.) фигурными и резными кирпичами, а несколь-

ко позднее (в начале XII в.) — прекрасной алебастровой резной штукатуркой с декорацией со стилизованным растительным орнаментом, изображениями фантастических животных и надписями. Подробный отчёт о работах экспедиции был опубликован уже в дни войны².

В 1927—1941 гг. правительство Узбекской ССР вынесло ряд решений о взятии на учёт и под охрану развалин Термеза и отпуске средств на ремонтно-реставрационные работы. В 1934 г. возник термезский филиал Уэкомстариса.

Среди многочисленных памятников прошлого Термеза особенно выделяются развалины на возвышенности Чингиз-Тепе, пригородный комплекс дворцовых сооружений, развалины Кырк-Кыз (очевидно, пригородного «кешка» — замка одного из феодалов — или «ханаки» — странисприимного дома), мазар Хакими-Термези, ансамбль зданий у не сохранившегося ныне минарета 1032 г., у древней дороги на Ширабад, башня (буддийский ступ) Зурмала или Катта-Тюпё, группа мавзолеев Султан-Садат, мечеть и мазар Зуль-Кифля на острове Арал-Пайгамбар и многие другие.

Обширный цикл памятников Термеза как бы завершает крепость, начатая сооружением в 1897 г., после занятия русскими войсками афгано-бухарской границы. Крепость эта полностью сохранилась до наших дней и, давно утратив боевое значение, ярко характеризует русское крепостное строительство конца XIX в. на Востоке. Она представляет собой четырёхугольник, опоясанный внешним рвом, а за ним — капитальными стенами (с угловыми бастиянами), сложенными из жжённого и сырцового кирпича на каменной основе. Прилегающее к крепости поселение также было обнесено уже невысокой и значительно более тонкой кирпичной стеной с часто расположенными бойницами для одиночных стрелков.

Следует особо отметить внимание, какое оказывали и оказывают областные (сурхандарьинские) и городские (термезские) организации охране местных памятников старины. Нам довелось, например, посетить в дни войны ансамбль архитектурных памятников XI—XVI вв., известный под названием Султан-Садат. Война прекратила приток сюда экскурсантов, временно приостановила рабо-

² «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 года». Труды Узбекистанского филиала Академии наук СССР. Серия I. История, археология. Вып. 2-й. Ташкент, 1941. 216 стр. (упомянутая выше статья М. Е. Массона, а также статьи Д. Д. Букинича, В. Д. Жукова, Б. Б. Пиотровского, И. А. Сухарева и В. А. Шишкина. Краткая характеристика работ Термезской экспедиции как «одной из крупнейших археологических работ в Узбекистане» дана в статье С. П. Толстова и В. А. Шишкина «Археология» в сборнике «25 лет советской науки в Узбекистане», стр. 264—265, 269, 271 и др. Изд. Узбекистанского филиала Академии наук СССР. Ташкент, 1942.

¹ «Культура Востока». Сб. Музея восточных культур. М. Вып. I, 1927. Вып. II, 1928.

ты по детальному изучению входящих в ансамбль древних сооружений. Однако и сейчас развалины Султан-Садат содержатся в полном порядке. Всюду видна заботливая рука хранителя, как и всегда, тщательно производится уборка внутренних помещений мавзолеев и центрального двора.

Показательна забота о сохранении памятников прошлого и советской общественности. Близ кишлака Зараут, в горах Кугитанг (на восточном склоне югозападных отрогов Гиссарского хребта), в ущелье Зараут, находятся многочисленные древние наскальные изображения животных и сцен охоты. В 1943 г. экспедиция музея Термеза и Термезкомстариса, руководимая Г. В. Парфёновым, осуществила дополнительную фиксацию замечательных памятников первобытного изобразительного искусства в Зараут-Сае. Работы экспедиции вызвали живой отклик окрестных колхозников. По поручению общего собрания колхоза имени Сталина, Кампыртединского сельсовета, Шарабадского района, председатель правления колхоза писал в редакцию областной газеты: «Мы, колхозники, понимаем, что древние красочные рисунки на скалах Зараут-Сае есть достояние узбекского народа и всех народов Советского Союза. Поэтому наш колхоз решил помочь в организации Зараутсайского заповедника, участвуя свои-

ми силами и средствами в постройке базы заповедника»¹.

Напряжённой творческой жизнью живёт сейчас Термез.

Трудящиеся города отдают все свои силы победе в Великой Отечественной войне. Населению города хорошо известно имя героя Отечественной войны, термезского рабочего, комсомольца Махмуда Бердыева. С уважением и любовью произносят горожане Термеза имя своего земляка, медицинского работника Моисея Иосифовича Блаунштейна, проводившего на фронт четырёх сыновей-комсомольцев. Его сыновей — близнецов Адольфа и Анатолия — знал весь город; в котором они росли и учились, прежде чем стать советскими офицерами.

Трудовыми подвигами, всемерной помощью фронту, заботой о раненых и семьях фронтовиков пронизана сейчас повседневная жизнь Термеза — одного из древнейших городов Советской страны.

¹ Наскальные изображения Зараут-Сае выполнены коричневой и красной минеральной охрой, крупнейшие и высокосортные залежи которой обнаружены в прилегающих к Зараут-Саю местностях. Колхозники приняли также решение организовать кустарно-промышленную выработку охристых красок.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

«Труды Государственного Исторического музея». Выпуск XIII. Сборник статей по истории материальной культуры XVI—XIX вв. под редакцией Н. Левинсона. Изд. Государственного Исторического музея. М. 1941. 252 стр. 25 руб.

Вышедший во время войны XIII выпуск Трудов Государственного Исторического музея посвящён мало разработанной области — многообразному вещевому материалу XVI—XIX вв., накопленному в собраниях музея и его филиалов. Исследования, составляющие сборник, возрождают давнюю традицию русской археологической науки, уделявшей много внимания подчас малозаметным и, на первый взгляд, малозначительным предметам быта минувших веков, через которые тонкое мастерство исследователя открывает неожиданно яркие и исключительно интересные стороны русской национальной культуры. Это тот плодотворный путь, который был намечен основателем музея И. Е. Забелиным, призывавшим к изучению частного и индивидуального как к верхней ступени познания общего.

Именно таким исследователем был сам И. Е. Забелин, обладавший талантом своего рода «мозаичной» исследовательской техники, создавший из бесчисленных наблюдений над мелочами жизни незабываемые монументальные картины быта русских царей и цариц. В свете этой научной традиции Исторического музея особенно отрадно увидеть в XIII выпуске его «Трудов» начало систематической публикации подобных детальных исследований, касающихся отдельных предметов и их серий, памятников искусства и материальной культуры от XVI до XIX века.

Работа отдела оружия представлена в сборнике двумя статьями, каждая из которых посвящена отдельному предмету из собраний музея. Н. И. Соболев пишет о пищали 1614 г. князя И. М. Катырева-Ростовского, автора известной «Повести о смутном времени». Для него, во время его воеводства в Туле в 1614 г. заезжий оружейник-иноземец Лобрик Тигльс изготовил эту пищаль (стр. 129—136). По тщательности методики и полученным выводам ещё более интерес-

на статья М. М. Денисовой о хранящемся в музее толедском клинке с надписью о принадлежности «кинжала» посадскому человеку Яренского городка (б. Вологодской губ.) Ивану Тимофеевичу Оболтину и датой — 1684 год. Автор разыскал в источниках по Яренску XVII в. владельца этого оружия и смог даже восстановить его биографию на фоне истории заходустного городка на путях в Сибирь. Автор набрасывает далее ряд возможных вариантов проникновения толедского клинка на русский Север. В коллекцию Государственного Эрмитажа попал также бердыш Ивана Оболтина с надписью владельца. И «кинжал» и бердыш украшены, кроме надписи, орнаментом, дающим основание предположить, что И. Оболтин был ремесленником-художником, а может быть, и оружейником (стр. 137—146).

Большой интерес для истории русской культуры, в частности русского искусства, представляет предварительная публикация Е. С. Овчинниковой стенописи церкви Грузинской богородицы в Москве, оконченной расчисткой в 1939 г. (стр. 147—166). Как со стороны архитектурной, так и в отношении своего живописного убранства памятник является родоначальником художественного течения второй половины XVII в., особенно ярко проявившегося в купеческом искусстве Ярославля и городов Поволжья. Роспись Грузинской церкви (1652—1653) не только в техническом отношении (темпера), но и по своему идейно-художественному содержанию вносит много нового в старые традиции. Здесь впервые прослеживается влияние гравюр Библии Пискара, которая в дальнейшем становится излюбленным пособием художников Ярославля, а также украинской гравюры (печерское издание «Выезд Иоанна Златоуста». 1624). В этой стенописи сказывается стремление мастеров к реализму и преодолению плоскостности; повествовательные циклы обильно насыще-

ны подробностями русского быта вплоть до вероятного портрета семьи строителей храма — купцов Никитниковых. Интересно предположение автора об участии в росписи Симона Ушакова и его друга — Иосифа Владимировича.

С большой тщательностью и вниманием описаны в сборнике отдельные предметы из собраний музея. Е. Н. Дмитриева описывает перегонный куб 1748 г., принадлежавший М. В. Ломоносову и, возможно, им же украшенный чеканным орнаментом (стр. 217—224). Г. И. Червяков опубликовал альбом чертежей 1832 г. архитектора О. М. Бове, относящийся к постройке церкви Скорбящей Богоматери в Москве. Чертежи, отличающиеся высоким архитектурно-графическим мастерством, представляют большой интерес для биографии зодчего и истории московского классицизма (стр. 225—232).

Кроме названных небольших очерков и публикаций сборник содержит и ряд значительных обобщающих исследований.

Работа Н. Р. Левинсона (стр. 82—128) представляет опыт истории подвесных осветительных приборов в России XVI—XVII вв., мастерски изложенный на широком фоне культурно-художественного развития Западной Европы и России. Автор даёт характеристику эволюции форм, устройства, стиля и бытового использования паникадил, первоначального ввоза их в Россию, а затем и их производства русскими мастерами, описывает организацию и условия работы. Прекрасное знание автором материала и умение вложить его в широкую историческую перспективу превращают, казалось бы, «узкую» тему в исключительно яркую и увлекательную страницу русской культуры с её сложными связями с Западной Европой, своеобразием интерпретации воспринятого, многогранным блеском таланта безмянных «котельников» и «паникадильных мастеров». В этом исследовании найдут много интересного и поучительного историк и искусствовед, археолог и художник. Особенно интересны и свежи гла-

вы, посвящённые изобразительным деталям паникадил, обогащающие наши сведения о судьбах пластики в древней Руси.

Особое значение имеет капитальная работа Т. Г. Гольдберг и М. М. Постниковой-Лосевой «Клеймение серебряных изделий в XVII — начале XVIII вв.» (стр. 5—82), восстаивающая историю и приёмы раннего клеймения серебра в России. На основе большого музейно-вещевого материала авторы рисуют многие до того не известные подробности организации клеймения и дают чрезвычайно ценный для дальнейшей исследовательской работы систематический каталог клейм, раскрывая анонимные марки мастеров и сообщая данные об их произведениях.

Истории золото-серебряного кружева в России XVII в. посвящена статья М. Н. Левинсон-Нечаевой (стр. 167—190); коллекция устюжских эмалей XVIII в. подвергнута историческому изучению в очерке Т. Н. Тихомировой (стр. 191—216).

Очерк Л. И. Якуниной (стр. 233—251) рисует картину одного из крепостных производств начала XIX в. — производства высокохудожественных шалей; автор описывает поразительное искусство крепостных мастеров, создававших подлинные шедевры, отличавшиеся своими особенностями и красотой от восточных и западноевропейских образцов. Тончайшая и сложная техника изготовления шалей, лишавшая крепостных художников зрения уже в 28—30 лет, обеспечила мировую славу их произведениям. По признанию современников, они «истинно достойны удивления по бесчисленности колеров в многосложных и разнообразных узорах, по трудности их выполнения и по совершенному способу работы».

В целом сборник является ценным вкладом в далеко ещё не разработанную историю русской культуры и искусства, создание которой является долгом нашей науки перед страной. XIII выпуск Трудов Государственного Исторического музея даёт богатейший материал для этой работы.

Н. В.

ТРЕТЬЯКОВА Е. Уральцы в Отечественной войне против германских захватчиков в 1918 году. Огиз. Госполитиздат. 1942. 63 стр. 85 коп.

В рецензируемой брошюре показано, как трудящиеся Урала под руководством большевистской партии выступили в 1918 г. на борьбу с немецкими оккупантами. Боль-

шевики Урала с первых дней нападения немцев приступили к мобилизации своих боевых сил, к формированию частей для Красной Армии. Екатеринбургский совет

призывал: «Рабочие и солдаты! Все, кому дорого дело революции! Над сердцем рабоче-крестьянской революции — Петроградом — занесён меч немецких калединцев. Немцы идут свергать Советскую Власть, убивать революцию... Все под боевые знамёна! Записывайтесь в Красную рабоче-крестьянскую армию!» (стр. 39).

2 марта 1918 г. Екатеринбургский комитет РСДРП(б) обратился с воззванием к рабочим и крестьянам Урала: «Псков пал. Гнусная лапа международных разбойников протянулась к сердцу российской революции — Петрограду. Социалистическое отечество в опасности!.. В эти грозные дни вы не смеете молчать, быть безучастными зрителями кровавого преступления. Закалите сердца перед тяжестью предстоящих испытаний... Революция зовёт всех кому дорого её дело, под красные боевые знамёна к оружию!» (стр. 26—27).

Уральцы горячо и дружно откликнулись на призыв большевистской партии. С лозунгом «Вперёд за власть Советов!» шли сыны Урала на бой с врагом. Войны из Екатеринбурга и Челябинска, из Уфы и Перми, из Мотовилихи и Златоуста, Алапаевска и Красноуфимска сражались против немецких оккупантов. Урал не только дал воинов для борьбы с немецкими захватчиками, но помогал также фронту продовольствием и вооружением. Трудящиеся Урала выносили на собраниях решения помочь своим пайком защитникам Петрограда. 26 февраля 1918 г. рабочие и служащие Уфы единогласно постановили: «Январский паёк муки не получать, а отправить всю причитающуюся муку под

собственной охраной с маршрутным поездом на Петроград» (стр. 55).

Самоотверженно работали труженики Урала в тылу, снабжая фронт оружием и боеприпасами.

Всё это нашло отражение в рецензируемой брошюре, в документах и выдержках из газет того времени. Брошюра тов. Третьяковой как первая попытка показать участие уральцев в разгроме немецких оккупантов в 1918 г., безусловно, полезна и ценна. Эту работу надо продолжать. Сейчас, когда уральские дивизии на фронтах Великой отечественной войны покрыли свои знамёна неувядаемой славой в борьбе против немецких оккупантов, а сталинский Урал стал кузницей боевого оружия, показать героическое прошлое уральцев; славные боевые традиции гражданской войны — важная задача историков, в первую очередь уральских.

Существенным недочётом рецензируемой брошюры является то, что в ней очень мало архивных материалов. Из приведённых в брошюре 69 документов архивных всего около 15, остальные взяты из газет за 1918 г. и других источников. А ведь брошюра подготовлена Свердловским государственным архивом и Областным партархивом, которые располагают большим и интересным материалом по Уралу.

Статья, предпосланная документам, несколько обща и растянута. Автор усердно цитирует документы, приведённые в приложении; лучше было бы ограничиться кратким введением и дать побольше документов.

Ц. ГОФМАН

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

The American Yearbook. *A Record of Events and Progress for 1942*. Editor M. Schuyler. General Editor Albert Bushnell Hart. Prepared under the supervision of the American Yearbook corporation representing forty-five national learned societies, assisted by one hundred and fifty contributors. New York. 1943. 1052 p.

Американский ежегодник. *Летопись событий и прогресса в 1942 году*. Редактор — Шайлер. Главный редактор — Харт. Составлено под наблюдением корпорации американских ежегодников, представляющей сорок пять национальных научных обществ, и с помощью 150 сотрудников.

Ежегодник состоит из 7 частей: история (политическая история США и международные события в 1942 г.); американские правительственные учреждения; их деятельность и функции; экономика США; социальные условия; наука; литература; языковедение, искусство, образование. В последней части дан обзор развития исторической науки в США, включая этнографию, археологию, развитие лингвистики за 1942 г., перечень основных научных работ в этой области и т. д.

Hronek Jiri. *Volcano under Hitler. The underground War in Czechoslovakie. The Czechoslovak independent weekly*. London. 1943. 141 p.

Хронек Дж. *Вулкан под Гитлером. Подпольная война в Чехословакии*.

Tinoco Ela Caseres. *Desarrollo del Programa oficial de la Assignatura de Historia de la America Central del Secundo Curso de Magisterio y Ciencias y Letras*. Tegucigalpa. Honduras 1942. 165 p.

Тиноко Эла Касерес, проф. *История Центральной Америки*. Тегусигальпа.

Hynd Alan. *Passport to treason. The inside story of spie in America*. New York. 1943. 306 p.

Хайнд А. *Паспорт на измену. Очерки по шпионажу в Америке*.

Guérard Albert. *Napoleon III*, Cambridge. Harvard University Press. 1943. 338 p.

Герар А. *Наполеон III*.

Hrdlicka Ales *Alaska Diary, 1926—1931*. Lancaster. 1943. 414 p.

Хрдличка А. *Аляскинский дневник, 1926—1931*.

Книга известного покойного антрополога д-ра Хрдлички, исследовавшего Аляску в поисках археологического материала для объяснения происхождения туземного населения, является дополнением к его научным трудам, опубликованным Уисторнским институтом, и посвящена его наблюдениям над жизнью и бытом населения, экономикой Аляски и т. д.

Collier Donald and Murray John V. *Survey and excavations in Southern Ecuador*. New York. 1943. 141 p.

Кольер Д. и Мюррей Дж. *Обзор результатов раскопок в Южном Эквадоре*.

Murray Raymond W. *Man's unknown ancestors*. New York. 1943. 212 p.

Мюррей Р. *Неизвестные предки человека*.

Rayner Robert M. *The twenty year's truce, 1919—1939*. London—New York—Toronto. 1943. 248 p.

Рейнер Р. *Двадцатилетнее перемирие, 1919—1939*.

Sirich John Black. *The revolutionary committees in the departments of France*. Harvard. 1943.

Сирич Дж. *Революционные комитеты в департаментах Франции*.

Исследование по истории Великой французской революции.

Holton D. C. *Modern Japan and Shinto Nationalism*. University of Chicago Press. 1943.

Холтон Д. *Современная Япония и шинто-национализм*.

Исторические корни влияния шинтоизма на официальную доктрину Японии.

Bailey Frank Edgar. *British policy and the Turkish reform movement*. Harvard. 1943.

Бэйли Ф. *Британская политика и турецкое движение за реформу*.

Исследование по англо-турецким отношениям 1826—1853.

O'Sullivan Jeremiah and Burns John F. *Medieval Europe*. New York. 1943.

О'Салливен Дж. и Бернс Дж. *Средневековая Европа*.

Политическая, социальная и экономическая история Европы в средние века.

Hayman Arthur and Preece Harved. *Lighting up Liberia*. New York. 1943.

Хейман А. и Прис Г. *Возникновение Либерии*.

История и современное положение Либерии.

Bassechès Nicolaus. *The unknown Army*. New York. 1943.

Бассечис Н. *Неизвестная армия*.

История вооружённых сил СССР. Красная Армия, её возникновение и сила.

Lippman Walter. *U. S. Foreign policy: Shield of the Republic*. Boston. 1943. 177 p.

Липпман В. *Внешняя политика США — щит республики*.

Внешняя политика США за последние 40 лет.

Casson Stanley. *Greece against the Axis*. American Council on Public Affairs. Washington. 1943.

Кэссон С. *Греция против оси*. Американский совет внешних сношений.

Германское вторжение в Грецию.

Lavra Stephen. *The Greek miracle*. New York. 1943.

Лавра С. *Греческое чудо*. Война в Греции.

Powele Dilys. *Remember Greece*. New York. 1943.

Поуэлл Д. *Вспомни Грецию*. Очерк отношения Греции к войне.

The Greek White book. American Council on Public Affairs. Washington. 1943.

Греческая белая книга. Американский совет по общественным делам.

Bemis Samuel Flagg. *The Latin-American Policy of the United States*. New York. 1943.

Бемис С. *Латино-американская политика США*.

История развития сотрудничества между странами Америки.

Matthews William and Wooster Dixon. *Our soldiers speak, 1775—1918*. New York. 1943.

Матьюс У. и Уоктер Д. *Наши солдаты говорят, 1775—1918*.

История войн США, рассказанная словами рядовых солдат.

Lengyel Emil. *Siberia*. New York. 1943.

Ленжел Э. *Сибирь*.

Исторический очерк.

Rogers Robert Samuel. *Studies in the Reigns of Tiberius*. New York. 1943.

Роджерс Р. *Исследования из истории царствования Тиберия*.

Verril Hyatt. *Great conquerors of South and Central America*. New York. 1943.

Веррил Х. *Великие завоеватели Южной и Центральной Америки*.

Casserley D. M. *A History of Ireland. Part I—Earliest Times to Flight of the earls. 168 p. Part II—From the Flight of the earls to the present day. 152 p.* Dublin and Cork. 1943.

Кассерли Д. *История Ирландии*. Ч. 1-я — От древнейших времён до бегства графов. Ч. 2-я — От бегства графов до настоящего времени.

Учебник. К каждой главе дан вопросник. В приложении к учебнику дана история ирландской литературы и конституция Эйре 1937 года.

Burger John. *The black man's burden*. London. 1943. 316 p.

Бергер Дж. *Бремя чёрного человека*.

История, география, экономика, политическое устройство, культура, печать, политические партии в Южной Африке; положение туземцев.

Winbolt. *Britain B. C.* London—New York. 1943. 160 p.

Уинболт. *Британия до рождения Христа*.

Brenan Gerald. *The Spanish labyrinth. An account of the social and political background of the Civil War*. Cambridge. At the University Press. 1943. 385 p.

Бренан Дж. *Испанский лабиринт*. Очерк социальных и политических причин гражданской войны.

Книга состоит из трёх частей: Ч. 1-я — Старый режим, 1874—1931. Ч. 2-я — Возникновение рабочего класса. Ч. 3-я — Республика.

Williamson H. R. *China among the nations*. London. 1943. 125 p.

Уильямсон Х. *Китай и его место среди других стран*.

Первая часть книги посвящена древнему Китаю: его истории и философии; вторая часть — влиянию Востока и Запада на Китай; третья часть — современному Китаю: его борьбе, росту и его международным взаимоотношениям.

The "Daily Telegraph" story of the war. September 1941—December 1942. Edited by David Warley. London. 1943. 264 p.

«Дейли телеграф» о войне. Сентябрь 1941 г. — декабрь 1942 года. Сборник, под ред. Д. Марли.

Хроника событий войны, иллюстрированная многочисленными картами, схемами и фотографиями, заимствованная из обзоров и статей газеты «Дейли телеграф».

The Annual Register. A Review of public events at home and abroad for the year 1942. Edited by M.

Epstein. New York, Toronto, Calcutta Bombay, Madras. 1943. 490 p.

Ежегодная летопись. Обзор общественных событий в Англии и за границей за 1942 год. Под ред. М. Эпштейна.

Обзор событий по истории Англии и других стран мира: англо-советский договор, требования второго фронта и победа союзников в Северной Африке, хроника событий за 1942 год.

Dorfman Adolfo. *Historia de la industria Argentina*. Ed. Servir. Buenos Aires. 1943. 234 p.

Дорфман А. *История аргентинской промышленности*.

Rada Jose Jacinto. *El Peru, fuente de cultura americana*. Imp. Linari. Buenos Aires. 1943. 42 p.

Рада Хосе. *Перу, источник американской культуры*.

Du Rels Costa. *Felix Avelino Aramayo y su epoca, 1846—1929*. Ed. Vian. Buenos Aires. 1943. 370 p.

Дю-Релс К. *Феликс Авелино Арамайо и его эпоха, 1846—1929*.

Lengyuel Emil. *Turkey*. New York. 1942.

Ленгвел Э. *Турция*.

История Турции с древнейших времён до наших дней.

Lamb Harold. *Genghis Khan*. London. 1943.

Лэм Г. *Чингис-хан*.

Atlas of American history. Edited by James Ttustow Adams. New York. 1943.

Атлас по истории Америки. Под ред. Джемса Адамса.

Карты, показывающие историю развития США.

Hitti Philip K. *The Arabs*. Princeton. 1943.

Хитти Ф. *Арабы*.

Краткая история арабов:

А. Шубников

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Группа византиноведения Института истории Академии наук СССР

Для объединения и расширения научно-исследовательской работы по византиноведению при Институте истории АН СССР создана группа византиноведения под руководством чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминского. Перед вновь организованной группой стоят большие и ответственные задачи.

Для подытоживания большой работы, проделанной в прошлом русским византиноведением, группа займётся составлением обстоятельной библиографии по византиноведению, которая охватит все имеющиеся издания текстов, книг и статей по всем отраслям византиноведения, с разбивкой по группам. Это позволит выяснить, на каких вопросах останавливались русские византинисты в прошлом, какие проблемы истории Византии остались мало или вовсе не исследованными. В задачи группы войдут также выяснение и расширение книжных фондов СССР по византиноведению.

Предполагается издание работ по византиноведению, в частности выпуск постоянного печатного органа «Византийский сборник», первый том которого уже подготовлен к печати. Будет продолжено издание трудов В. Г. Васильевского; четыре тома его трудов уже вышли в издании Академии наук СССР; намечено также издание «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского. Эти издания будут наилучшим памятником величайшим русским византинистам и ценнейшим вкладом в мировое византиноведение. В план работы византинистов входит также подготовка сборника первоисточников по социально-экономической истории Византии, предназначенного для преподавания в вузах.

За время своего существования группа провела уже несколько научных заседаний. 18 ноября 1943 г. на заседании группы был заслушан доклад доктора исторических наук Н. В. Пигулевской «Византия и Иран на рубеже VI—VII веков». Это исследование, основанное на изучении ряда новых, не привлекавшихся до сих пор источников, в том числе сирийских документов, охватывает весь комплекс взаимоотношений Византии и Ирана и вводит в научный оборот много нового материала.

На заседании 9 декабря 1943 г. группа заслушала доклад старшего научного сотрудника Института истории АН СССР

Б. Т. Горянова на тему «Восстание зилотов в Византии (1342—1349 гг.)», представляющий собой основные выводы кандидатской диссертации докладчика. На основе исследования большого количества актов, грамот, хрисовульфов и других первоисточников, а также произведений византийских историков этого периода докладчик дал анализ развития внутреннего строя Византийской империи в малоизученной эпохе династии Палеологов (1261—1453), показал развитие форм поздневизантийского феодализма, борьбу мелкого и крупного землевладения. Пользуясь этим материалом, докладчик дал описание революционного движения зилотов в Византии второй четверти XIV в., являющегося одним из центральных событий в истории Византии в эпоху Палеологов.

7 января 1944 г. старший научный сотрудник Института истории АН СССР Е. Э. Липшиц сделала доклад на тему «Из истории византийской культуры в IX веке». В этом докладе сообщены результаты исследования деятельности одного из выдающихся представителей византийской культуры позднеиконоборческого периода, ректора Константинопольского университета Льва Математика. На основе сопоставления и детального анализа разноречивых данных византийских историков и хронистов Е. Э. Липшиц восстановила биографию учёного и определила направление его научных интересов. По мнению докладчика, Лев Математик является представителем светского, передового течения в византийской науке IX в., направленного к изучению окружающей природы и сравнительно индифферентного к вопросам религии. В результате иконоборческих споров это течение было вызвано к жизни в IX веке. Удивительные учёные познания Льва Математика и произведения его технического мастерства, представлявшие для своего времени значительные достижения, списали ему известность далеко за пределами Византии. Они демонстрировались всем чужеземным послам и, в частности, русской великой княгине Ольге и нашли таким образом отражение и в русской исторической традиции. Лев Математик был учителем патриарха Фотия и Константина (Кирилла) — просветителя славян.

Б. Горянов

На историческом факультете Азербайджанского университета

Историческим факультетом Азербайджанского университета и Азербайджанским филиалом АН СССР в ноябре 1943 г. было организовано чествование проф. Писаревского в связи с 75-летием со дня его рождения и 50-летием научно-педагогической деятельности.

Профессор Г. Г. Писаревский родился 7 (20) октября 1868 г. в городе Пошехонье (ныне Пошехонье-Володарск), Ярославской области. В 1892 г. окончил Варшавский университет по историко-филологическому факультету. В 1909 г. Г. Г. Писаревский защитил в Казанском университете диссертацию на степень магистра русской истории и в том же году получил приват-доцентуру при Московском университете. С 1910 г. он занимал последовательно профессорскую кафедру в Варшавском университете в Ростове на Дону, куда в 1915 г. был переведён Варшавский университет, в Смоленске и, наконец, в Баку, где и сейчас занимает кафедру истории в Азербайджанском государственном университете и одновременно работает в качестве старшего научного сотрудника Азербайджанского филиала Академии наук СССР.

Первая печатная работа проф. Писаревского появилась в 1895 г. в «Чтениях Общества истории и древностей российских при Мос-

ковском университете» (кн. II) под заглавием «К истории сношений России с Германией в начале XVI века».

После этого первого опыта научной работы проф. Писаревский сосредоточил своё внимание на разработке вопроса об иностранной колонизации в России.

Другим предметом исторических изысканий проф. Писаревского было конгрессовое Царство польское (1815—1830). Истории конгрессовой Польши посвящены две его работы, всецело основанные на неизданном архивном материале: «Из истории конгрессового Царства польского (1815—1830) при Александре I» (Смоленск. 1926) и «К истории польской революции 1830 года» (Баку. 1930).

Кроме названных работ, проф. Писаревскому принадлежит ряд мелких статей.

В настоящее время проф. Писаревский занимается изучением аграрных отношений в Азербайджане в XIX и XX веках. Им написаны работы, принятые и одобренные Институтом истории АзФАН, — «Крестьянская реформа 20 декабря 1912 года в Азербайджане» и «Падение крепостничества в Закатальском округе».

Проф. Писаревский продолжает активно и плодотворно работать в области исторической науки.

А. Китшин

CONTENTS:

ARTICLES: Parotkin I., col. — The Battle of Stalingrad. Raimov R., Secr. of the Bashkirian Regional Committee of the C. P. S. U. (B) — Twenty-five years of the Bashkirian Autonomous Soviet Socialist Republic. Shulgín V., Prof. — Marx and Engels and advanced social and scientific thought in Russia during the 70 and 80. Voronin N., Prof. — Culture in the Vladimir-Suzdal Period of Russian history (XI—XIII centuries). Pertsev V., active member of the Byelorussian Academy of Sciences — Prussia before her conquest by the Germans. Voytinski G., Prof. of Inst. of Oriental studies — International relations in the Far East during the years of the first World War. Manusevich A. A contribution to the diplomatic history of the question of the eastern frontiers of post-Versailles Poland. **IN MEMORIAM E. YAROSLAVSKY:** Em. Yaroslavsky (Academy of Sciences) — The study of the history of the C. P. S. U. (B) in the conditions of the great patriotic war. Pankratova A., corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR — E. M. Yaroslavsky — bolshevik historian. **REPORTS AND PUBLICATIONS:** Valk S., Prof. — Soviet publications relating to the history of the USSR up to the XIX century. Ilyin S. — Batu's road to Novgorod via Seliger in 1238. Lunin B. — A contribution to the history of the city of Termez. **CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ARTICLES AND REVIEWS. CURRENT EVENTS.**

SOMMAIRE:

ARTICLES: Parotkine I. Lieutenant-colonel — La bataille de Stalingrad. Raimov R., secr. du Comité régional bachkire du P. C. (b) de l'URSS. — La R. S. S. autonome de Bachkirie a 25 ans. Chouiguine V., prof. — K. Marx et F. Engels et la pensée sociale et scientifique avancée en Russie aux années 1870—1880. Voronine N., prof. — La culture de la principauté de Vladimir-Souzdal aux XI—XIIIe siècles. Pertsev V., membre de l'Académie des Sciences de Biélorussie — La Prusse avant sa conquête par les allemands. Voltinski G., prof. à l'Institut des études orientales. — Les rapports internationaux en Extrême Orient pendant la première guerre mondiale. Manousévitch A. — Contribution à l'étude de l'histoire diplomatique de la question des frontières orientales de la Pologne après la paix de Versailles. **A LA MÉMOIRE d'Em. YAROSLAVSKI:** Em. Yaroslavsk de l'Académie des Sciences de l'URSS — L'étude de l'histoire du Parti communiste (bolchévik) de l'URSS pendant le grande guerre pour le salut de la patrie. Pankratova A., membre correspondant de l'Académie des Sciences de l'URSS — Em. Yaroslavski — historien bolchévik. **COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS:** Valk S., prof. — Les publications soviétiques de documents sur l'histoire de l'URSS avant le XIXe siècle. Ilyine S. — La route de Baty envers Novgorod à travers le Seliguer en 1238. Lounine B. — Contribution à l'histoire de la ville de Termez. **CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. COMPTES-RENDUS ET REVUES. CHRONIQUE.**

ARTIKEL: Parotkin I., Oberstlt. — Die Schlacht bei Stalingrad. Raimow R. Sekr. d. baschkirischen Gebietskomitees der KPdSU(B) — 25 Jahre Baschkirische Autonome Sozialistische Sowjetrepublik. Schulgin W., Prof. — K. Marx und F. Engels und das fortschrittliche gesellschaftliche und wissenschaftliche Denken in Russland der 70er und 80er Jahre. Woronin N.; Prof. — Die Kultur im Lande Wladimir-Suzdal im XI bis XIII Jahrhundert. Perzew B., Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Bje-lorussischen SSR Preussen bis zu seiner Eroberung durch die Deutschen. Woltinski G., Prof. am Inst. für Orientforschung — Die internationalen Beziehungen im Fernen Osten während des ersten Weltkrieges. Manusewitsch A. — Zur diplomatischen Geschichte der Ostgrenzen Polens nach Versailles. **ZUM GEDENKEN AN Em. YAROSLAWSKI:** Jaroslawsck Elm. Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR — Das Studium der Geschichte der KPdSU(B) während des Grossen Vaterländischen Kriegs. Pankratowa A., korrespondierendes Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR — Em. Jaroslowski — der bolschewistische Historiker. **MITTEILUNGEN UND VERÖFFENTLICHUNGEN:** Walk S., Prof. — Veröffentlichungen von Geschichtsdokumenten der UdSSR., bis zum 19. Jahrhundert. Ilyin S. — Der Weg Batus durch Seliger See auf Nowgorod im Jahre 1238. Lunin B. — Zur Geschichte der Stadt Termez. **KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. KRITISCHE BEMERKUNGEN UND VERÖFFENTLICHUNGEN. CHRONIK.**